

Элеонора Бостан

ИНСТИНКТ УБИЙЦЫ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Книга 2

18+

Элеонора Бостан
Инстинкт Убийцы. Книга 2

«Автор»

2012

Бостан Э.

Инстинкт Убийцы. Книга 2 / Э. Бостан — «Автор», 2012

Блестящая карьера загадочной и неуловимой Фатимы продолжается. География расширяется, приключения становятся все опаснее, размах увеличивается, а риск растет, ведь теперь она берется только за самые трудные дела. Ради достижения цели Фатима примерит роль известной танцовщицы, окажется в здании международного посольства, захваченного террористами в разгар Весеннего бала, а главный враг впервые выйдет на ее след... Сможет ли она остаться номером 1, когда судьба поставит ее перед самым важным выбором в жизни? Станет ли она уязвимой, уступив инстинкту, гораздо более могущественному, чем инстинкт убийцы? Содержит нецензурную брань.

© Бостан Э., 2012

© Автор, 2012

Элеонора Бостан

Инстинкт Убийцы. Книга 2

Книга 2. *Время большой охоты.*

Глава 1

1

Никогда не говори «никогда». Это проклятое правило действует безотказно, в чем в очередной раз убедилась Фатима, глядя на темное море, все то же Черное море, только еще на год старше, как и она сама. Почти год назад она вот так же ночью стояла на берегу, не желая лезть в воду, но зная, что другого выхода нет, и вот, пожалуйста, история повторяется, жизнь – это колесо. Это было уже не первое дело после громкого убийства посла, но первое важное дело, может, поэтому она так нервничала? Беспокойство всегда было, но никогда таким сильным, никогда до последней минуты. Это тревожило ее, может, даже пугало, она привыкла доверять интуиции, та никогда ее не подводила, и вот теперь она сама идет наперекор своему чувству, а может быть, предчувствию. Непонятная вибрация внутри не давала дышать, каждое нервное окончание натянулось, как раскаленная струна, что-то было не так, что-то должно было произойти.

– Так какого черта ты здесь сидишь, – прошептала она, обращаясь сама к себе, как привыкла за последние 8 лет, – убирайся подальше и забудь.

Да, она так бы и сделала, но только если бы это убийство не было таким важным. Теперь за ней закрепилась репутация практически магическая, за ее услуги стали биться самые влиятельные люди не только России, но и ближнего зарубежья, а цена стала просто космической, так что она была просто обязана теперь держать марку. Можно было уйти сейчас и убить объект позже... Но нет, другого шанса не было, это дело было слишком важно, и слишком долго она ждала этой единственной возможности, чтобы вот так просто взять и уйти. Это всего лишь нервы, не интуиция не прозрение, просто расшалившиеся нервишки, сказала она себе, при твоей работе ты еще на редкость спокойна и уравновешенна. И правда, «срок годности» киллера давно истек, а она продолжала набирать обороты, не сошла с ума и не закончила трупом в грязной канаве.

– Все хорошо, все просто отлично, я выследила сукина сына и сейчас убью его. – Едва слышно прошептала она, сидя прямо на бетоне возле высокой ограды Яхт-Парка. – Ничего сверхъестественного.

Она глубоко вдохнула, задержала дыхание и выдохнула. Но ничего не было хорошо, вибрация внутри не исчезла, а мысли не перестали путаться. Может, это засада, в который уже раз подумала она, не будь душой, вот так и попадают, уходи, убить его ты всегда сможешь в другой раз. Но уйти она не могла, как и не могла идти на дело в таком состоянии. И все бы ничего, но это тревожное чувство не покидало ее самого утра, вернее с обеда, когда она открыла глаза. И она не могла списать тревогу на сон, потому что ей ничего не снилось, она просто проснулась и поняла: что-то должно произойти. Интуиция редко так громко подавала свой голос, но сегодня она просто трубила внутри нее, настойчиво предупреждая о чем-то хорошем или плохом. Скорее о плохом, конечно, в ее жизни вряд ли могло случиться что-то хорошее и при этом столь значимое, что она с утра не находит себе места.

Сначала она думала: это пройдет, просто волнение пред делом, так всегда было, к этому она привыкла, но когда к вечеру, вместо того, чтобы пойти на убийство, тревога начал расти, Фатима серьезно задумалась. Ей следовало бы собираться, но она ходила из комнаты в комнату, словно тигрица в клетке, скрестив руки на груди и задумчиво глядя в пол. К 5 часам вечера

ее маленький коттедж, арендованный на неделю, и в самом деле стал напоминать ей клетку, поэтому она пулей вылетела из него, бешено хлопнув дверью. Уединенность и близость моря привлекли ее, когда она подыскивала себе жилье, а нахождение за чертой города Сочи только укрепило ее во мнении, что лучшего места ей не найти – и до города рукой подать и нет туристов, наводнивших город уже сейчас, в начале июня. Номинально несколько домов и железнодорожная станция относились к Сочи, но здесь было тихо и почти безлюдно, по крайней мере, сейчас, когда курортный сезон только начинался. Коттедж ей сдала ухоженная пожилая женщина, загоревшая до чрена, несмотря на то, что шли только первые числа июня. Сама она жила в городе, поэтому проблем с ней не возникло, получив деньги, она поспешила на электричку и отбыла. Соседей еще не было, только в дальнем домике жил какой-то писатель, приехавший бороться с творческим кризисом, но он Фатиму тоже не тревожил – лекарством от временной творческой импотенции для него была водка, а лечился он со всем рвением и от души.

А она со всем рвением окунулась в работу. Тот, кто был ей нужен, еще не приехал, но она ждала его, осваивая город и любимые места ее объекта. Делала она это на всякий случай, в первый же день она уже знала, где и когда убьет, и только укрепилась в первоначальном плане, как только он приехал. Молодой, энергичный и всегда безупречно элегантный, Евгений Ситко, несмотря на довольно молодой возраст – всего 29, для мужчины сущий пустяк, только первые годы после «переходного возраста» – обладал завидной деловой хваткой и активностью. Может, потому, что с самого детства его готовили именно к этому, если твой отец известный строительный магнат, твоими игрушками становятся макеты и отчеты, а не солдатики и машинки. С 18 лет он стал помогать отцу, будучи самым старшим из трех братьев и самым любимым, и теперь, к 29, стал правой рукой Юрия Ситко, имя которого знали даже дети.

В Сочи любимый сын великого отца приехал на отдых и на работу, как и положено солидному бизнесмену, приехал с женой и ребенком, как примерный семьянин, что тоже очень способствовало укреплению положительного имиджа. Поэтому-то его и сложно было достать, при нем, помимо охраны, всегда была жена, прижимающая к груди маленького наследника великой фамилии и большого богатства, они мило улыбались в камеры и всегда твердили, как любят друг друга и как у них все хорошо. Фатима и сама видела, как знаменитая семья общается с репортерами, а вокруг кружит охрана, это было в первый их день в Сочи, возле модного ресторана на набережной. Именно там она и ожидала увидеть свою жертву и не ошиблась, богатые и знаменитые всегда предсказуемы, им по статусу положено строго следовать правилам и делать только то, что от них ждут.

Это значительно облегчало ей задачу, предсказуемость синоним уязвимости, по крайней мере, в ее деле. И все-таки убивать его в ресторане она не собиралась и не могла, слишкомлюдно, а вот понаблюдать – пожалуйста. Так она изучала его привычки, характер и, самое важное, его охрану. В этот же вечер она села за соседний столик, шикарная, как и все вокруг, сделала подходящее лицо и, скрывшись за маской, начала работу. Никто не обратил на нее внимания, она не выделялась ничем среди этого блеска и фальши, и после ужина она благополучно удалилась, составив предварительно мнение об охране и объекте.

В другой день она оказалась в одном с ним клубе, и тут он уже был без жены, отрываясь на всю катушку. Впрочем, даже при жене он, не скрывая, стрелял глазами на дам вокруг, а в клубе так и вовсе лапал каждую встречную. Фатима станцевала с ним один медленный танец, прикинувшись совершенно пьяной, после чего удалилась в туалет и не вернулась, а известный «золотой мальчик» укатил в гостиницу с двумя полуголыми красотками, которых подцепил тут же. Конечно же, ни он, ни охрана ее не узнали, перевоплощаться она умела мастерски, камер в клубе не было, поэтому она спокойно могла танцевать с этим богатеньким ловеласом, несколько не опасаясь.

Она пробыла в Сочи уже 4 дня, он – 2, если он не поторопится и будет и дальше ходить по клубам и ресторанам, ей придется продлить аренду, а она не хотела торчать тут и мозолить его

охране глаза, она менялась, но глаз профессионала долго не обманешь. А ей приходилось следить за ним, иначе дожидаться нужного момента она не могла. Каждый день она садилась либо в электричку, идущую в сторону Адлера, либо в маршрутку и ехала в Сочи, как тень преследуя свою жертву. Как правило, она дежурила возле шикарной гостиницы, где остановилось семейство Ситко, туда он всегда возвращался после переговоров и оттуда уже ехал развлекаться, она ждала нужного дня, терпеливо и методично следуя за ним по клубам и ресторанам. Она ждала и знала: то, что ей нужно, произойдет. И она дождалась.

Евгений Ситко и сам не собирался засиживаться в Сочи, его жали дела, а уехать, не проведя время любимым способом он, конечно же, не мог. Поэтому на четвертый день, приехав к гостинице, Фатима наконец-то увидела то, что хотела увидеть – пара охранников несла коробки с продуктами и большие пластиковые бутылки с водой, загружая все в джип. Туда же они положили акваланг и ласты, а потом добавили удочку и баллон с газом. Этот день настал, Ситко собирался в открытое море на любимой яхте. Для него это был лучший отдых, так он снимал стресс после напряженной работы, ее проинформировали заказчики, поэтому она так ждала, когда же он начнет собираться в морской поход. Большим плюсом было то, что в море он всегда ходил один, никогда не брал жену или шлюх, только он и море. Ну, может, еще какой-нибудь близкий друг, но здесь, в Сочи, друзей у него не было, а приехал он только с семьей, так что место друга мог занять разве что охранник, но в этом Фатима проблемы не видела, главное то, что он будет оторван от общества, от массы людей, окружающей его, от армии охранников, и там она его достанет. То, что Ситко-младший заядлый яхтсмен, очень облегчало ей задачу.

Все складывалось отлично, но почему-то, проснувшись в обед того дня, когда жертва должна была ночевать на яхте, Фатима не радовалась, а нервничала и переживала. Набирая в ладони воду для умывания, она заметила, как дрожат ее руки. И это руки, которые отняли больше жизней, чем на них было пальцев! За завтраком еда не лезла в горло, даже прекрасный вид из окна не смог улучшить настроение и аппетит, она просто молча смотрела в окно, забыв про тарелку с овсянкой и остывающий чай, смотрела далеким задумчивым взглядом за горизонт, как будто ждала увидеть там ответы. После получаса транса она поняла, что завтракать сегодня не будет, и соскребла загустевшую кашу в мусорное ведро, а чай унесла с собой на крыльцо. Там она села прямо на низенькие деревянные ступеньки, совершенно забыв про опасность загнать в пикантные места занозу, и снова погрузилась в созерцание волн и облаков.

Сейчас ее жертва проводит переговоры, облачившись в строгий костюм, не смотря на жаркую и влажную погоду, таковы уж законы большого бизнеса, а там, где большие дела и большие деньги, всегда есть куча неудобств. Вот, например, ей приходится носить в такую погоду парик, приходится не спать сутками и еще много чего приходится делать и терпеть, так что в чем-то она его понимает. А он, наверное, сейчас мило улыбается людям, которых хотел бы изорвать на куски, и глубоко вдыхает прохладный кондиционированный воздух офиса. Наверняка он пропускает мимо ушей всю вежливую болтовню, все то, что полагается говорить в таких беседах и что бизнесмены с опытом умеют не слышать, умеют вовремя отключать звук, чтобы в тишине обдумать все выше- и нижесказанное, точно зная, когда вежливая часть закончится, и снова начнутся переговоры. Ситко-младший уже такой, несмотря на молодой возраст, опыта у него побольше, чем у некоторых магнатов с сединами, он ведь всю жизнь только и видел, что деловые встречи, совещания и обеды. И еще она не сомневалась, что в такие минуты тишины он думает о предстоящей морской прогулке. Об этом же думала и она, пытаясь настроиться на жертву и унять непонятное беспокойство.

Сегодня вечером он поедет не в отель, а прямо на свою яхту «Калипсо», чтобы растянуть удовольствие и переночевать не в стандартной кровати душевного номера, а покачиваясь на волнах и вдыхая соленый свежий ветер. Этим вечером морская прогулка предстояла и ей, все необходимое уже лежало в спальне в полной боевой готовности.

Чтобы немного успокоиться, Фатима решила еще раз все проверить, обычно это срабатывало. Но не теперь, руки не слушались, мысли улетали куда-то далеко. В итоге она разозлилась и начала метаться по комнатам, как разъяренная тигрица, но от этого становилось только хуже, поэтому, после получаса метаний по дому, она пулей вылетела из него, хлопнув дверью с такой силой, что посыпалась штукатурка. Покинув ставший слишком тесным дом, она быстрыми шагами направилась к воде, сжав кулаки и низко опустив голову. В шлепанцы, которые она носила дома, тут же набрался песок, и она стала вязнуть в нем, но продолжала идти, ей просто нужно было немного пройтись, а то, что каждый шаг вызывал такие усилия, ее только радовало. Она не опасалась, что в дом, оставленный незамкнутым, кто-то войдет, в радиусе полукилометра никого, кроме вечно пьяного писателя, не было, а он в такие часы, как правило, или еще, или уже спал.

Дойдя до самой кромки мокрого песка, Фатима присела на корточки и протянула руки к воде, ожидая, пока накатит новая волна. Сегодня все небо затянули прозрачные облака, скрывающие солнце, но пропускающие лучи, отчего свет становился странным и загадочным, как при затмении. В такую погоду легче всего обгореть, говорили местные, но Фатима обгореть не боялась, ее кожа совершенно не реагировала на солнце, может быть, из-за той едва заметной смуглости, которую она унаследовала от отца, темной ее кожа не была, но и белой ее назвать было сложно.

С шумом и свежими брызгами накатила волна, Фатима протянула руки и с удовольствием погрузила их в прохладу, вода была еще холодной. А мне ведь сегодня плавать, подумала она, с содрогание представляя, как она в полной темноте будет погружаться в эту холодную бездну. По сравнению с этим то, что приходится терпеть Ситко и ему подобным на светских раутах и деловых переговорах – приятнейшее времяпрепровождение. Она знала, что придется снова лезть в воду, если не дважды, то один раз точно, яхта будет либо стоять у причала, либо покачиваться на волнах в бухте парка, то, что в море она выйдет только с рассветом, ее неоднократно заверяли заказчики. Значит, если ей повезет, на борт «Калипсо» она попадет с причала, не намочив ножки, если же нет, придется плыть и туда, и обратно – рисковать и дважды проходить мимо охраны она не могла.

Думая об этом, она встала и не спеша пошла по пляжу, совершенно пустому пока. Она решила не уходить далеко, просто пройтись немного и освежить голову, а заодно и успокоить нервы, то, что происходило с ней, ей очень не нравилось, мало того, ее это пугало. Что-то будет сегодня ночью, что-то не вписанное в мой сценарий, думала она, с усилиями вытаскивая ноги из песка и снова погружаясь в него, что-то должно случиться. А может, просто нервы расшались, может, она уже исчерпала себя и начинает медленно скатываться вниз, разваливаясь на части? Может, скоро у нее начнется мания преследования или галлюцинации? Или она утратить бдительность и будет убита? Не самые приятные мысли, но что-то было явно не так.

Тогда не ходи туда, сказал внутренний голос, если ты чувствуешь опасность и все равно идешь напролом, ты явно сошла с ума, так и начинается падение, ведь раньше ты бы никогда не шла на опасность, точно зная о ней. Да, но раньше я и не была лучшим киллером страны, возразила она, а статус налагает обязательства, связывает по рукам и ногам.

Так, ведя внутренний спор, она незаметно дошла до коттеджа писателя, она бы и не заметила, но ее внутренние дебаты прервал резкий пьяный голос.

– А-А! Моя единственная соседка! ИК! Какая встреча!

Икая и пошатываясь, с крыльца своего домика к ней заковылял не спящий на удивление бывший литературный титан. Впрочем, увидев бутылку у него в руке, Фатима поняла причину бодрствования. Решил начать пораньше, с отвращением подумала она, а то в мире еще столько спиртного, нельзя терять время на сон. С крыльца он просто чудом не упал, так как ступенек не видел, а даже если бы и видел, координация, как и талант, не желая соседствовать с выпивкой, оставили его давно и надолго.

– Доброе утро, – по привычке произнесла Фатима и только потом поняла, что уже давно не утро, а, скорее, разгар дня. Она не хотела занимать свое время общением с этим неудачником, она ненавидела пьяных, а так как нервы сегодня у нее были на пределе, решила от греха подальше побыстрее уйти.

– Для меня утро добрым не бывает ИК! Просто потому, что утром я всегда сплю, значит утра у меня не бывает! – сообщил писатель.

– Понятно. – Кивнула Фатима и поспешила удалиться, но бывший властелин слов так просто долгожданного собеседника отпускать не собирался.

– Подожди! Подожди! ИК! – он, пошатываясь, поплелся за ней, – не спеши, красавица, по-поболтай с известным писакой! ИК!

– Извините, мне правда некогда, – пыталась держать себя в руках Фатима, – может, в другой раз я обязательно с вами поговорю. Писатели ведь большая редкость.

– А пьяные писатели – редкость вдвойне! ИК! – И он заржал, чуть не рухнув на песок, а потом резко помрачнел. – Воротишь нос. ИК! А когда-то, чтобы только посмотреть на меня люди стояли в очередях.

Фатима остановилась и обернулась, с жалостью и презрением глядя на этого заросшего и неопрятно одетого мужчину с бутылкой вина в руке. Почему-то она решила не спешить с уходом, даже не зная почему, но она просто застыла вполборота, глядя на него своими загадочными черными глазами. Писатель, видимо, решив промочить горло для будущей беседы, поднес бутылку ко рту, и тут последние остатки координации покинули его – он медленно и неуклюже опустился на песок.

– Чертово слово! ИК! – воскликнул он, удивленно глядя по сторонам, – один глоток, и я уже сижу! Волшебство! ИК! – тут он вспомнил, что на пляже он не один, и с трудом поднял глаза на все еще стоящую Фатиму. – Жалкое зрелище, а? И это хорошо, если ты, красавица... ИК!... моих книг не читала, а то, наверное, тошно вдвойне.

– Не читала. – Коротко ответила Фатима. – Вообще-то, я даже не знаю вашего имени.

– Это как раз хорошо! ИК! Меньше знаний – меньше разочарований, так я писал в своих книгах. Я тебя тоже не знаю, и знать не хочу! ИК! Это на вершине всегда приятно, когда тебя знают, а когда ты в заднице – лучше оставаться в тени. ИК! Так оно как-то комфортнее.

Фатима промолчала.

– А знаешь, совсем не так давно, еще при твоей жизни – я вижу, ты еще совсем молода – я был самым многообещающим автором. ИК!

Ну конечно, подумала Фатима, а я была раньше монашкой в приюте в Колумбии. Как будто прочитав ее мысли, мужчина начал нетвердо махать рукой с поднятым указательным пальцем, отчего вино расплескалось на песок, окрасив его в кровавый цвет.

– Думаешь, вру? ИК! Нет! У меня с собой все мои книги, и все отзывы критиков! ИК! Могу показать, но тебе, наверное, насрать на это, как и на меня. Что ж, имеешь право, так наша беседа даже откровеннее, никакой лести. Никаких масок приличия. ИК!

Фатима снова промолчала, он сам все сказал. Что-то в этой омерзительной сцене держало ее, не давало уйти.

– Я строчил романы, как швея на фабрике, ИК! давал интервью, ездил по университетам с лекциями, журналы писали обо мне ИК! Я был лучшим, ну или почти лучшим. Пробыться трудно, а в литературный бизнес так и подавно, но я смог. А какого хрена я тут сейчас делаю, подумаешь ты, где же вспышки фотокамер и свет софитов. Вот здесь, – он высоко поднял бутылку с вином и покачал ею, – вот здесь вся моя прошлая жизнь. Да и настоящая тоже тут. ИК!

– Что, читателям разонравились ваши истории? – с сарказмом спросила Фатима, хотя и сама уже знала ответ.

– Лучше бы так. ИК! – Он опустил голову и снова отхлебнул из бутылки свою жизнь, как он выражался. – Я, как бы это сказать, привык быть лучшим и слегка подмочил свою репутацию. Ха-ха! ИК! В прямом смысле подмочил! Я уже не работал над книгами с таким рвением. Раньше я каждый день посвящал труду. ИК! А потом решил, если любят, подождут новый роман, пока у автора будет вдохновение. Но чем дольше я не подходил к рукописи, тем дольше не было вдохновения и тем реже оно приходило. Мне стало требоваться все больше времени на погружение в выдуманный мир. ИК! Идеи были, но из-за постоянных гулянок мне некогда было доводить их до совершенства. Мне стали напоминать, что читатели ждут новых романов, но меня это только злило. ИК! Как они смеют, простые, не наделенные талантами людишки, указывать мне и торопить меня! Меня, окрыленного музыкой творца! ИК! – он горько усмехнулся. – Запомни деточка, самое большое заблуждение в жизни: любовь – это терпение. Ни хрена! Думаешь, если мы кому-то нужны, нас будут ждать вечно? ИК! Нет, любовь народная или любовь мужчины и женщины имеет очень ограниченный лимит терпения, а потом, как бы сильно тебя ни любили, тебя пошлют куда подальше и найдут новую любовь.

– Так вас, значит, послали.

– Ну почти. ИК! Народ требовал сказок, а у сказочника в мозгах кончилась смазка, и механизм заржавел. Письма еще приходили, но в издательстве меня уже не было, да и письма чаще приходили гневные, а не восхищенные и трогательные. ИК! Но знаешь, что еще, у любви есть плюс: тебя не ждут, но тебя *любят*. В тебе нуждаются, тебя могут полюбить опять и дать тебе еще один кредит доверия. Я мог бы написать что-то, мог бы снова побороться за первые места. – Он замолчал, глядя на волны. Фатима тоже молчала. Наконец, отхлебнув из бутылки, писатель заключил, – только вот это легче.

– Так я и думала. – Покачала головой Фатима.

– И я так думаю. ИК! Легкий путь – это путь вниз, сам же писал в своих романах. Делать добро намного труднее, зло – проще, грешником быть легче, чем праведником, добро забывается быстро и обесценивается быстро, зло помнят долго и платят за него вдвойне, а то и втройне. И все же мы тянемся к добру, а мир существует, потому что существует добро. Трудное, неблагодарное добро.

Несколько секунд оба молчали. Фатиме стало не по себе, но и вместе с тем она вдруг как-то успокоилась. Писатель молчал, глядя куда-то за горизонт. Он уже ничего не скажет, решила Фатима, итак уже слишком много сказал. Она отвернулась, намереваясь пойти в свой коттедж и хорошенько все обдумать, но ее остановил странно трезвый и звучный голос, совсем не похожий на полузаплетающееся бормотание, которое она слышала.

– Никогда не выбирай более легкий путь. Никогда не отступай от своего дела.

Она обернулась, ожидая увидеть волшебное превращение забулдыги в уверенного в себе и успешного литературного короля. Но на песке все так же сидел неопрятный небритый мужчина. Он поднял бутылку в ее направлении, подержал несколько секунд, а потом отпил. Фатима кивнула ему. Он кивнул в ответ и подмигнул.

Она шла по песку со странным чувством, смесью тревоги и облегчения. Может, он прав, теперь, когда она имеет такую репутацию, у нее просто нет выбора, и она должна делать то, что обещала. Я поеду туда, решила она, собирая вещи в своем домике, который уже завтра должна была сдать хозяйке. Поеду и сделаю все, что смогу. Если там засада или просто что-то пойдет не так, я уйду при первом же шорохе и не буду лезть на рожон. Но поехать и выполнить то, что обещала, я должна. Это решение принесло долгожданный покой и ясность. Тревожное чувство не ушло, но перестало так пугать ее. В конце концов, на все есть Судьба, подумала она, а наше дело маленькое – идти вперед и делать все, что можем.

Никогда не выбирай легкий путь. Никогда не отступай от своего дела. Слова писателя все еще звучали в ее голове, придавали ей сил. Наверное, он писал отличные книги, подумала она, а я даже не спросила его имени. Может, еще спрошу.

Но больше она его не видела и не знала, что слова, сказанные ей на пляже, были его последними словами, в эту же ночь он умер. Трезвым, впервые за 10 лет.

Обложка была создана автором с использованием фото из личного архива.

Инстинкт Убийцы. Книга 1. <https://www.litres.ru/leonora-bostan/instinkt-ubiycy-kniga-1/>

2

Спокойствие, вернувшееся было к ней, снова разлетелось на тысячи осколков, как ваза из дорогого хрустала, едва она приблизилась к высокой ограде яхт-парка. За высоким забором она видела широкую стоянку, забитую машинами, дорогими иномарками, те, кто мог позволить себе членство в клубе, другой транспорт, конечно же, не признавали. Стоянка была залита светом фонарей, ярко светились будки охраны, от десятков лобовых стекол отражались оранжевые и синие блики фонарей, на деревьях, посаженных по периметру забора мигали разноцветные гирлянды.

Придется ждать, поняла Фатима, она уже знала, что на территорию пускают лишь транспорт членов клуба, а раз машин так много, значит, сегодня не только ее объект решил провести вечер у моря. Должно быть, все в ресторане, подумала она, неспешно прохаживаясь возле забора, как обычный турист, глазающий на все подряд, наверное, там сегодня чья-то вечеринка. Ресторан отсюда не было видно, он стоял ближе к морю и скрывался в густой кроне деревьев, но она уже бывала тут и знала, что стоит немного пройти по тенистым аллеям, и выйдешь прямо к круглому зданию с колоннами – это и есть ресторан «Капитан». А еще дальше, всего в нескольких метрах от ресторана начиналась пристань, где на волнах покачивались белоснежные красавицы, каждая стоимостью в многие тысячи долларов.

Среди них была и яхта Ситко «Калипсо», сейчас она еще наверняка стоит у причала, но скоро ей предстоит первый за несколько месяцев выход в море. Это утром, а ночью она просто отойдет от деревянного причала и будет спокойно покачиваться на волнах бухты, ожидая рассвета, чтобы устремиться в бесконечную даль, к горизонту. Можно было бы попытаться пролезть на яхту сейчас и там уже ждать объект, но она знала, что лучше сделать это потом, когда гости ресторана разойдутся по яхтам или разъедутся по домам, тогда и риск натолкнуться на кого-нибудь минимален, и охрана так бдительно не исполняет свои обязанности. Сейчас же по всей территории сновали люди и охранники, везде горел свет, а для ее дела нужна была темнота. Темные дела делаются в темноте, подумала она, сворачивая в маленький сквер возле яхт-парка, там она собиралась посидеть в тишине и приготовиться к делу.

Снаряжение уже ждало ее, спрятанное в зарослях возле грота Русалки – маленькой искусственной пещерки с облезлой каменной русалкой внутри. Еще одна местная легенда о том, как простая девушка, полюбившая морского короля, согласилась стать русалкой и быть с ним, но раз в году она навещала своих родителей, становясь с первыми лучами солнца опять обычной девушкой, но лишь на один день, с рассветом следующего дня ноги снова превращались в хвост. Все это Фатима услышала на экскурсии, когда вместе с туристами бродила возле яхт-парка, изучая территорию. Ночью накануне своего единственного дня эта русалка в нетерпении выползала на берег и пряталась в этой пещере, ожидая, когда взойдет солнце, и хвост на сутки станет ее прежними ногами. Эта легенда напомнила Фатиме легенду о гигантской жемчужине и влюбленных, которых погубила гордость. Везде есть свои легенды, но самые трогательные и красивые были в прибрежных местах, так ей казалось. Как будто сама вода обладала какой-то неведомой магией, очарованием и таинственностью, ведь до сих пор никто так и не изучил до конца морские глубины, поэтому под толщей воды воображение могло создавать что угодно.

Грот с превеликой радостью фотографировали туристы, а Фатиме он пригодился, потому что располагался на крутом склоне, залезть туда было непросто, значит, ее вещи могут подождать ее в полной безопасности. Конечно, вечером там наверняка полно гуляющих курортников, но она умела становиться невидимкой, а густые заросли папоротника и каких-то незна-

комых ей кустарников помогут скрыться от посторонних глаз. Ну и, конечно, темнота. Уже стемнело, а фонари стояли на аллеях так, что свет шел от грота, а не к нему. Темнело поздно, но это ей не мешало, а вот что мешало, так это ранний рассвет. Она не знала, когда веселье в «Капитане» закончится, и сколько часов темноты у нее останется, а при свете ничего не получится, с рассветом яхта выйдет в море, это традиция, которая никогда не меняется. Да и потом, даже если Ситко проспит рассвет, при свете она не сможет подобраться к нему, как не сможет и уйти незамеченной.

Эти мысли только добавили волнения. Может, все дело в этом, вдруг подумала она, может, я просто переживаю из-за слишком коротких ночей? Отчасти и это, но было и что-то другое, что-то более глубокое и сильное. Это интуиция не давала ей покоя, предупреждая о чем-то серьезном, надвигающимся прямо на нее. Еще не поздно уйти, предложил голос внутри, но она знала, что поздно, она могла или совсем не браться за это дело, или довести его до конца, третьего не дано.

По скверу она прошла почти в одиночестве, лишь кое-где бродили парочки и пенсионеры, для молодежи было еще слишком рано, для остальных групп людей – слишком поздно. Фонари освещали зеленые извилистые аллеи, лавочки почти все пустовали, ветер доносил шум волн и музыку с набережной, небо стало уже почти совсем черным, только на западе еще светлела ярко-голубая плоска, уходя в море. Фатиме оставалось только забраться в свое укрытие и ждать, а это она умела, хоть и не любила. Она дошла до крутого склона, на котором располагался грот, внимательно оглядевшись, перешагнула через невысокую ограду из живых кустов и стала карабкаться вверх. Мелкие камешки выкатывались из-под ног, она цеплялась за кустарники и травы, иногда чуть не падая, когда какая-нибудь трава оставалась у нее в руках вместе с корешками. Но все же до грота она добралась благополучно, правда все руки у нее были в земле и соке растений, их она тут же вытерла о свои темные джинсы, которые носила здесь постоянно. На ногах были не кроссовки, а легкие спортивные босоножки, которые она надела не случайно, в них она и собиралась идти сегодня ночью на дело. Они были легкие, удобные для всего и прежде всего для плавания, другая обувь намкнув станет тяжелой и будет оставлять за ней мокрый след, а в такой обуви она сможет легко делать все, что нужно. Остальное придется переодеть.

Добравшись наконец до грота, она тут же скрылась за толстым деревом, растущим прямо у входа, с другой стороны росло точно такое же, но ей почему-то больше понравилось именно это. Старый гигант-платан своими мощными корнями образовывал нечто вроде небольшой площадки, где можно было разместить вещи и удобно устроиться самой, кое-где корни так торчали из земли, что на них можно было запросто сидеть как на лавочке. Вокруг все поросло кустами и деревьями помоложе, так что ее убежище было надежно защищено от посторонних глаз, хотя в сквере никого не было – ей все еще везло.

Укрывшись за стволом, Фатима присела прямо на землю и немного перевела дух, она не устала, но нервное напряжение заставляло сердце стучать где-то почти в горле. Она привалилась к стволу и откинула голову, между ветками просматривалось темное небо, она даже увидела одну звезду. Пусть у меня все получится, загадала она, как загадывала в детстве на первую звезду, пусть сегодня все пройдет хорошо. Бойтесь своих желаний, неизвестно почему вдруг вспомнила она затертую современными людьми мудрость, потому что иногда они сбываются. Бред какой-то, подумала она, почему я должна бояться того, чего хочу? Наоборот, я стремлюсь к своим желаниям, а не бегу от них. Она снова подняла голову к небу, ища ту звезду, но за время ее внутреннего спора земля не стояла на месте, и на небе появились еще несколько таких же маленьких и пока неярких звездочек. Значит, та была первой, подумала она, значит, я все сделала правильно.

Спешить было некуда, поэтому она просто сидела и смотрела на кусочек ночного неба, просвечивающийся сквозь узловатые ветки платана. Обычно звезды успокаивали и помогали

освежить мысли, но сегодня явно что-то происходило, потому что чем дольше она сидела без дела, тем сильнее волновалась. В таком состоянии она всегда жаждала деятельности, ей хотелось делать что угодно, лишь бы отвлечься от звенящих нервов внутри. Но делать что-то было еще слишком рано, даже если гости ресторана разъехались по домам и разошлись по яхтам – чего еще явно быть не могло, она ведь сидит тут никак не больше 20 минут – на улицах еще полно прохожих, а охрана еще не перешла на ночной режим работы.

За дни ее пребывания она не раз наблюдала за ними и отметила, что ночной режим работы начинался где-то после 11 вечера и заключался в простом «забивании на работу». Парни играли в карты, смотрели футбол по маленьким телевизорам в будках, иногда, правда, они выходили и патрулировали территорию, а заодно и курили, глядя на звезды. Нет, ничего сложного этот объект для нее не представлял, это не вилла посла с ее камерами, высоким забором и кучей охраны, и то она проникла туда и сделала свое дело, а эта вылазка была почти прогулкой. Почти. Надо было еще попасть на борт «Калипсо», а вот это было уже сложнее. Но ничего невозможного нет, а если и есть, то это не то, на что она соглашается. У нее уже был план, и было все необходимое, чтобы этот план осуществить.

Чтобы хоть как-то отвлечься и скоротать время – было всего около 10 вечера – она потянулась за рюкзаком, спрятанным в переплетении корней, тем самым, который она заказала вместе с костюмом для убийства посла. С тех пор этот комплект стал для нее незаменимым помощником во всех ее делах, даже самых незначительных. Рюкзак сейчас был набит вещами и напоминал подушку, но скоро он опустеет, повиснув за спиной своей хозяйки с впалыми боками. Из рюкзака она достала пистолет, свой старый добрый Heckler&Koch USP, сопровождающий ее почти во всех делах, проверила его, сняла глушитель, надела снова, проверила патроны, все было в полном порядке. А время как будто остановилось, часы на ее руке показывали лишь 10:17. Надо было чем-то себя занять, просто необходимо. Закончив возиться с пистолетом, она положила его обратно, а из рюкзака достала костюм и принялась расстегивать и застегивать молнию. Все прекрасно работало.

В рюкзаке теперь оставались еще такие мелочи как расческа, кошелек, перчатки и кое-что новенькое – вместе со шлемом она на этот раз взяла очки для подводного плавания. И она вовсе не собиралась любоваться подводным миром ночью – ха-ха – просто очки требовались ей для еще одного приспособления. Возле рюкзака в корнях лежал небольшой овальный предмет, помещенный в прорезиненный мягкий чехол. Длина предмета составляла примерно 80 см, ширина 50. Это, как и костюм, она приобрела по интернету, только в отличие от ее костюма из неизвестной ткани, этот прибор секретом не был, его использовали дайверы по всему миру, перемещаясь с одного рифа на другой. Сквозь чехол торчали три плавника-ручки, за них надо было держаться либо с обоих боков, либо сверху. Сам предмет представлял собой пулеобразный пластиковый корпус с маленьким, но мощным моторчиком внутри – подводный буксировщик. Работал он на аккумуляторах, заряжающихся от сети, и развивал небольшую, но ощутимую скорость по сравнению с обычным пловцом. Маленький винт помещался в задней части этой пластиковой «пули» и был тщательно защищен металлической сеткой, чтобы дайвер никак не мог пораниться о его вращающиеся лопасти. Конструкция была очень удачной, весил этот моторчик не очень много, Фатима впервые увидела этот чудо-аппарат в Египте, где как раз училась подводному плаванию и азам погружения с аквалангом. Делала она это просто от скуки, тогда она еще не знала, что знания совсем скоро пригодятся, а получив предложение по ликвидации Ситко-младшего и узнав все тонкости дела, она тут же вспомнила про эту подводную «пулю», вот что могло помочь ей добраться до яхты в ночной воде. Она сделала заказ в интернет-магазине и очень скоро получила свою.

Отложив рюкзак на время в сторону, она потянулась к овальному предмету в чехле и подтянула его к себе за длинный ремешок. Молния поддалась легко, с визгом раскрывшись и явив глазам Фатимы черный пластиковый корпус с большой и яркой кнопкой прямо под верх-

ним «плавником». Она провела ладонью по шершавому пластику, а потом начала извлекать прибор из чехла. На самом моторчике тоже была длинная ручка из прорезиненной ткани, свернутая и прикрепленная к корпусу гибкой провололочкой. Фатима сняла ее и размотала ручку, та оказалась достаточно длинной и надежно крепилась к «пуле», можно было плыть, не боясь, что буксир отцепится и тихонечко унесется волнами, пока хозяин или хозяйка будут с интересом наблюдать красочных рыбок или коралловые рифы. Она, правда, на рифы смотреть не собиралась, но во всем любила качество и надежность, поэтому тщательно проверила крепления, подергав с силой за ремешок. Проблем, конечно же, не возникло.

Теперь оставалось проверить мотор, хоть она и проверяла его уже неоднократно перед выходом, в ее деле лучше пере- чем недо-, как она любила повторять сама себе, да и временное безделье просто сводило ее с ума. Положив мотор на колени, она сначала выглянула из-за ствола и внимательно осмотрела парковые дорожки, насколько позволяло освещение, конечно. Несколько секунд она просто сидела и прислушивалась, но все вокруг было тихо. Тогда она решилась на последнее перед запуском испытание, глубоко вдохнув и улыбнувшись, она нажала желтую кнопку. Винт тут же заработал с легким жужжанием, правда, в тишине парка оно показалось ей оглушительным, а дома, под шум волн, вовсе не казалось таким уж громким. И все же Фатима не спешила выключать свою «пулю», сначала она должна была убедиться, что все работает как надо, она подняла моторчик и внимательно посмотрела на винт. Он вращался ровно и быстро, издавая равномерное гудение, никаких других звуков, свидетельствующих о неполадках, она не услышала.

С облегчением, в котором и сама себе не призналась, она выключила прибор и снова выглянула из своего укрытия, все было по-прежнему, тихо и безлюдно, только каменная русалка в гроте тарасила в пустоту свои невидящие глаза. Фатима отметила, что в свете фонаря статуя выглядит более живой и загадочной, чем при дневном свете, может, оттого, что темнота и слабое освещение скрывали многочисленные сколы и трещины, а тени создавали иллюзию движения. Ждет рассвета, подумала она, только вот с первыми лучами солнца она снова потеряет свое волшебство, как и я. Она станет просто облезлой статуей, я – просто девушкой, очередной личностью, которую выдумую сама себе, а вот ночью...

Она ухмыльнулась и принялась упаковывать «пулю» в чехол, длинный ремешок она не стала перетягивать проволокой, зачем, это теперь только помешает, она небрежно сложила его и затолкала в резиновый чехол, а проволоку положила в рюкзак – оставлять следы она не привыкла. Когда с упаковкой было покончено, Фатима разрешила себе взглянуть на часы. 10:53, через 7 минут погасят фонари, по крайней мере, в районах и парках, например, здесь, а вот на набережной и центральных улицах освещение гаснет только с рассветом. Она решила подождать до 11, а потом не спеша начать приближение к объекту, а пока она должна переодеться, ведь делать это в полной темноте будет гораздо труднее.

Вскочив с земли, она быстро скинула с себя джинсы и майку и начала влезать в костюм с привычным трудом. С визгом застегнула молнию до самого верха, потом обулась в свои спортивные босоножки и, не теряя времени, начала собирать волосы, чтобы удобнее было надевать шлем. Джинсы и майку она аккуратно свернула и сложила в рюкзак, а оттуда достала шлем и очки. Стоять в костюме и босоножках было так непривычно, что она даже на пару секунд забыла, что так будет удобнее и начала ругать себя за то, что забыла ботинки. Пистолет она положила сверху на вещи в рюкзаке, чтобы потом быстро достать, но путешествовать до цели ему придется не у нее на бедре, а в компании джинсов и майки, оружие ведь не любит влагу. В рюкзаке еще оставалось место для чехла от буксира, если его хорошо свернуть.

Она как раз застегивала молнию рюкзака, когда неожиданно погасли фонари. В первые секунды на Фатиму обрушилась просто кромешная тьма, она стояла, не двигаясь, и смотрела на небо, чтобы быстрее привыкнуть к новому освещению. И уже через пару минут ее глаза стали снова различать деревья вокруг, грот и даже темную фигуру русалки, навечно застывшей

в ожидании первых солнечных лучей. Отлично, уже 11, подумала Фатима, можно потихоньку начинать.

Она присела на корточки и начала надевать маску, только не на все лицо, а как шапочку – ей ведь надо было дышать, находясь в воде, а позволит ли маска делать вдохи, когда она будет выныривать, она не знала. Очки она надела на шею, как ожерелье, пока они были не нужны, а вот когда понадобятся, будут под рукой. Теперь оставалось только надеть рюкзак и отправляться, что она и сделала, удобно устроив лямки на плечах, потом наклонилась за моторчиком, отрегулировала длину ремешка на чехле так, что он плотно прилегал к спине, повесила его на плечо, перекинув через голову, и попрыгала на месте, чтобы привыкнуть к новому весу. Было совсем не тяжело, ничего не гроыхало и не болталось. Все, теперь можно выступать.

Она оглянулась в последний раз на русалку, застывшую в ожидании восхода, а заодно и проверила, не осталось ли чего после ее пребывания, но нет, она ничего не забыла, а темнота все равно не позволяла увидеть следы. Сюда она уже не вернется, утром она уедет, если все пройдет хорошо, если же все пойдет не по плану... что ж, может, она встретится с русалкой в других мирах.

Сейчас, когда она приближалась к жертве, беспокойство опять захлестнуло ее, тесным комком застряв в горле. Но она пошла вперед, отступать было не в ее правилах, а свои правила она всегда соблюдала. Спускаться обычно всегда труднее, чем подниматься, если, конечно, дело не касается социальной лестницы, а в темноте крутой склон холма превратился в настоящую земляную горку. Сухая земля крошилась и уезжала из-под ног, а темнота не позволяла определить, за что можно надежно ухватиться и замедлить соскальзывание. Один раз она наступила на шаткий камень и почти покатила кувырком, слепо протянула руку и ухватила какое-то растение, которое тут же вылезло с корнем под тяжестью ее тела, и Фатима стремительно поехала вниз на животе, успев подумать о гениальных создателях ткани ее костюма – до дерева, которое остановило ее падение, она добралась без царапин и травм. К счастью для нее, и скорость падения была невелика, она как могла старалась замедлить свое скольжение, упираясь в землю ногами и руками в перчатках. Дерево, ставшее ее первым перевалочным пунктом, росло не прямо, как на ровной земле, а сильным уклоном, это тоже способствовало тому, что она не разбилась и не получила ни одной серьезной травмы, она просто плавно оперлась ногами о ствол и остановилась, все еще не веря, что падение закончилось. Да, эта ночь определенно обещала быть богатой на неожиданности.

До асфальта оставалось всего несколько метров, но крутизна по-прежнему не давала расслабиться. Фатима села, перевела дух и проверила свое снаряжение, больше всего она боялась, что буксир испортится или – не дай Бог! – разобьется, без него она могла и не доплыть, а если бы и доплыла, потратила бы слишком много сил, а ей ведь еще предстояло дело. Она снова сняла чехол со спины, открыла и нажала желтую кнопку, в ответ тут же раздалось ровное жужжание, все было в полном порядке. Хотя, если бы она ехала вниз не на животе, все могло бы быть по-другому. Да, а если бы ты нашла место пониже, тебе вообще бы не пришлось об этом думать, ругала она себя, но больше от нервов, чем от реального недовольства собой. Убедившись в исправности своей «подводной пули», Фатима посидела еще минуту, переводя дух, а потом продолжила спуск, присев на корточки и крепко держась за кусты и стволы деревьев – здесь растительность была погуще, чем наверху.

Через 5 минут она уже стояла на твердой и ровной земле, недоверчиво оглядывая склон, по которому только что спустилась, в темноте он показался ей почти отвесным. Полоска не заросшей земли тянулась от грота, как черный ковер, а на самом верху смутно белела каменная русалка, видимая как неясное светлое пятно.

– Пожелай мне удачи, подруга, – прошептала Фатима, – сегодня она мне как никогда понадобится.

Она поправила рюкзак и чехол с буксиром, а потом повернулась и зашагала к выходу из сквера. Аллея, по которой она шла, начиналась на набережной, вела через сквер, затем огибала яхт-парк и снова возвращалась на набережную, продолжающуюся с другой стороны яхт-парка. Правда Фатима не собиралась идти так далеко, ей нужно было лишь подойти на максимальное расстояние к забору, при этом оставаясь в зелени, а дальше, как говорится, дело техники.

По темной дорожке она шла абсолютно одна, вокруг деревья и темнота, а с набережной до нее долетали звуки музыки, голоса и еле слышный шум волн. Деревья по обе стороны от нее образовали нечто вроде туннеля, а в слабом свете звезд асфальт казался светлым бесконечным полотном. Она точно знала, где надо свернуть, чтобы подойти к забору, так что теперь, оказавшись в темноте, она не наслаждалась красотой безлунной ночи, а внимательно следила за дорогой, чтобы не пропустить нужное место. Она специально шла по правому краю дороги, ища промежутки между кустами, а ровно в центре этого промежутка росло старое дерево, она хорошо запомнила эти нехитрые ориентиры. Дорога стала удаляться от моря, шум веселья и волн стих, значит, поворот где-то совсем рядом.

Фатима напрягла зрение и замедлила шаг, она не боялась потерять время, уж в этом-то деле времени было полно, а вот ценного времени – слишком мало. Дорога мягко поворачивала, начиная огибать яхт-парк, впереди Фатима увидела тот самый промежуток и то самое дерево, но вдруг ветер донес голоса и веселый девичий смех. Кто-то приближался к ней со стороны яхт-парка, судя по голосам – молодая компания. Надо было либо сейчас сворачивать в заросли и подождать, пока она пройдут, либо попытаться добежать до «своего» поворота. Секунду оценивая обстановку, Фатима выбрала второй вариант, и помчалась к повороту, как темный призрак, совершенно бесшумно и быстро. Голоса все приближались, но она знала, что успеет, и успела, нырнув в темноту как раз в тот момент, когда из-за поворота вышла компания подвыпивших юношей и девушек. Они громко смеялись, благодаря чему их было слышно задолго до появления, парни пели песни, а девушки иногда громко и визгливо подпевали, но чаще просто ржали во весь голос и грязно ругались. Уроды, подумала Фатима, спрятавшись за густыми кустами у дороги, дальше пробираться она не решилась, но, похоже, эта компания не заметила бы ее, даже если бы она стояла на дороге.

– Я такой бухой, что у меня даже не встанет! – Прокричал один из парней.

– Да у тебя и у трезвого не стоит! – Тут же ответила одна из девиц, и все громко заржали.

– Пошли в кусты, сучка, я тебе покажу, как не стоит! – Обиделся первый, – грязная б... а какого хера ты всю ночь орешь, как резаная свинья, и спину мне царапаешь?

– От отчаяния, дорогой, от отчаяния. – Опять нашлась с ответом девушка. На этот раз смех был еще громче, а она добавила, – вот слышал бы ты как я с Лехой ору, это да, а с тобой так, симуляция оргазма.

Леха тут же поспешил заверить, что ничего об этом не знает, и что, может, она с каким-то Лехой и орет, но только не с ним. Смех перемешался с криками и руганью, и Фатима подумала, что не все из этой компании доживут до рассвета, но это ничуть не расстраивало, наоборот, все по законам природы – естественный отбор, природа сама проводит чистку. Молодые люди удалились, но Фатима все еще слышала их крики, похоже, естественный отбор начался, потому что какая-то из девиц начала пронзительно визжать. В остальном все было тихо, так что Фатима решила продолжать путь.

Не смотря на полную темноту, передвигаться было легко, расстояние было небольшим, а деревья росли не так густо, как в настоящем лесу. Фатима шла, периодически цепляясь руками за стволы деревьев, она помогала ей ориентироваться, хотя заблудиться тут было невозможно, просто так она яснее чувствовала связь с реальным миром. Под ногами шуршали и хрустели опавшие ветки, над головой сквозь спутанные кроны деревьев просвечивались звезды. По мере того как она приближалась к яхт-парку, она все отчетливее слышала море, и это здорово помогало идти в нужном направлении.

Через несколько метров среди деревьев стали просвечиваться огоньки, а подойдя еще ближе, Фатима увидела высокий забор – она была почти у цели. Теперь она не только слышала море, но и ощущала идущую от него прохладу и соленый аромат, снова зазвучали смех и громкая музыка с набережной – там веселье не прекращалось до самого утра. А вот в парке за оградой люди не веселились так долго, почти все завтра должны были выйти в море с первыми лучами солнца или немного позже, но допоздна никто из гостей клуба не засиживался. Сейчас они уже либо закругляются, либо уже отправились по своим яхтам или домам, думала Фатима, медленно подходя все ближе и ближе. Ситко наверняка уже откланялся и ушел, предположила она, ведь он птаха ранняя, должен встать еще до рассвета, чтобы подготовиться к отплытию, и не успеет солнце подняться над горизонтом наполовину, как его «Калипсо» выйдет из бухты навстречу первым лучам и свежему ветру. Вот только в этот раз никуда он не уплывет и до рассвета не встанет, если, конечно, все у нее получится. Беспокойство вернулось и теперь билось в груди с новой силой, но Фатима решительно пошла вперед. Сейчас или никогда, жизнь – это выбор, и свой она только что сделала.

Деревья росли почти вплотную к забору, так что она без труда подобралась к высокой ограде из кирпича и металлических решеток, причудливо сплетенных в ажурный узор. На вершине забора она увидела камеры, увидела еще давно, в самый первый свой визит, и уже тогда поняла, что камеры эти ей не помеха. Неподвижные и громоздкие, они помещались здесь скорее для вида, нежели для охраны. Да и от кого охранять? Яхта не бриллиант, в карман не положишь и не уйдешь, а посторонних охрана всегда обнаружит и выведет.

Фатима юркнула к последнему ряду деревьев и начала наблюдение. Все тихо и спокойно, никого, ни охраны, ни членов яхт-клуба, только тишина, шум волн и фонарики на деревьях по ту сторону забора. Внимательно следя за тем, чтобы не попасть в обзор камеры, Фатима черной тенью метнулась к забору и села, прислонившись спиной к кирпичному основанию. Выключив в своем сознании шум волн и музыку с набережной, она прислушалась. Да, она была права, гости ресторана расходились – она слышала их глосса, трезвые и не очень, хлопали дверцы машин, шумели двигатели. Еще немного, и на территории яхт-парка воцарится покой. Но так долго ждать она не могла, ночи были слишком коротки, а дел у нее было много. Надо было не только добраться до яхты, убрать Ситко и его охрану, так надо было еще и убраться оттуда самой, а до берега путь был неблизкий, надо было выплыть из бухты и, огибая врезающийся в море холм, доплыть до берега. Да еще не просто доплыть, а выбрать место потише и попустынное.

А если яхта стоит у причала, спросила она себя, такое ведь может быть. Тогда ей придется выбираться с территории и молиться, чтобы все прошло тихо. И вот она сидела у забора, уже почти в одном шаге от того, кого должна была убить, и не могла пошевелиться. Тревога обрушилась на нее как цунами, сдавила стальными обручами грудь и молотом стучала в висках. Что-то ждало ее там, по ту сторону забора, что-то непредвиденное, что-то серьезное. Она знала это так же твердо, как и то, что не может уйти, не выполнив заказ, на который согласилась. Но и идти вперед ей не позволял инстинкт, тот самый инстинкт убийцы, благодаря которому она уже 8 лет зарабатывала на жизнь чужой смертью.

Неужели это мое последнее дело, думала она, прижимаясь спиной к забору и закрыв глаза, неужели я не вернусь? Или того хуже, неужели это засада и меня схватят? Если так, она собиралась доставить им массу хлопот и твердо решила, что живой службисты ее не получат. Или свобода или смерть, третьего не дано. И именно поэтому, потому что в жизни только две дороги, только две силы, только два выбора, она должна была сейчас решить: вперед или назад, жизнь или смерть, сила или слабость, бесчестье или честь. И она никак не могла сделать выбор.

– Ну давай же, размазня! Давай! Вперед! – Она с силой ударила себя кулаком по бедру, но ответа, который она так искала внутри себя, это не принесло.

Она дала себе слово, что уйдет, если что-то покажется ей подозрительным, но все как раз было тихо и совершенно спокойно, объективно, для отступления не было ни одной причины... кроме ревушего голоса интуиции. А разве это не причина?

– Если не можешь, уходи, – прошептала она, все еще не открывая глаз. – Хватит. Я больше этого не вынесу.

Я не боюсь потерять голову, я боюсь потерять лицо. Почему-то в голове всплыла старая японская поговорка. И это помогло. Чего я боюсь, спросила себя Фатима, смерти? Нет, она так долго смотрела ей в лицо, что смерть ее не пугала. Тогда что удерживало ее от того, чтобы перемахнуть через забор и сделать то, для чего она рождена – убить? Страх быть пойманной, быть опозоренной? Но опять же, на Востоке лучшим избавлением от позора считали смерть, так что помешает ей воспользоваться этим средством? Но даже не это стало решающим фактором, принять окончательное решение ей помогло осознание того, что ей совершенно нечего терять. У нее никого нет, ее жизнь похожа на бесконечный бег наперегонки с тенью, у нее нет и не будет родных, она не доверяет людям и не любит их, так чего же она сидит тут и ставит под удар то единственное, что у нее осталось – свое имя?

– Может, в следующей жизни я буду счастливее, – прошептала она, открывая глаза и глядя на звездное небо холодным твердым взглядом. – И если жизнь – это игра, может, уже пора нажать на перезагрузку?

Я умею только одно, я проклята, подумала она, я потеряла все, взамен приобретаю дар отнимать жизни. Видимо, это наказание за прошлые грехи – в этой жизни служить посланником смерти, так неужели моя жизнь так хороша, чтобы ею дорожить? И если там засада, и меня убьют, разве не означает это окончание моей службы, не дезертирство, а законное увольнение с правом начать новую, непохожую на эту жизнь? Ответ был очевиден.

С улыбкой на лице Фатима повернулась к забору, выкинув все лишнее из головы. Она сделала выбор, и сразу же на душе стало легко и спокойно, в голове больше не стучал молот и не роились тысячи ненужных мыслей, стальной обруч, сдавливающий грудь, лопнул, место паники заняли спокойствие и холодный расчет. Бунт был подавлен, она снова вернулась на службу, она снова шла убивать.

3

Прижимаясь к забору грудью, чтобы не попасть в поле зрения камеры, она глубоко вдохнула и внимательно вслушалась в звуки, доносившиеся из парка. Смех и музыка ее не интересовали, как и звук отъезжающих машин, она икала другой звук – звук шагов, возможно, кто-то уже начал патрулировать территорию. Сразу за забором было абсолютно голое пространство, до ближайшего ряда деревьев никак не меньше 5 метров, а на открытой местности ее увидеть легче всего. Схватившись руками за железные прутья, как узник из какого-нибудь фильма, она напряженно всматривалась и вслушивалась в ночь. Ничего, никакого движения, только темень, освещенная гирляндами на ветках, и шум волн где-то совсем близко. Пора, решила она, если я простою тут еще десяток минут, это вряд ли что-то изменит, и тем более в лучшую сторону.

Ухватив железную ограду крепче, она оттолкнулась от земли и встала на каменную основу забора, теперь придется подтягиваться на руках, запутанные узоры из металла на заборе располагались довольно высоко, так что с места дотянуться ногой до них она не могла. Еще раз убедившись, что все тихо, Фатима напряглась и медленно поползла вверх, радуясь, что ткань костюма очень ей в этом помогает – она не скользила по металлу, а, наоборот, как будто прилипла к нему. Когда она добралась до узора, дело пошло гораздо легче, она поставила обе ноги на резные завитушки и немного перевела дух, тянуть вес тела на одних руках, да еще и нести на себе снаряжение, было довольно трудно. Стоя на заборе в полный рост, она оказалась лицом к лицу с камерами, правда, смотрели они не на нее, а в разные стороны. Фатима продолжила путь наверх и, перелезая через забор, очень постаралась не задеть ногой ни одну из громоздких камер наблюдения. Она с легкостью перемахнула через зубцы на вершине забора

и теперь быстро спускалась, что было гораздо легче, чем ползти вверх с грузом на спине. Через пару секунд она уже приземлилась на каменную основу заграждения, спустившись как пожарные по трубе с легким звуком «взжик», а еще через секунду ее ноги ступили на землю яхт-парка. Первый этап прошел успешно.

Не теряя времени, она побежала к деревьям, низко пригнувшись и держа руками болтающийся чехол с буксиром. Никто не остановил ее, никто даже не увидел, похоже, в этой части парка она была совершенно одна. Возле зеленой полосы она опять села на землю, прижалась к стволу и первым делом хорошенько, насколько позволяло освещение, оглядела деревья и открытое пространство, по которому только что бежала. Она искала спрятанные где-нибудь камеры или укромные уголки, где кто-то случайно мог ее увидеть, оставаясь невидимым для нее. Ничего подобного она не нашла, только ряды деревьев и чистенькая аллея за ними. По направлению к морю в трех метрах от нее стояла на постаменте белая статуя, изображающая девушку с кувшином, самый распространенный сюжет, однако за ней можно было прекрасно спрятаться и осмотреться. Короткими перебежками от ствола к стволу Фатима добралась до нового укрытия без приключений, все по-прежнему было тихо, даже в «Капитане» смолкла музыка – веселье подошло к концу. Расположившись за надежным постаментом статуи, Фатима начала ориентировку.

Так, если повернуться к аллее лицом, тогда море будет по правую руку, а ресторан и стоянка – по левую, а если идти по центру, пересекая аллею, она наткнется на беседки и небольшой спорткомплекс с сауной и бассейном. Но ей-то надо как раз к морю, к причалу, чтобы убедиться, что «Калипсо» покачивается на мягких волнах бухты, и купание в темной ночной воде неизбежно. А если этот «морячок» еще не отплыл, тогда надо как можно быстрее попасть на борт до того, как он это сделает, или вовсе лишиться его такой возможности.

Фатима решила действовать по ситуации, и вдруг беспокойство опять налетело на нее как ураган, но это было уже привычное волнение перед самой кульминацией, она уже не ощущала тот странный удушающий страх, который мучил ее с самого утра. Однако она по-прежнему чувствовала, что что-то не так, что-то ждет ее в темноте, что-то новое. Ну и пусть, она смело шагнет навстречу этому неизвестному, если раньше у нее еще был ничтожный шанс уйти, то теперь, перемахнув через забор, она перестала быть человеком, она стала хищником, почуявшим кровь.

Инстинкт охотника, убийцы сильнее всего, вспомнила она слова одного человека, сказанные ей еще на заре ее карьеры, *он сильнее всех других инстинктов, он гонит вперед и подчиняет себе все чувства и мысли. Но есть одна вещь, другой инстинкт, намного более сильный, а потому намного более редкий*. Какой, спросила она, совсем еще юная девочка. *Придет день, и ты узнаешь, обещаю тебе*, ответил тот человек, загадочно и грустно улыбнувшись.

Бред какой-то, подумала Фатима, уже 8 лет она на себе испытывала всю силу и мощь инстинкта, велящего убивать, но ничего другого в ее жизни не было. Ей не ведомо было сострадание, она не жалела людей, она их ненавидела и презирала, так что же может быть сильнее этой ненависти и жажды крови? На раздумья времени не было, она шла убивать и ни о чем другом уже не могла думать. Даже волнение и предчувствие отошли на второй план, она была почти у цели, оставалось только тихонько прокрасться между деревьями к причалу, и тогда уже ничто не будет отделять ее от хрупкой жизни Евгения Ситко.

Итак, у нее есть два пути: пойти прямо через аллею и потом прямо к причалу, либо пойти к морю и там пробираться к нужной яхте. Выбор был очевиден, поэтому она повернулась в сторону моря и решительно побежала между деревьями, стараясь избегать стволов, опутанных фонариками. Этот путь должен был привести ее так же к длинному трехэтажному коттеджу, где могли жить хозяева яхт, если не любили постоянную качку, дом утопал в зелени, поэтому там она рассчитывала сделать последнюю остановку перед тем как штурмовать яхту или морскую пучину.

Длинный трехэтажный коттедж из белого кирпича вытянулся перпендикулярно берегу, так что на море смотрели только боковые окна лестничных пролетов, постояльцы же могли любоваться либо аллеями парка, либо зеленой стеной деревьев, скрывающих забор. Широкая тропа, мощенная белым камнем, сбегала вниз к самой воде – там был маленький пляж, с одной стороны ограниченный холмом, выступающим в воду, с другой – длинным пирсом, врезающимся в море. Сразу за пирсом начинался причал для яхт. Сам коттедж казался спрятаным в деревьях и кустах, у парадных дверей были разбиты клумбы, журчал фонтан, а над крышей шумели густые кроны деревьев, которые почти всегда шевелил морской бриз. Уютное местечко, подумала Фатима, прокрадываясь сквозь густые заросли поближе к стенам дома, тихо, зелено и красиво как в раю, только в такой рай попадают как правило грешники – в отличие от небесного сада пропуском сюда служат отнюдь не духовные ценности. Фатима усмехнулась, ей ли этого не знать, и все же она редко бывала в подобных местах, ей по душе было одиночество и уединение, а все эти шумные пафосные места, где люди соревновались в собственной глупости и сравнивали размеры собственного раздутого самомнения, только действовали ей на нервы.

Вокруг коттеджа горели фонари, сделанные под старину, резные и ажурные, они проливали мягкий голубой свет на клумбы и кусты, приятно шумело море – здесь, так близко к воде, Фатима могла слышать даже шуршание камешков, перекачиваемых волнами. Правда само море она не видела, мешала слишком густая растительность, да и сам дом загораживал обзор. Аллея, вдоль которой шла Фатима, продолжалась дальше, уходя к морю и обратно к воротам, но деревья кончились – дальше шла территория коттеджа, засаженная цветами и аккуратно подстриженным кустарником. За домом, со стороны забора деревья росли густо, чтобы скрыть от глаз гостей железную ограду и пустырь за ней, а вот перед самим коттеджем никаких деревьев не было. Придется ползти, решила Фатима, притаившись за последним деревом, как назло, просто завешенном гирляндами, главное, добраться до задней части дома, а там прямо на берег и к причалу. Увидеть там ее не могли, жилые окна на берег не выходили, а если соблюдать осторожность, даже запоздалые гуляющие не заметят ее, черную тень на черном фоне.

Плотный забор из кустов подходил прямо вплотную к деревьям, поэтому Фатима просто легла на землю и поползла к дому по изогнутой траектории аллеи, отклоняться в сторону сейчас было опасно, ее могли легко увидеть, а дальше к забору из подстриженных кустов подходила клумба, она-то и станет поворотным пунктом. Стараясь практически слиться с землей, Фатима быстро ползла по мягкой траве, которую регулярно стригли и поливали, последний полив был, видимо, совсем недавно, потому что ноги девушки, не защищенные тканью костюма, стали совершенно мокрыми. Она уже проползла почти половину, когда в глубокой ночной тишине до нее отчетливо донеслись звуки шагов и приглушенные голоса. Прямо к ней кто-то приближался, либо жильцы, либо охрана.

Ну вот, начинаются сюрпризы, молнией пронеслось в голове, может, и правда, засада, и меня уже засекли? Тогда почему их только двое, и почему они так шумят, тут же спросил холодный голос той личности, что шла сейчас убивать. Ответа не последовало, и голос продолжил: не валяй дурака, лежи тихо, либо быстро ползи за клумбу и молись, чтобы ты успела сделать это раньше, чем они выйдут из аллеи.

Мгновенно оценив ситуацию, Фатима приняла решение затаиться и ждать, судя по головам, она все равно не успеет доползти до укрытия, а так у нее есть шанс потеряться в тених. Она опустила голову к самой земле и легла, поджав под себя руки так, чтобы в случае необходимости сильно оттолкнуться ими. Лицо тут же покрылось влагой от травы, она ощущала ее сладкий свежий запах, слышала шепот волн, видела в свете фонаря ползущую по траве ночную бабочку, чувствовала каждую неровность газона каждым сантиметром кожи – все чувства обострились и вышли на максимум. Она была готова к встрече.

Шаги все приближались, тяжелые и звучные, так в летней обуви не походишь, значит, это охрана. Что ж, вот и опять шанс испытать судьбу.

– ... 95-го года выпуска. Да еще и ржавая вся, на хрен она кому нужна?! А мне так точно не нужна! – прозвучал мужской голос совсем рядом. Шаги продолжали приближаться, и теперь казались просто оглушительными.

– Не, ну тебе не надо и не бери, а за такую цену, я думаю, кто-то возьмет. Кто сам собрать сможет, кому в кайф повозиться, тот и возьмет. А почему нет? За небольшие деньги себе в удовольствие. Вот мой сосед, Пашка Витев, так тот сам че хошь соберет, не только ржавую «семерку», весь день что-то там ковыряется в гараже, что-то чинит, что-то мастерит.

– Так может ему и предложим, а? Еще и нагреемся децл! – голоса звучали прямо над головой, Фатима напряглась и, казалось, даже перестала дышать.

– Нет, он мужик хороший, да и живет небогато, нет, братан, нагреешься на другом лохе.

– Так тачка не моя...

– Тем более, пусть у тебя и башка за нее не болит.

– А ты, верно, в рай намылился, сучий отрок! – весело сказал один из охранников и звучно хлопнул напарника по плечу.

– В рай, не в рай, это там решат, – глубокомысленно заметил второй, ткнув пальцем в небо, они как раз поравнялись с тем местом, где лежала Фатима. Ни один даже не взглянул в ту сторону. – А я просто по правильным понятиям жить стараюсь. Может, и попаду, кто знает. Еще тебе оттуда открытки в ад экспресс почтой посылать буду.

– Ну уж нет, – злорадно протянул первый, – я там один жариться не собираюсь, да и кого я обыгрывать в козла буду, если на то пошло? Претендуй на рай, только не в мое дежурство, – радостно сообщил он, – пошли, грешки зарабатывать, добрый ты мой! Картишки ждуть!

– Вот козлина! Искушаешь ведь! – засмеялся второй охранник, – а нам еще причал надо пройти.

– Пройдем потом, там все равно никого никогда нет. Ты че, думаешь, кто-то наши яхты воровать будет? Очнись, сынок, охрана в таких заведениях как мебель, просто элемент престижа, поэтому-то я и устраиваюсь только в такие загористые места, главное тут – суровое лицо сделать, а больше ничего делать не надо. Ну скажи, за все время хоть что-то случилось?

– Нет.

– А тогда какого хрена ты нудишь? Пошли, сыгранем, партия – червонец!

– Ладно, пошли. Там все равно Санек в будке дежурит, а мы к нему попозже заглянем, и не отпирайся.

– Если я выиграю, как всегда бывает, пойдешь туда один, сынок, – с усмешкой ответил первый охранник.

– Эх, Леха, гореть тебе в аду, – со вздохом заключил его напарник.

– Только с тобой, детка, и с колодой карт. И еще шлюшек и бухла побольше, и тогда я совсем не против! Ад ведь место греховное, вот все грехи туда бы и собрать!

До Фатимы долетел громкий смех обоих охранников, голоса уже почти не были слышны, так далеко отошли их обладатели, даже не заметив, что первое происшествие находилось у них под носом.

Как только голоска стихли, Фатима, не теряя времени быстро поползла к клумбе. Пару раз она неприятно ударялась коленями о редкие камешки, попадающие в траве, но плотная ткань костюма надежно защищала от ссадин и ушибов. За широкой и высокой каменной чашей, в которой густо росли цветы и какие-то плетущиеся растения, она смогла перевести дух и сесть, ползать на животе занятие не из приятных. Она расположилась так, чтобы с дорожки, идущей из парка ее видно не было, риск оставался только со стороны боковых окон коттеджа, но там жилых помещений не было, только окна коридоров, а в такой час в них вряд ли кто-то посмотрит. Фатима подняла голову и посмотрела на тускло горящие коридорные окна – ни

одного силуэта, лишь мягкий приглушенный свет, все уже в номерах, спят или готовятся ко сну.

Совсем рядом с ней стоял красивый фонарь, сделанный под старину, и это соседство ее совсем не радовало, оставаться тут долго она не могла, правда, в случае крайней необходимости, она могла подлезть под широкие края чаши и спрятаться в густой тени. Фатима оглядела каменную клумбу, да, там спокойно поместится лежащий человек, причем, его ни с какой стороны видно не будет. И все же нельзя так рисковать, особенно в таком важном деле, да еще если интуиция просто ревет внутри. Она смогла приглушить ее голос и не допустить его контроля над собой, но полностью подавить беспокойство она не могла. Значит, не теряя зря времени, сказала она себе, а быстренько делай то, зачем пришла. Глубоко вдохнув, она снова приняла горизонтальное положение и поползла к живой изгороди возле узкой боковой дорожки, ведущей с аллеи за коттедж. Еще немного, и на сможет передвигаться на ногах, а не на животе.

Вдоль изгороди она ползла недолго, дорожка, ведущая за коттедж, не была такой длинной как аллея, и уже через пару минут Фатима добралась до поворота, под прямым углом соединяясь с боковой дорожкой, изгородь тянулась дальше вдоль задней стены коттеджа. Здесь тоже были клумбы и густо посаженные деревья, чтобы скрыть от гостей невзрачный вид забора, этот маленький лес очень радовал Фатиму. Она встала и сжалась за зеленым забором, выжидая момент, чтобы рвануть к темной стене деревьев. Там она будет в полной безопасности и как раз доберется до берега. Там, правда, придется решать, как добраться до причала, но это уже решать на месте, не сейчас, сейчас главное – как можно скорее попасть под защиту деревьев и двигаться к цели.

Она снова подняла голову, с этой стороны тоже были балконы, на некоторых она разглядела колышущиеся на ветру полотенца и купальники, свет горел только в трех окнах. Хорошо. Очень хорошо, можно не бояться случайных свидетелей. Резко встав на ноги, она пригнулась и побежала к деревьям, придерживая на бегу чехол с буксиром. Пара секунд, и она уже скрылась в тених, завернув за ствол ореха. Из густой темноты мини-леса фонари и свет в окнах казались просто ослепительными. Фатима встала в полный рост – это было очень приятно – и огляделась. Впереди между деревьями просматривался забор, а за ним фонари, никого, кроме нее, здесь не было, тишину нарушало только ее дыхание и монотонный шум волн, еле слышный с такого расстояния. Пора двигаться дальше, решила она, все тихо, никакой опасности пока нет. Может, только пока...

Она отошла от дерева и начала двигаться к морю, держась линии деревьев второго ряда. Идя, она все время оглядывалась и прислушивалась, но все было тихо и спокойно. Только один раз, когда она прошла уже половину расстояния, на фоне одного из светящихся окон показался темный силуэт, а через секунду на балкон вышел мужчина. Фатима замерла, прикинув к ближайшему стволу, она понимала, что увидеть ее нельзя, но все равно не могла стоять просто так, не прячась и не подстраховываясь. Из-за ствола она увидела, как в темноте зажглась зажигалка, а потом заплясала маленькая красная точка – мужчина закурил. Она решила переждать, лучше не рисковать, когда ты уже почти у цели и малейший неверный шаг может испортить все.

Минуты тянулись бесконечно долго, пока наконец она не увидела, как красный огонек полетел, кувыркаясь, куда-то в темноту. Темный силуэт снова замаячил на фоне окна, а потом она услышала, как хлопнула дверь балкона, через секунду там погас свет. Любители чистоты, с издевкой подумала Фатима, с радостью и нетерпением выходя из укрытия и продолжая путь, бросать окурки с балкона он может, но вот, не дай Бог, в пепельнице в его апартаментах будет лежать их больше двух, такой хай поднимет!

Остальную часть пути она прошла без происшествий и вышла к крутому склону, уходящему в море, здесь деревья кончались, и прямо под ней волны лениво лизали камни и валуны. Слева от нее пологий спуск вел на песчаный пляж, она видела и причал со множеством яхт, покачивающихся в ночном море. Дальше она могла только спуститься на пляж и по-быстрому

перебежать к пирсу, а оттуда к причалу, либо пройти по склону и залезть в воду уже сейчас. Плыть до пирса и причала немного, но Фатима очень не хотела погружаться в темную воду без крайней необходимости. Плыть с грузом, пусть и не большим, тяжело, а ей надо было беречь силы, сегодня ночью они ей еще понадобятся.

Итак, решение принято, оглянувшись по сторонам, Фатима начала спускаться к пляжу. Сухая почва, смешанная с песком, крошилась и рассыпалась у нее под ногами, так что спуск, хоть и не крутой, превратился в настоящее приключение. На ее счастье вокруг по-прежнему не было ни души, только волны и тихие аллеи, да еще пустой берег.

Приземлившись на песок, она не стала вставать в полный рост, сначала она хорошенько огляделась и, убедившись в том, что ее уединение все еще никто не нарушил, позволила себе сесть на песок и наконец-то посмотреть в сторону моря. В темноте бухты она искала огни «Калипсо», но увидела две светящиеся точки, одну чуть ближе к берегу, другую – почти у самого выхода из бухты. Кто-то еще оказался любителем ночевать на воде, а это значит, что ей придется быть вдвойне осторожной. А может, ни одна из этих яхт не носит название «Калипсо», подумала она, может, посудина Ситко так и стоит возле причала, а эти две принадлежат совсем другим людям. И что еще хуже, вдруг он решил прокатиться на чужой яхте, вдруг принял предложение кого-то из приятелей и решил на этот раз не напрягаться и не мучиться, а просто плыть по волнам на всем готовом и не думать ни о чем, кроме красоты вокруг и попутного ветра? Может, именно об этом предупреждала ее интуиция весь день?

Эти мысли были совсем не приятными, на долю секунды Фатима осознала, что так оно и есть, на яхте «Калипсо» ее никто не ждет, а Ситко тем временем спокойно спит где-то совсем рядом со своей смертью, даже не подозревая об этом. Вот видишь, торжественно прокричала интуиция, а я ведь говорила!

– Заткнись, – рассеянно прошептала Фатима, задумчиво глядя на две светящиеся точки в море.

Она дала себе слово, что уйдет, если вдруг что-то пойдет не так или она почувствует неладное, в таком случае, время включать задний ход как раз настало. Но ведь она была уже почти у цели, неужели она вот так просто свернет с пути, не пройдя последнюю часть и не убедившись, что дело проиграно?

Нет, она не могла уйти, хоть и понимала, что момент как нельзя более подходящий. И плевать на данные себе обещания, в глубине души она знала, что никогда не исполнит их, она могла либо не приходить сюда вообще, либо идти до конца. Каким бы он ни был.

– Значит, вас двое, – прошептала она, все так же задумчиво глядя на темное море, – хм, так кто же из вас «Калипсо»?

4

Она медленно встала с песка, совершенно не опасаясь, что кто-то может ее увидеть – деревья оградят ее от не спящих обитателей коттеджа, если те вдруг захотят выглянуть в окна коридоров, а все та же интуиция подсказывала ей, что охранники уже всю режут в карты, и никто не потревожит ее уединения. Свежий ветер, дующий с моря, ласково погладил ее по лицу, заставляя очнуться от задумчивости. Фатима тряхнула головой и глубоко вдохнула, пора действовать, время не ждет, а летние ночи слишком уж коротки.

Что-то во всей истории и правда было не так, это что-то она чувствовала в ветре, слышала в прибое, но одно она вдруг поняла совершенно четко – стоит «Калипсо» у причала или покачивается там, на волнах, на ее борту совершенно точно спит молодой наследник строительной империи. Может быть, он там с парой охранников, может, и вовсе один, но в том, что он там, Фатима больше не сомневалась. Ее ждет какой-то другой сюрприз, или ее интуиция начинает давать сбой, ведь срок ее службы давно истек. Она киллер, побивающий рекорды, киллер, вышедший за рамки статистики, но ведь она прежде всего такой же человек, живущий в том же самом мире, что и все, так стоит ли считать, что законы этого мира не властны над ней? Это

было бы крайне глупо, подумала Фатима, все еще стоя на песке неподвижно, как черная тень, может, просто мой срок службы дольше, но и он не бесконечен. А пока он не истек, она будет делать то, что должна делать – идти и убивать. Бросив последний взгляд на две светящиеся яхты, она повернулась к пирсу и быстро побежала, маневрируя между оставленными на ночь шезлонгами и столиками.

С пирса на пляж сбегала металлическая лестница с резными перилами, покрашенная в черный цвет, как и ограда, но Фатима не спешила подниматься, дальше начинались аккуратный хозяйственные постройки, тянущиеся до самого причала, а значит, спуститься к воде она уже не сможет, разве что с самого причала. Нет, сначала она собиралась разведать обстановку, поэтому вместо того, чтобы взойти на лестницу, она скользнула под нее, и оказалась под пирсом, который держали толстые бетонные сваи. До воды было еще прилично, но и здесь, на суше, было как-то жутко. Тяжелая громада нависала над ней, а шум волн казался каким-то гулким и зловещим. Зато здесь-то она была в полной безопасности, в такую дыру даже охрана не заберется.

Привыкнув к темноте, почти абсолютной после пребывания под звездным небом, она двинулась прямо, там берег грудой камней закрывал выход из-под пирса, валуны тянулись до самой воды, пройти по ним было никак нельзя, но она и не собиралась, все что ей было нужно – посмотреть на причал и определить наличие охраны, чтобы лично удостовериться в том, что яхта с надписью «Калипсо» на борту там не стоит. Под самим пирсом был песок, правда попадались камни, так что пару раз она больно ударялась ногами, обутыми в босоножки, один раз она даже еле удержалась от того, чтобы крикнуть как следует и смачно выругаться, так больно она ударилась незащищенной лодыжкой о коварно выступающий булыжник. Медленно и осторожно ощупывая ногами песок, она дошла наконец до противоположной стороны пирса и, спрятавшись за толстой свайей, выглянула из своего укрытия. Большие и средние валуны полностью занимали берег, оканчивающийся отвесной каменистой скалой, правда невысокой, одного уровня с пирсом. На берегу стояли железные строения с необходимыми для обслуживания яхт инструментами и инвентарем, дальше шел просто отвесный берег, там стояли домики и сарайчики, похожие на игрушечные, она это знала, а за ними уже начинался причал. Из-под пирса она видела белоснежных красавиц, покоящихся в ярком свете прожекторов. Там же где-то и пост охраны, вспомнила она, интересно, насколько добросовестные парни сидят там.

Рассмотрев берег и путь к причалу, Фатима еще раз повернула голову к морю, там все так же качались на волнах две яхты, правда теперь они были почти напротив нее. А ведь мне скорее всего придется плыть туда, подумала она с неприязнью, а это далековато. Правда у нее есть буксир, но темная вода пугала и отталкивала, даже при наличии страховки. Берег, покрытый острыми огромными камнями, тянулся до самого причала, но этот путь она отмела сразу, даже в специальной обуви пройти тут будет слишком сложно, скорее она сломает или серьезно вывихнет ногу, чем доберется до причала, поэтому ей не оставалось ничего другого, кроме как повернуть обратно и, поднявшись на пирс, продолжить путь по берегу. Время терять она не стала, повернула назад и пошла к лестнице, на этот раз осторожнее выбирая дорогу – нога, ушибленная о камень, все еще неприятно ныла.

Глухой шум волн действовал угнетающе, и Фатима старалась не вспоминать лишний раз о том, что в эту темную ревущую воду ей придется погружаться в самое ближайшее время. Это под пирсом звук такой, успокаивала она себя, я же слышала, что шум прибоя вовсе не так страшен, это просто закрытое пространство так действует, искажая и собирая звук. И все же мысли о предстоящем плавании действовали на нервы, итак натянутые из-за непонятного беспокойства, ей очень и очень не хотелось снова лезть в ночное море, и это было одной из главных причин, по которой она решила идти до причала по берегу и там проверить, не стоит ли «Калипсо» с другими яхтами. По воде было безопасней и незаметней, но только не ночью, ночью вода пугала ее.

Как только она выбралась из-под пирса, шум прибоя снова стал ласковым и ленивым, а не яростным и зловещим, звезды разгоняли темноту, и после сплошного мрака под пирсом, безлунная ночь показалась ей светлой, как день. Она не могла не позволить себе постоять пару секунд под открытым небом и просто вдохнуть свежий воздух, не наполненный концентрированным запахом водорослей и соли. Нет, мир под открытым небом не казался таким уж ужасным, это немного успокоило ее, и она начала подниматься по металлической лестнице на пирс. Выбираясь из низины, она рисковала, это она понимала, теперь ее не защищали деревья и берег, но это было все же лучше, чем погружение в черную воду. С пирса она сразу повернула на берег и уже через минуту оказалась среди металлических контейнеров, они были невысокими, поэтому ей пришлось пригнуться и так двигаться вдоль блестящего бока первого контейнера, иначе ее голова маячила бы, как темный сигнальный огонек. Один единственный фонарь, не резной, как в парке, а совершенно обычный, освещал холодным голубым светом двойной ряд контейнеров, стоя в самом центре за вторым рядом, Фатима была от этого не в восторге, но с другой стороны, свет помогал ей определить наличие охраны. И поскольку эти парни не привыкли прятаться и ходили в открытую, не скрывая своего поведения, а она как раз привыкла к обратному, фонарь ей не слишком мешал. Берег здесь был огражден простым металлическим забором, и Фатима как раз притаилась между ограждением и задней частью первого контейнера. Ограда была невысокой, может, до пояса ей, но то, что берег не кончался просто обрывом успокаивало.

Всего в каждом ряду стояло по три контейнера, поблескивающих в свете фонаря, между ними шла бетонная дорожка, в трещинках которой проросла трава, все это напоминало ей территорию порта в Ялте, где она в прошлом году совершила одно из самых громких своих дел. Вот бы и сейчас такую удачу, мысленно попросила она у судьбы, тогда все шло как по маслу, и не было этого сводящего с ума чувства тревоги.

Она не стала концентрироваться на воспоминаниях, это путь в никуда, так говорила ее мама, вместо этого она продолжила свой путь к цели, убедилась, что никого нет, и перебежала за следующий контейнер. Отсюда она уже лучше видела причал, там все просто купалось в свете собственных прожекторов и фонарей на сходящихся к нему аллеях, ни этих освещенных широких дорожках в этот час не было ни души.

Ряды контейнеров Фатима миновала быстро и благополучно и, пробежав быстро и бесшумно открытое пространство, укрылась за первым маленьким домиком из белого кирпича с красной черепичной крышей. Здесь уже бетон сменился газонной травой, которую прорезали выложенные камнем дорожки, и иллюзия, что она вернулась в порт Ялты, пропала окончательно. Ограда берега тоже изменилась, стала резной и более высокой с широкими перилами. Как будто поселение гномов на берегу, подумала она, глядя на одинаковые маленькие домики, может, там ночевал кто-то из персонала, может, просто хранили инвентарь, но выглядели эти невысокие постройки очень уютно и по-домашнему. Они не стояли в ряд, как контейнеры, поэтому передвигаться стало труднее, плюс освещение стало ярче, но вокруг по-прежнему не было ни души. Фатима осторожно переползала под окнами домиков, чтобы не засветиться в окне, она ведь не знала, что или кто там может быть. Зато трава приглушала шаги, а тени от домиков позволяли спрятаться при необходимости. Она держалась поближе к берегу, и когда добралась до последнего домика, впервые ясно и отчетливо увидела причал и, самое главное, прямо по курсу она видела стеклянную будку охраны.

Всего в десятке метров от нее белела первая яхта, в ярком свете прожекторов Фатима даже смогла разобрать надпись на борту: «Нептун». Что ж, теперь на одну яхту меньше, подумала она, глядя на ряды белых красавиц, стоящих у причала. Их было не так много, как она думала, может, от силы 7, но и эти 7 ей придется проверить, а охрана совсем рядом, да и свет не позволяет сохранить невидимость.

Яхты тут были совсем разные, и с парусами и высокими мачтами, и беспарусные, похожие больше на космические корабли, и маленькие, и многоярусные, и даже стояли два катера, почти невидимые из-за высоких соседок. Охранник в будке увлеченно смотрел на мерцающий загадочным серо-белым светом экран маленького телевизора, но это был, пожалуй, единственный плюс, больше ничего в окружающей обстановке не способствовало тому, чтобы Фатима могла подойти к яхтам. Причал был совершенно пустынным местом, кроме будки, где сидел крупный охранник, здесь ничего не было, а до аллеи простиралась каменная дорожка, по обе стороны которой бархатным ковром раскинулся ухоженный газон. Домики, где сейчас пряталась Фатима, были последним и единственным укрытием, больше спрятаться было негде. Она снова и снова бегала глазами по деревянным пристаням, уходящим в море, и по каменному берегу, где стояла будка, но ничего, кроме мотков каната и бетонных столбцов, к которым пришвартовывали яхты, она не увидела.

Придется все-таки лезть в воду, поняла она с тоской, и намного раньше, чем планировалось. Но все же она не собиралась зря проплавать ни одного метра, поэтому решила использовать то, что имелось на полную катушку. Да, дальние яхты она никак не увидит с суши, но три, стоящие совсем недалеко от нее она, при желании и везении сможет рассмотреть и с суши. Надо только подползти поближе и укрыться за швартовочным столбиком, ну и, конечно, надеяться, что этот увалень в будке охраны не повернется. Да, она сильно рискует, ведь освещение здесь что надо, а маленький столбик из бетона никак не может служить надежным укрытием, но... риск – это ее работа. Да и потом, в воду она предпочитала не бросаться с неизвестного места, а тихо спуститься и плыть прямо к яхтам, если уж «Калипсо» не стоит в каком-то из этих рядов.

Выработав план, Фатима начала пристально наблюдать за охранником в будке, она должна была хотя бы примерно узнать его поведение, чтобы окончательно решить, можно ли пробраться к первым посудинам или все же придется возвращаться к пирсу и плыть.

Охранник оказался еще одним подарком судьбы. Крупный как кит, которого попытались втиснуть в аквариум, он сидел совершенно неподвижно, уставившись в одну точку с пустым выражением лица. Серо-белое свечение экрана, падая на его лицо, делало его похожим на лицо зомби. Может, я тут не одна такая, подумала Фатима, глядя на этого кита, может кто-то уже успел его навечно успокоить? Но нет, она видела, что иногда он шмыгал носом, как будто у него был насморк, а один раз он даже зевнул, правда потом всяческие движения совсем прекратились, как будто такой всплеск активности истратил последние энергетические запасы здоровья.

Пора, решила Фатима, собираясь как пружина, на счет этого увальня она уже не волновалась, он вряд ли повернется или хотя бы еще раз зевнет, что ее теперь волновало, так это возможные гости из аллеи. Но тут она ничего изменить или предупредить не могла, судьба всегда вела ее, пусть судьба скажет и теперь свое слово. *Она уже сказала, прошептал голос в голове, голосом интуиции, который ты предпочитаешь не слышать, так чего же ты еще хочешь?* Хочу побыстрее все закончить, и хорошенько отдохнуть, ответила ему Фатима и, прежде чем этот голос успел сказать что-нибудь правдивое и неприятное, она ринулась вперед, таким образом ставя точку во внутреннем диалоге.

Почти на корточках она быстро добежала до первого столбика, за ним были еще три, а потом поворот на деревянную пристань. Под ногами у нее толстыми мотками вились канаты, море почти не шумело, толь тихо плескалось, здесь в бухте, волн не было совсем. Скорчившись за явно никудышным укрытием, она бросила быстрый взгляд на охранника, но тот все еще не подавал признаков жизни после зевка, уже хорошо, еще один быстрый как молния взгляд в сторону парка – и тоже никого. Вдохнув, Фатима снова совершила перебежку, на этот раз свернув на причал. Всего было три таких пристани, но она сомневалась, что все места для парковки яхт когда-нибудь заполнялись, это же, в конце концов, не Монте-Карло. Она снова

обернулась на охранника, все было по-прежнему, кроме того, что теперь увидеть ее с дорожки, ведущей к парку стало невозможно – тени от яхт, особенно от парусных, хорошо скрывали ее черную фигурку. Но этот здоровяк в своем аквариуме увидеть ее мог, если бы конечно рискнул потратить столько сил на то, чтобы оторваться от экрана и немного повертеть головой, поэтому расслабляться было нельзя.

Не вставая в полный рост, она начала рассматривать яхты, две стояли справа, включая уже виденный ею «Нептун», одна слева. Доски под ногами скрипели и стонали, благо охранник в своей будке этого слышать не мог, «Нептун» был беспарусным, а вот две его соседки гордо покачивали высокими мачтами, ветер лениво трепал свернутые паруса. Фатима повернула голову и стала вчитываться в причудливо завитые буквы на борту соседки «Нептуна», на яхте было совершенно тихо и никаких признаков жизни, но она все же не могла не проверить все до конца, это было уже на уровне рефлекса. В свете прожекторов темно-синие буквы на белоснежном поле никак не хотели складываться в слово, но Фатима упорно напрягала глаза, не забывая следить за китом-охранником. «Ундина», наконец прочитала она, ничуть не удивившись, что название не то, она ведь с самого начала видела, что яхта пустая, да и потом, разве ее не предупреждали, что Ситко скорее всего будет ночевать на воде в бухте, а не возле причала. И все же. Яхта справа стояла прямо напротив «Ундины», так что Фатима оставалось только повернуть голову и прочитать ровные строгие буквы на борту: «Южный Ветер», сообщила надпись. Романтичное название, подумала Фатима, явно не под стать хозяину. Она не сомневалась, что владелец яхты был жестким, лишенным фантазий человеком, понимающим только конкретику и язык цифр, в его мире все имело острые углы и ровные линии, об этом лишней раз говорила надпись на его яхте – никаких завитков, никаких плавных линий, надпись как будто выведена под линейку строгой черной краской. Красивое название, говорили эти буквы, но, на мой взгляд, пустая трата времени и краски, просто чья-то причуда, по мне, так надо было написать просто «Борт-1».

Дальше причал был совершенно пуст, только в конце стоял маленький катер, на каких обычно возят небольшие группы туристов поплавать в чистой воде. Подойдя к нему, Фатима легко прочитала название, написанное белыми буквами на темно-красном борту: «Руслан». Еще три яхты ждали ее у следующего причала, но добраться до них она могла только вплавь, теперь она это ясно понимала. Дойдя до конца причала, она увидела едва заметную в тенях металлическую лесенку, спускающуюся в воду, она была приварена к опорам причала, и конец ее скрывали волны. Вот то, что она искала, прыгать прямо так, в темные волны, это одно, а вот спускаться по лесенке – совсем другое. Очень выгодно стоял катер, хоть и небольшой, но полностью скрывающий лестницу, значит, она сможет спокойно спуститься в воду, не оглядываясь каждую секунду и не волнуясь, что жирдяй в стеклянной будке вдруг повернет голову и увидит ее.

Придется все-таки плыть, с неохотой подумала Фатима, сидя на корточках возле лесенки и натягивая маску для подводного плавания на голову. Ей совсем не хотелось погружаться в эту темную бездну, а еще меньше хотелось делать лишний круг и плыть к тем трем яхтам, стоящим возле следующей пристани. Но дело есть дело, а хорошая репутация стоит больших хлопот и больших денег, так что надо плыть, тянуть не только бессмысленно, но и опасно. Вздохнув в последний раз, она повернулась к воде спиной и начала спускаться.

Катер действительно отлично скрывал ее, как гора возвышаясь над поверхностью воды, сбоку напротив нее ярко горели две точки – яхты, и одна из них Ситко. Фатима продолжала спуск, чувствуя с каждой ступенькой все увеличивающееся притяжение воды, темная масса тянула к себе невидимыми сильными руками, рюкзак и буксир в чехле за спиной стали весить как будто гораздо больше, но она знала, что вес пропадет совсем, стоит только уступить воде и погрузиться в волны. Неприятный страх легонько, как летний ветерок, погладил ее, пробежав по всему телу короткой дрожью, когда ее ноги, обутые в спортивные босоножки, коснулись

воды, и она стала заливаться внутрь. Был только июнь, и вода еще не прогрелась как следует, но она наверняка не была настолько ледяной, насколько показалась ей. Все дело в непонятной тревоге и моей нелюбви к ночным водным приключениям, решила Фатима, вода казалась ей обжигающе ледяной, даже дыхание на миг перехватило, вот закончу это дело и возьму длительный отпуск.

Если конечно, я закончу дело, а не дело закончит меня, тут же поправила она саму себя, но шутка не казалась смешной.

Она была в воде уже по пояс, но лесенка не заканчивалась, и Фатима решила спускаться, пока не наберет нужную глубину. Когда вода дошла до груди, ступеньки кончились, и ноги Фатимы уперлись в пустоту, до дна, конечно же, было далеко. Ну вот и приплыли, подумала она, погружаясь в воду и все еще держась за металлическую перекладину лестницы. Она оказалась права, как только она отдалась воде, рюкзак тут же потерял вес и стал рваться к поверхности, облегчая ей усилия, а буксир и вовсе плавал над водой, как пулеобразная подушка. Это как-то успокаивало.

Оказавшись в волнах, она посмотрела на причал, он казался ей страшной громадиной, под которой могут обитать совершенно далекие от нашей реальности существа. А ведь кто-то регулярно спускается по этой лесенке и чистит сваи, заплывая под причал, подумала она и содрогнулась, хотя, может, днем это не выглядит таким жутким. Яхты тоже казались теперь просто подавляюще огромными, и Фатима начала волноваться, как же она сможет залезть на такую громадину, да еще после заплыва.

– Хватит! – строго прошептала она и брызнула себе в лицо водой, – хватит паниковать! Совсем сдурела, что ли?!

Это все та странная нервная вибрация, которая не давала ей покоя с утра. Раньше у нее таких мыслей не было, а сегодня она просто сама не своя. Пора брать тайм-аут, теперь она понимала это как никогда ясно. Но прежде у нее есть дело, и она не отступит, ни за что, даже если ей придется лезть по борту яхты, как человек-паук.

Покачиваясь на едва заметных волнах бухты, Фатима взглянула на небо, оно было еще совершенно ночным, но она помнила, какие короткие летние ночи, а это значит, времени у нее остается все меньше и меньше, а она тратит его на позорные мысли, вместо того, чтобы работать быстро и четко. Тряхнув головой, она повернулась спиной к катеру и поплыла ко второму причалу, буксир она пока решила не использовать, во-первых, боялась шума, во-вторых, решила не тратить энергию зря, мало ли как сложатся события дальше. Ее подавленная интуиция не замолчала, просто избрала другой путь, подсознательно заставляя ее беспокоиться о ближайшем будущем.

Расстояние до следующего причала было небольшим, так что она с легкостью преодолела его, тихо рассекая темную воду и держа голову над поверхностью, буксир послушно плыл за ней, как собачка на поводке, следующая за хозяином. У второго причала тоже была лесенка, и Фатима, подплыв поближе, ухватилась за нее. Здесь все три яхты стояли в ряд с одной стороны, так что ей оставалось только проплыть вдоль причала и прочитать надписи. Что она и сделала, не тратя время на отдых, расстояние ведь было смехотворным, она плавала и побольше, гораздо больше.

Белоснежные посудины стояли к ней задом, но на каждой было написано название, конечно, не так крупно, как на бортах, но и она была на минимальном расстоянии и могла все увидеть. «Рассвет», гласила первая надпись, высокие мачты как будто прокалывали звездное небо, так ей виделось с воды, она поплыла дальше, «Морской Волк» было написано на второй, амбициозно, подумала Фатима, проплывая мимо к последней яхте. На третьей посудине надпись была такой же причудливой как на «Ундине», а может, даже похлеще. Завитки и узоры переплетаясь с буквами, тоже отнюдь не каллиграфическими, образовывали совершенно нечитаемую композицию. И как это только разрешают, возмущенно думала Фатима,

стараясь разобрать граффити на белом борте. Надпись была выполнена в уличном стиле, из-за чего Фатима предположила, что владельцы яхты явно молоды и не обременены заботами, просто, когда ты сам зарабатываешь на яхту, времени на то, чтобы придумывать такие каракули уже не остается, да и не до того уже. Наконец название все же показалось сквозь узоры и нарисованные тени, подтвердив ее предположение относительно владельца – «Задира», вот что красовалось на борту. Да уж, имея такого папочку, способного подарить тебе яхту с тупым названием, можно быть кем угодно, подумала Фатима, отплывая обратно к лесенке. «Задира» парусов не имела и походила на вытянутый космический корабль с антеннами и мостиками, вполне в духе того, кто веселился на ней этим летом.

Итак, ни одна из причаленных яхт не была той, что ей нужна. А это значит, она все же отправится в небольшое плавание.

Доплыв до лесенки, Фатима посмотрела в море, все так же призывно горели два огонька, а расстояние до них не шло ни в какое сравнение с тем, что она только что проплыла. Не теряя ни секунды, она надела маску на лицо, а затем принялась расстегивать чехол, взобравшись на лесенку ровно на столько, чтобы можно было положить его в рюкзак. Когда с этим было покончено, Фатима снова скрылась в воде, на этот раз не боясь намочить голову. Цель была уже совсем близко, и она, похоже, наконец снова стала прежней.

Оторвавшись от лесенки, она поплыла в море, пока не включая свою «пулю». Плыть было легко, соленая вода сама держала ее на поверхности, но все же силы на то, чтобы двигаться вперед, тратить приходилось, поэтому, отплыв от причала на безопасное как ей показалось расстояние, она не стала тратить энергию зря, а просто нажала большую желтую кнопку. Мотор внутри пластикового корпуса тут же ожил с негромким урчанием, почти неслышным из-за шума воды, заработал винт, и «пуля» мягко потянула свою хозяйку вперед. Скорость она развивала приличную, не идущую ни в какое сравнение со скоростью пловца, Фатима старалась держать голову над водой, ведь акваланга у нее не было, но все равно дышать стало трудно – вспарываемая поверхность воды накрывала девушку и разлеталась сотней маленьких брызг. Зато горящие огоньки стали заметно ближе и продолжали приближаться с каждым мгновением, а это стоило всех неудобств.

Подплыв к яхтам достаточно близко, Фатима выключила мотор и оглянулась, ей стало просто интересно, на сколько же она отплыла за такое короткое время, прошло ведь не больше 10 минут. Результат приятно поразил ее – берег был бы не виден совсем, если бы не маленькие светящиеся точки – прожекторы на причале. Впечатляет, восхищенно подумала она, покачиваясь на волнах и восстанавливая дыхание, «пуля», как надувная подушка, надежно держала ее на воде. Теперь оставалось только подплыть к нужной яхте и залезть на борт, а прямо за яхтами Фатима видела выход из бухты.

Что ж, время она сэкономила, но это не значило, что его теперь можно терять, она уже итак потратила его больше, чем могла, пробираясь к причалу и подплывая потом к каждой посудине возле него. Поэтому она сделала глубокий вдох, чувствуя, как неприятно давит вода на грудь, и поплыла к стоящей слева от нее яхте. Вторая стояла на приличном расстоянии прямо напротив, но, выбирая между правой стороной и левой, Фатима выбрала сторону сердца, ведь выбор она делала именно так, разум сейчас был просто бесполезен. Обе яхты имели паруса, обе были примерно одного размера, а надписи на борту в такой темноте и с такого расстояния разглядеть было невозможно. Волн в бухте почти не было, но на такой глубине, как подозревала Фатима, даже в открытом море сильно не качает, если, конечно, нет шторма, а сегодня его не было, и это тоже радовало, ведь уходить ей, скорее всего, придется именно морем.

К яхте она подплыла достаточно быстро и, оказавшись в кружке неяркого света, отбрасываемого фонарем на мачте, она с радостной дрожью прочитала большую надпись на белоснежном боку: «Калипсо». Да, интуиция опять не подвела, да и удача, похоже, все еще при ней, она добралась, она это сделала! Вот она, красавица «Калипсо», прямо перед ней спокойно

покачивается на волнах и дремлет, явно не подозревая о незваной гостье. Что ж, осталось подняться на борт и довести дело до конца, а для этого нужна холодная голова, поэтому приступ радости Фатима быстро подавила, у нее еще будет время порадоваться, да и поводов тогда будет больше, а пока надо делать дело и не впадать в эйфорию раньше времени.

Сняв свои водные очки, Фатима снова повесила их на шею, как причудливое ожерелье, и не спеша подплыла к самому борту. Попасть наверх можно было по толстой цепи, уходящей в воду вместе с якорем, это она и собиралась сделать. С соседней яхты увидеть ее не могли, якорь бросили со стороны, никак не просматриваемой с той, другой яхты. Да и в такой темноте вряд ли что-то будет видно, хотя черный силуэт на белом фоне может быть заметным даже ночью, тем более, при пускai слабом, но все же имеющемся освещении. Хотя уже слишком поздно, даже охрана, наверное, спит, ведь никто всерьез не ждет нападения, думала Фатима, огибая «Калипсо», чтобы добраться до якорной цепи, в любом случае, эти мысли напрасные, моя удача при мне, и положение яхты – лучшее тому подтверждение. Правда, что ждало ее на борту, она не знала, но думать об этом сейчас тоже не имело смысла, пройдя 90% пути об отступлении не думают, не стала думать и она.

Правда, как только ее рука легла на гладкую металлическую поверхность толстой цепи, непонятная тревога ураганом налетела на нее, заставив сердце бешено забиться, а легкие сжаться и вытолкнуть весь воздух. Что-то по-прежнему происходило, что-то было не так, и как же она ошибалась, посчитав, что это чувство ушло. На мгновение она подумала, что сейчас пойдет ко дну, мышцы застыли и совершенно перестали слушаться, невероятным усилием воли она заставила себя схватиться за буксир, и выглядели эти движения судорожными и неуверенными. Но прошла секунда, другая, и необъяснимое состояние исчезло так же неожиданно, как и нахлынуло. Дыхание восстановилось, кровь снова заструилась по венам, снабжая окаменевшие ткани кислородом, комок в груди пропал, как и необъяснимая тревога. Остались только мрачные мысли, вот они-то никуда не ушли. Умом Фатима понимала, что этот приступ был не чем иным, как последней попыткой интуиции предупредить ее, но также она понимала, что не может уйти, решение сейчас принимал разум, а разум привык доводить дела до конца.

– И это тоже судьба, – прошептала Фатима, берясь двумя руками за скользкую от воды цепь.

Не дожидаясь новых сюрпризов интуиции, она подтянулась и поползла вверх.

Первые сантиметры давались просто с тяжким трудом, вода, как ревнивая женщина, не хотела отпускать то, что, как она считала, уже принадлежало ей. Фатима чувствовала эту невидимую силу, тянущую ее обратно, не дающую сделать новый рывок, но она не сдавалась, упорно отвоевывала сантиметр за сантиметром. Буксир, висящий за спиной и казавшийся на земле легким, теперь весил, казалось, тысячу тонн и тянул вниз, как гиря, но она ползла, подтягиваясь руками и помогая себе ногами, сплетенными вокруг цепи. Как она и предполагала, чем выше она поднималась, тем меньше становилось притяжение воды, так что вскоре ползти стало значительно легче, как будто вода поняла, что на этот раз ей не удержать добычу, и оставила ее в покое. Поднявшись почти к самой палубе, Фатима даже почти перестала ощущать вес моторчика за спиной.

Цепь уходила в темную круглую дыру примерно в метре от палубы, но Фатима не сомневалась, что прекрасно дотянется до бортиков, а дальше все просто, если, конечно, на палубе ее никто не ждет, а вот в этом она уверена не была. Поэтому, добравшись до самого конца цепи, она застыла, чутко прислушиваясь к звукам на яхте, это не гарантировало безопасность, но все же было лучше, чем ничего. Примерно с минуту она висела на цепи, как обезьянка на стальной лиане, а потом подтянулась и ухватила за бор, все было тихо. Держась за цепь только ногами, она ухватила и второй рукой за борт яхты, а потом, повиснув на руках, нащупала ногами якорную дыру и наконец смогла встать в полный рост и заглянуть на палубу.

Все, что она увидела, так это заставленную ящиками заднюю часть палубы и торчащую слева от нее мачту со свернутыми парусами. Что творилось на середине, и был ли кто-то там, сказать она не могла, поскольку ничего не видела из-за громоздящихся друг на друге ящиков и своего положения – уровень ее глаз находился чуть выше палубы. Зачем ему все эти коробки, подумала она, рассматривая невысокие башенки из картонных и деревянных ящиков, высившихся на деревянной палубе? Она не очень разбиралась в судоходстве, так что, может, там все необходимое для морской прогулки? А, впрочем, какая разница, главное то, что эти ящики сослужат ей хорошую службу, а остальное ее не касается.

Выждав еще примерно минуту, она решила подниматься на борт, подтянулась и схватилась руками за первую перекладину металлических перил – в этой части яхты они напоминали заграждения на пирсе, а дальше переходили в сплошной белоснежный бортик, сливающийся с корпусом яхты. Спустя 30 секунд она уже стояла на палубе и улыбалась немного сумасшедшей улыбкой, ей удалось, она уже на борту! Однако долго радоваться она не могла, ее еще ждала работа, поэтому, едва встав на палубу обеим ногами, она тут же присела и достала пистолет, теперь настало его время.

Задняя часть была немного выше, поэтому ящики не служили полным гарантом невидимости, стоит ей привстать чуть повыше, и ее легко увидят, хотя уже через пару секунд это не будет иметь никакого значения, как только она достанет пистолет и проверит его готовность, спрятаться станет незачем. Усевшись прямо на деревянный настил за двумя большими ящиками, поставленными друг на друга, Фатима сняла с плеч рюкзак и достала свое оружие. Пистолет был абсолютно сухим, как и остальное содержимое, и она еще раз похвалила себя за приобретение такого отличного снаряжения. Когда профессионализм доведен до максимума, битвы выигрывают технологии, вспомнила она изречение Пророка, когда она обратилась к нему за помощью в покупке костюма. И ведь он оказался прав, в равной борьбе сегодня побеждает тот, у кого круче игрушки, добро пожаловать в 21-й век.

Рюкзак она снова закинула на плечи, прикрепив пистолет к бедру, но оставалась еще одна игрушка – ее буксир, с ним она не могла идти на дело, он мешался и мог случайно наделать шума, стукнувшись о какой-нибудь предмет или борт. Значит, надо его оставить. Но не просто посреди палубы, его надо спрятать, чтобы потом вернуться за ним и убираться с этой посудины ко всем чертям... Если, конечно, она доведет свое дело до конца.

Фатима огляделась, в самой задней части, буквально влипая в перила, стояла большая полукруглая скамья на высоких ножках с плетеной спинкой и наваленными на нее белоснежными подушками, занимая собой весь хвост. Когда тут не устраивали склад, на этом ложе наверняка любил отдыхать хозяин яхты, подумала она, ей тоже хотелось просто лечь и смотреть на звездное небо, вдыхать прохладный морской бриз и покачиваться на волнах, но все это потом, а пока под диван вполне можно спрятать лишние вещи. Не вставая, она ползком добралась до дивана, лавируя между ящиками и коробками, и быстро затолкала буксир под него, благо места хватало с избытком.

– Полежи пока тут, – прошептала она, – я скоро.

Она очень надеялась, что сказала правду. Теперь вперед, к цели, где-то на этой яхте Ситко видит последний сон и не знает, что на этот раз не проснется. Фатима достала пистолет из крепления и, зажав его в руках, начала пробираться к середине яхты.

Она успела дойти до следующей пирамиды из коробок, как вдруг отчетливо услышала скрип двери. Да, ей не показалось, кто-то действительно вышел на палубу, это подтверждали шаги и хриплое покашливание. Она замерла, неужели это Ситко? Неужели он сам идет к ней в руки? Выглядывать она не стала, риск быть увиденной был слишком велик, вместо этого она сжалась за своим укрытием, спокойная и собранная, как пантера, готовая к прыжку.

Покашливание раздалось ближе, кто бы это ни был, он шел прямо к ней. Фатима крепче сжала пистолет, этот не спящий некто пройдет справа от нее, слева были перила, он не увидит

ее, пока она не всадит в него несколько пуль, у нее очень выгодная позиция. Да и то, что он один, тоже очень кстати, никакой опасности не будет, она просто уберет его, а потом пойдет за остальными. Выстрелов никто не услышит, на палубе ведь никого нет, а у нее глушитель последней модели, так что сквозь шум волн и ветра она рискует даже сама не услышать свой выстрел – вместо выстрелов действительно будет всего пара сухих щелчков. Главное, чтобы на соседней яхте не было таких же полночных зрителей.

Некто приближался к ней, покашливая и вздыхая, его шаги тяжело стучали по деревянному настилу. Нет, это не Ситко, поняла она за секунду до того, как мимо нее в море полетела спичка, и запахло табаком и ментолом, что еще раз доказывало правильность ее догадки – Евгений Ситко не курил. Значит, охранник, радостно подумала она, все складывалось просто неправдоподобно гладко, а чувства тем не менее продолжали бить тревогу. Правда сейчас она престала обращать внимание на такие мелочи, сейчас весь ее мир был в этом идущем к ней человеке, человеке, которого она должна была убить.

– А-а, чччерт! – негромко выругался охранник, споткнувшись на лестнице, ведущей на заднюю палубу. Он был уже в двух шагах от Фатимы.

Раздалось ровно три тяжелых стука, а потом она впервые увидела широкоплечего высокого мужчину в темном костюме, кончик его сигареты ярко горел в темноте. Глубоко затягиваясь, он медленно прошел мимо нее, даже не повернув голову, да и зачем ему было смотреть на эти ящики и коробки. Он намеревался посидеть на диванчике и спокойно покурить, но вид далеких огоньков на берегу привлек его внимание, так что он пошел не прямо, а повернулся к Фатиме спиной и зашагал как раз к тому месту, где Фатима перелезала через перила несколько минут назад. Это уже было совсем не здорово, ведь выстрелила она сейчас, тело непременно упадет в воду, а этого она не хотела, мало ли куда и когда оно приплывет. Нет, пока работа на яхте не закончена, никто не покинет ее борт, так она решила и стала ждать, пока он отойдет от перил на безопасное расстояние. И тут начались первые сюрпризы.

Дойдя до перил, охранник остановился и стал задумчиво смотреть вдаль на одинокие огоньки на берегу, не спеша затягиваясь сигаретой и выпуская дым вверх. Фатима где-то читала, что по направлению выпускаемого дыма можно узнать настроение курильщика – если дым вверх, значит, и настроение отличное, если человек выдувает его вниз, значит, что-то с ним не в порядке. У этого малого с настроением был полный порядок, по крайней мере, если судить по дыму. И это портило настроение ей, ведь если ему так понравился вид далекого берега, он вполне может так и стоять там, пока не докурит свою вонючую сигарету, а тогда она никак не сможет убить его по-тихому, ведь докурив, он повернется к ней лицом. Надо было что-то решать, но прежде чем Фатима начала мыслить, охранник, только что мирно куривший и наслаждающийся созерцанием ночи, вдруг замер, а потом начал резко поворачиваться. Сработали инстинкты, он что-то почувствовал, что-то неладное, он вдруг явственно понял, что он тут не один, и кто-то за ним наблюдает. Озарения такого рода периодически чувствует каждый, но сильнее всех они бывают у военных и у тех, кто привык рисковать жизнью.

Разворачиваясь на 180 градусов, крупный мужчина в костюме одновременно вытаскивал оружие, и тут сработали инстинкты Фатимы.

Все произошло буквально за 5 секунд, не больше, но стресс – самая настоящая машина времени, способная сжать его или наоборот, растянуть до бесконечности, и в этот раз время застыло. Фатима видела в замедленном режиме, как поворачивается охранник, как его правая рука ныряет под пиджак с левой стороны, она знала, за чем он тянется и начала действовать еще до того, как он полностью обернулся к ней. Пистолет уже был у нее в руке, поэтому она просто подняла его и дважды выстрелила, совершенно не думая о том, что тело скорее всего упадет за борт, другого выхода сейчас просто не было. И тело действительно упало за борт. Первая пуля попала точно в сердце, вторая пробила брюшную артерию, на белоснежной рубашке тут же начали расцветать темные кровавые пятна, похожие на цветы. Черные розы смерти, пронеслось

у нее в голове, пока она, все еще не опуская пистолет, смотрела на свою жертву. Охранник все же повернулся к ней и теперь смотрел прямо ей в глаза удивленным и не верящим взглядом. На секунду он так и застыл, а потом глаза его остекленели, и он рухнул за борт, кувыркнувшись через металлические перила. Послышался громкий всплеск, а потом все стихло.

Возбужденная и раздраженная, Фатима вскочила на ноги и подошла к тому месту, где стоял охранник, на деревянной палубе было несколько небольших пятнышек крови, единственные следы его пребывания на этом судне. Осторожно, чтобы не наступить на кровь, Фатима подошла к перилам и выглянула за борт. Ничего, но она знала, что мертвецы не любят тайн, они всеми способами спешат сообщить миру о своей кончине, запахом, например, так что тело всплывет. Причем совсем скоро, и станет жутким сигналом бедствия, посланным яхтой «Калипсо». Но к тому времени Фатима рассчитывала быть уже далеко, хотя такой поворот событий очень огорчал, теперь таймер включен, а она даже не знает, сколько времени ей осталось. Она-то собиралась по-тихому сделать дело, превратить «Калипсо» в маленький аналог корабля призраков из сказки, плавучее кладбище, но вот и первый дезертир, а что будет дальше?

– Прости, ты просто был слишком хорошим профессионалом, – прошептала она, глядя в темные воды, – покойся с миром.

Больше медлить и ждать новых сюрпризов она не собиралась, отдав дань убитому, она молнией метнулась за ближайшие ящики и начала двигаться к каютам. Судя по всему, на яхте теперь только она и Ситко, так чего тянуть время. И все же она кралась, просто не могла заставить себя идти не таясь, тем более, яхта по соседству все еще стояла на своем месте, а значит, там вполне могли быть такие же полуночники, как и этот охранник.

Пробираясь между наваленными коробками и ящиками, она немного остыла. Да, то, что этот качок упал за борт, действительно плохо и идет вразрез с планом, но, с другой стороны, теперь ей ничего не угрожает, охранник мертв, и она спокойно может идти за своим объектом, а то еще пришлось бы гадать, где на этом захламленном судне прячется вооруженный профессионал. Нет, так даже лучше.

Она успела уже добраться до маленькой лесенки, ведущей на палубу, даже вышла из-за ящиков и тут в свете фонаря на мачте увидела, как медленно начала открываться дверь, ведущая в каюты. Опять сюрпризы, а она уже была сыта ими по горло. Ругнувшись про себя, она быстро, как только могла, метнулась за ближайший ящик и притаилась там. Зачем она это делала, она не могла объяснить даже себе, это был чистый рефлекс, умом она понимала, что после устранения охраны бояться больше некого, и все же решила подстраховаться, вдруг в эту ночь сюрпризов Ситко взял с собой не одного, а двух мордovorотов, или даже трех?

Согнувшись в три погибели за невысоким ящиком, Фатима внимательно прислушалась. Медленно и сонно скрипнула дверь, но шагов она не услышала. Либо он просто выглянул, либо вышел босиком или в тапочках, подумала она, удивляясь, почему в 3 часа ночи на этой яхте никто не спит, когда должно было быть наоборот. Тишина нервировала больше, чем возможное наличие пока невидимой охраны на борту, но тут на ее счастье громко захлопотало на палубе – Ситко, или кто там еще вышел, двигал что-то тяжелое. На секунду звуки прекратились, послышалось раздраженное «твою мать», а потом обладатель голоса стал снова двигать что-то тяжелое. Ударился, наверное, решила Фатима, уже чуть ли не вибрируя от напряжения, он так до сих пор не знала, кто сейчас в паре метров от нее: цель или очередной незапланированный подарок ночи. Наконец все стихло, кто бы он ни был, он подвинул предмет на нужное место и затих, правда, ненадолго.

– Олег! – позвал голос, по требовательным ноткам Фатима поняла, что там скорее всего именно Ситко, еще один неспящий. – Олег!

Ему ответила тишина и сонный плеск волн за бортом. Олега я отправила в плавание, подумала Фатима, готовясь резко встать и отправить хозяина Олега следом. Позиция была

очень удобная, она ведь была в трех маленьких ступеньках от палубы, где сейчас спокойно, как большая мишень сидел Евгений Ситко.

– Олег, оглох что ли? – послышалось недовольное цоканье, – дрыхнет на диване небось. Ну и хрен с ним, зато не мешает разговору.

А вот это уже настораживало. Какому разговору? Разговору с кем? О нет, только не это, злясь еще больше подумала Фатима, кого еще черт притащил на эту посудину? Придется повременить с атакой до выяснения новых обстоятельств, а время ведь поджимало, скоро рассвет, это нервировало еще больше. Поджав губы от злости, Фатима снова принялась слушать.

– Думаешь, мне все это нравится? – слышала она после недолгой тишины. – Думаешь, я совсем бесчувственный робот?

Никто не ответил, и Фатима продолжала теряться в догадках, с кем это беседует Ситко, кому высказывает свое недовольство жизнью?

– Ты сама прекрасно знаешь, с каким трудом я достиг всего, что имею, и отец тут ни при чем. – А, так он беседует с женой или любовницей, которую, может быть, взял на яхту в маленькое плавание. Значит, он и правда не один, или...? – Да, мне приходилось проливать кровь, а ты что, думаешь в мире все всё по-хорошему отдают и делят по детскому принципу считалочки? Ты сама не раз видела, на что способны люди ради больших денег, ради власти, ради собственных амбиций. Где куш больше, там и правила жестче, не зря папаша по сто раз на дню это повторяет. Мужчины должны воевать, они воины от природы, и если ты думаешь, что цивилизация убила это желание, что оно отпало, как шерсть или хвост в процессе эволюции, то ты просто наивная дурочка.

Нет, подумала Фатима, с любовницей он бы так не откровенничал. Она видела отношение Ситко-младшего к прекрасному полу – он спал со всеми, кто ему нравился, при этом сохраняя уважение к жене, можно сказать, он хранил ей духовную верность. На взгляд Фатимы, такая верность была единственно ценной, и, похоже, жена Евгения Ситко думала точно так же, раз, зная о его «маленьких увлечениях», продолжала с ним жить. Так неужели он взял с собой жену? Может, решил загладить очередную «маленькую вину»? тогда почему говорит только он, а она молчит? Догадка сама просилась на ум, но Фатима решила не спешить и выходить из укрытия только тогда, когда будет во всем уверена.

– Пойми ты, нет в мире такого понятия как добро или зло, – тем временем продолжал вещать Евгений, – есть сама жизнь, и все в ней смешано. Одно вытекает из другого, и одно присутствует в другом. Вот взять хотя бы Иисуса, он был воплощением добра на земле, сыном Бога, а Бог это ведь и есть концентрированное добро, не так ли? Но сын Бога палками гнал торговцев из храма, а почему бы ему просто по-доброму не попросить их уйти? Да, они бы послали его куда подальше, и он, следуя законам добра, просто бы смирился с этим и молился бы о прощении этих грешных душ. Но нет, ради добра он гнал их палками. Он делал зло ради добра. А тот, кого мы все считаем источником Добра, вообще отдал людям на растерзание собственного сына! И что это, если не зло?!

Да он у нас философ, с иронией подумала Фатима, все больше и больше уверяясь в первоначальной мысли – Ситко решил потрепаться с женой об основах мироздания по телефону. А иначе как объяснить тот факт, что говорит только он? Его жена не немая, Фатима это знала, а значит, что-то бы она ему ответила. Что ж, видимо, он все же один. Остается только выглянуть, посмотреть, где он сидит, и нажимать на курок. И так слишком много времени потеряно.

– Тебе нечего возразить, – заключил Ситко, вздыхая, – ведь даже ангелов часто изображают с мечом в руке, а что такое оружие, если не зло? И знаешь, что? Зла в мире гораздо больше, оно правит всем, даже в самом добром существе есть злое начало, а вот в злом доброго может и не быть. Этот мир сам предполагает главенство зла, ведь чтобы жить, все должны убивать: хищники, даже травоядные должны убить растение, чтобы не умереть самим. Смерть просто часть жизни, а добро просто часть зла. Маленькая и слабая часть, и оттого более прекрас-

ная, ведь люди ценят то, что редко встречается. Например, драгоценные камни, если бы они валялись под ногами как булыжники, люди бы убивали друг друга за редкие серые камешки, дарили бы их друг другу на праздники и украшали бы ими священные предметы. Да что я тебе объясняю, ты и сама это знаешь.

Ему никто не ответил, только ветер еле слышно шелестел в свернутых парусах. А Фатима лишний раз убедилась в правильности своей догадки. Только почему он не спит, и почему ему позвонила жена? Что такого случилось, что он успокаивает ее и объясняет о необходимости злых поступков?

– И даже если оставить ангелов и всех остальных библейских персонажей, – уже спокойнее проговорил Ситко, – если взять только людей, получается то же самое. Вот, например, Нобель, ты же знаешь кто такой Нобель? Конечно знаешь, тот самый, чью премию выдают раз в год самым-самым. Все знают его именно таким, а то, что деньги он заработал, усовершенствовав динамит, знают очень немногие. Да, и не удивляйся, можешь сама порыться в книгах или в интернете. Он сделал динамит более стабильным, и тот престал взрываться от первой же встряски, теперь его стало возможным безопасно перевозить, поэтому его стали использовать везде, где можно – для взрывов гор, для ловли рыбы, для убийств, в конце концов. Понятное дело, Нобель неплохо на этом наварился, а под старость, поняв, что кровавые деньги не принесут ему ничего, кроме дурной памяти, он основал фонд, куда и вложил все свои заработанные злом миллионы. Он хотел, чтобы люди запомнили его таким, добрым и благородным. И так ведь и вышло, его деньги выдавали ученым за открытия в науке, большинство из которых, кстати, тоже не несли миру ничего доброго. Ну что, я кажусь тебе теперь чудовищем?

Снова молчание.

– А ведь мы вместе объезжаем все эти приюты и больницы, куда уходят наши деньги совершенно безвозмездно. – Мягко проговорил Ситко, – просто так уж вышло, что грязную работу по добыче этих денег должны делать мужчины, так распорядилась природа, а женщины могут раздавать их бедным и быть хорошими в глазах простых барашков, то есть людей. И никто не задумается, откуда она взяла все эти деньги на добро? И неужели ее муж такая сволочь, если позволяет жене выбрасывать то, что досталось ему трудом и кровью? А не будь твой муж таким чудовищем, могла бы ты вот так дарить людям новые больницы, бесплатные операции, горячую еду, новую одежду? Нет, будь ты бедной, ты бы не смогла выделить лишнюю монетку и бросить ее в стакан бомжа на вокзале. Вот тебе и весь расклад, без зла не бывает и добра.

Хватит, решила Фатима, пора кончать монолог. Она осторожно выглянула из-за ящика, Ситко сидела на двух поставленных друг на друга коробках. Ветер ласково трепал его ухоженные волосы. Со своего места Фатима могла видеть только один бок, и то не полностью, иначе ее могли заметить, поэтому телефона в руке она не увидела. Надо было еще проверить с другой стороны, вдруг все же там кто-то стоит и молча слушает всю эту тираду. Медленно она выглянула с другой стороны ящика – ничего, пустая палуба. Значит, это был телефон, хвала силам, о которых он так много сейчас говорил, иронично подумала Фатима. Что ж, вперед на всех парусах. Она приготовилась.

– И вот что еще я тебе скажу, – снова заговорил Евгений, жить ему осталось чуть больше 5 секунд, – это мое дело, я этим занимаюсь. И я никогда не делал из этого тайну, ты все знала, когда ответила мне «да», так что оставим эту тему раз и навсегда. Мужчина должен зарабатывать, а как он это делает никого касаться не должно. И прежде всего его жену. Поэтому...

Но договорить он не успел. Из-за ящика с криком «Эй!» вдруг вынырнула черная тень, боковым зрением Евгений увидел ее и начал поворачиваться, даже не успев подумать о том, что это может быть. Едва встав в полный рост, она наставила на него пистолет. А дальше Евгений Ситко провалился в черную бездну.

Но для Фатимы все не было так быстро. Она ждала, она сидела в засаде, и наконец ей представился случай. Убедившись, что никого нет, что ее цель и правда сидит в одиночестве с телефонной трубкой, она решилась. Ситко сидел боком к ней, значит, его надо как-то быстро развернуть, чтобы пуля попала прямо в сердце – она была убийцей, но не садисткой. Она убивала быстро, только один раз в своей жизни ей пришлось делать это медленно, но тогда были другие времена и другие обстоятельства, и о том случае она совершенно не жалела.

Собравшись, она резко встала из-за ящика, вынырнув как чертик из табакерки с криком «Эй!». Это сработало, не успев толком понять в чем дело, Евгений Ситко тут же обернулся на крик и спустя секунду уже был мертв. Но на этом ее дело не закончилось.

Встав из-за ящика, Фатима ясно и отчетливо увидела свою самую страшную ошибку – Ситко не был на палубе один, но времени обдумывать это уже не было. Прямо напротив Фатимы, прижавшись спиной к двери, ведущей в каюты, стояла его жена, невидимая из-за ящика, за которым скрывалась Фатима. Она была в пижаме, волосы растрепались, а глаза были такими огромными, что, казалось, в них может утонуть само море.

Все произошло за пару секунд, но для обеих женщин время как будто остановилось. Как только первая пуля достигла цели, Евгений Ситко упал на палубу с глухим стуком, звучно ударившись головой о борт яхты, но для него это уже не имело значения. И вот тогда его жена начала кричать.

Вцепившись себе в волосы, она вопила как морская сирена, глядя пустыми глазами на мертвого мужа. Не думая, следуя рефлексу, Фатима навела пистолет на кричащую женщину и нажала на курок. Женщина кричала, но стояла при этом совершенно неподвижно, как вопящая статуя, поэтому для нее все кончилось так же быстро, как и для ее мужа – пуля вошла точно в сердце, и красивая жена Ситко начала медленно сползать по двери, оставляя на ней кровавый след. Еще секунда, и она рухнула на пол, картинно откинув руку. Теперь на яхте стало совершенно тихо.

– Черт! Вот черт! Дерьмо! – шипела Фатима, оглядывая пустую теперь палубу.

Как же она ненавидела сюрпризы, а этот был, пожалуй, самым гадким. Ну как она могла так просчитаться, как могла не увидеть эту женщину, молча слушающую пафосный монолог своего муженька?! Хотя какой у нее был выбор? Свидетелей оставлять нельзя, а раз этот придурок притащил на яхту жену, значит, обречен и ее на смерть. И все же был способ, она могла дождаться, пока Ситко будет один, если бы знала о его жене. А могла ли? Времени итак было мало, а по плану Ситко должен был мирно спать в своей каюте, но спал-то он там не один. Да, у нее просто не было другого выхода. И не в том дело, что ей было жаль эту невинную жертву, нет, просто она потеряла контроль, а это уже серьезный повод задуматься. Сегодня она проворонила безоружную женщину, а завтра не заметит засаду? И не зря интуиция кричала весь день, все и правда пошло не так, и дай Бог, или кто там в ответе за ее судьбу, чтобы на этом неожиданности закончились.

– И зачем ты поехала с ним? Чего тебе не сиделось на берегу? – спросила она у мертвой женщины, подойдя к ней. – С такими, как твой муженек, нельзя быть все время рядом. Как же ты этого не знала?

Фатима присела на корточки рядом с мертвой женой Ситко и пощупала пульс. Его не было, женщина была мертва. Прюделав то же самое с ее мужем, Фатима снова вернулась к трупу возле двери. Евгений ее несколько не интересовал, а вот смерть его жены как-то мучительно ворочалась у нее в сердце, хотя она прекрасно понимала, что другого выхода просто быть не могло, разве что она бы осталась на берегу.

– Прости, – тихо проговорила Фатима, откинув с лица женщины прядь золотистых волос. – Покойся с ми...

Но договорить ей помешала ослепительная вспышка внезапного осознания. У НИХ ВЕДЬ БЫЛ РЕБЕНОК, молнией ворвалось в мозг мысль, О ГОСПОДИ, ГДЕ ОН СЕЙЧАС,

Я ЖЕ СДЕЛАЛА ЕГО СИРОТОЙ. И снова страшная мысль ледяной змеей проползла по нервам: ГДЕ ОН СЕЙЧАС?

И тут как будто в ответ на ее вопросы из каюты внизу раздался громкий детский плач.

6

Отчаяние захлестнуло Фатиму такой мощной волной, какую она испытывала на себе только раз в жизни. Мир как будто снова рухнул вокруг нее. Только на этот раз на руинах их было двое. Она осела на палубу, как оглушенная, и просто уставилась в пустоту, наполненную отчаянными криками младенца. Младенца, зовущего мать, которая уже никогда не придет. Я проклята, пришла мысль, проклята страшно, проклята бесконечно возвращаться к тому, отчего бегу. Ребенок все кричал, а Фатима просто сидела, растерянно переводя взгляд с одного мертвого тела на другое. Пистолет выпал из ее руки, и напади кто-то на нее сейчас, она бы этого даже не заметила, такой глубокий у нее был шок.

Она не знала, сколько времени просидела вот так, покачиваясь на волнах и слушая плач ребенка, ей вдруг сильнее всего на свете захотелось спать. Просто свернуться калачиком на этой деревянной палубе и уснуть, а когда она проснется, ничего этого уже не будет, она окажется в своем снятом на неделю домике у самого моря. И ничего, что спать ей придется рядом с двумя мертвецами и орущим младенцем, это ведь не настоящее, это просто плохой сон. А когда она откроет глаза в своей спальне, она уже будет точно знать, что ни на какую яхту она не пойдет, нет, она откажется от этого дела. И плевать она хотела на все.

Медленно как во сне, она улеглась на деревянную палубу, подтянув ноги к подбородку и опустив голову прямо на доски. Она бы так и уснула, но когда ее голова оказалась в горизонтальном положении, ее глаза встретились с мертвым взглядом жены Ситко. Ее голубые глаза смотрели из-под спутанных светлых прядей прямо на Фатиму, а ребенок все кричал. *Позаботься о нем*, говорили эти глаза, на первый взгляд совершенно стеклянные, *он плачет, а я уже не могу к нему подойти. Ты сделала это, ответственность теперь на тебе, так иди и позаботься о моем сыне, как позаботилась бы я, если бы не пуля в сердце.*

Это подействовало отрезвляюще, как ушат ледяной воды. Фатима села, прямо и резко, как будто кто-то невидимый поднял ее, пелена спала с глаз, и она впервые осознала, что на самом деле произошло на этой яхте. Она поняла, что теперь у нее просто нет другого выбора, она должна спуститься и ... что делать дальше она еще не знала, одно ей стало ясно: из ступора надо выходить. Бросив уже осмысленный взгляд на распростертое тело женщины, она кивнула, как бы говоря себе и ей, что сделает это, а потом резко встала и пошла к двери в каюты. Ребенок за дверью все кричал и кричал, уже не просто громко, а с хрипотцой. Не привык, что его так долго игнорируют, подумала Фатима, берясь за ручку двери и осторожно открывая ее, как будто там ждал отряд вооруженных людей, а не маленький ребенок. Хотя, будь выбор, она предпочла бы первое – с ними она хоть знала, что делать, знала, что ее ждет, а с ребенком...

За дверью оказалась крутая лестница, ведущая в маленький узкий коридорчик с двумя дверями, плач слышался громче. Обе двери не были закрыты, только прикрыты слегка, поэтому она еще не видела маленького монстра, зато слышала очень хорошо. По крайней мере не придется искать, подумала Фатима, подходя к левой двери. У входа она замерла, никак не решаясь войти, но решительно стряхнула с себя неуверенность, не время сейчас медлить, скоро рассвет, а у нее возникли непредвиденные проблемы. Вот о чем меня предупреждал внутренний голос, с тоской и злостью на себя подумала она, и вот до чего дошло. Таких сюрпризов она не видела даже в кошмарах.

Подойдя к двери вплотную, она легонько толкнула ее, до сих пор не зная, что собирается делать. Для начала попробую пробраться через этот бардак, решила она, поразившись царившему в каюте беспорядку. Большая двуспальная кровать была разворочена, простыни скомканы и смяты, одеяла вообще валялись на полу, как трупы каких-то доисторических существ, повсюду были разбросаны вещи: кофточки жены Ситко, его майки и шорты, нижнее белье; на

полу, сметенные кем-то в приступе ярости, валялись баночки и пузырьки с туалетного столика, стоящего напротив кровати; одно из двух кресел было перевернуто, второе стояло посреди комнаты в совершенно неестественном положении. Картину усугублял непрекращающийся плач малыша, затерявшегося среди этого разгрома. Где же ты, задалась вопросом Фатима, оглядывая каюту, ты точно здесь, но где? Она еще раз внимательно осмотрела помещение, а потом переступила через порог и валявшееся кресло и оказалась в каюте.

Ребенка она увидела сразу, он лежал на кровати, прямо на одной из больших подушек, положенной прямо на матрас возле изголовья, просто, стоя за дверью, она не могла увидеть его. Совершенно крохотный малыш в нежно-голубой пижамке отчаянно кричал, размахивая ручками и ножками, личико сморщилось и покраснело.

– Господи, – вырвалось у Фатимы, и она поспешила к ребенку.

Он был такой маленький, что спокойно помещался на подушке как на собственном матрасе. Она склонилась над ним, чувствуя себя неумелым и глупым гигантом, она не знала, что надо делать, не знала, как его надо брать, в конце концов, она боялась ненароком повредить ему что-то, ведь он был таким слишком маленьким и хрупким, а она никогда за всю жизнь не держала на руках ребенка.

– Ну что мне делать с тобой? – прошептала она, осторожно протягивая руку к крошечной ручке, дергающейся от всхлипов. – Я же совсем не знаю, что надо делать.

Но делать что-то было надо, и она нашла выход – села на кровать и осторожно, как бомбу, переместила младенца на колени прямо с подушкой. Что дальше, она и сама не знала, бросить его или... или что? Убить? Нет, она не сможет, это она поняла абсолютно твердо и ясно, что бы она ни решила, она не тронет этого малыша. Просто не сможет.

– Будь ты проклят, Ситко, за то, что притащил их сюда, – прошептала она полным отчаяния голосом, – нельзя было вмешивать семью, нельзя!

Ребенок все плакал, но уже не так громко, он понял, что кто-то пришел, что он больше не один, и начал потихоньку успокаиваться. Это подействовало успокаивающе и на Фатиму, паника прошла. И она начала вспоминать все, что когда-либо видела или слышала о детях. Так, прежде всего надо поддерживать головку, вспомнила она, и еще их надо укачивать, да! Когда они плачут, их надо покачать и убаюкать. И она стала осторожно качать ребенка на подушке, шепча ему всякую ерунду – колыбельных она не знала.

– Успокойся, маленький, – шептала она, глядя на кроху с удивлением и осторожностью, – оставили тебя в таком бардаке, ну что это за родители? А что ты вообще тут делаешь, а? Разве у тебя нет кроватки? Есть, конечно, есть! Просто они, должно быть, тут страстно ссорились, разбудили тебя и принесли сюда, а потом, когда ты умолк, снова продолжили, но уже потише и на палубе. Так все было, да? Не дают тебе спать всю ночь, да, маленький? Только ты угомонился, как я тебя снова разбудила. И...

Она осеклась. Она сделала с ним кое-что пострашнее, чем просто разбудила, она сделала его сиротой. Как будто уловив ее мысли, малыш затих и теперь смотрел на нее совершенно спокойными серьезными глазками. Небесно-голубыми, как у родителей.

– Прости меня, – прошептала она, глядя прямо в эти крохотные голубые океанчики, – прости за все, что сделала и сделаю. Ты ни в чем не виноват, но судьба распорядилась так...

Договорить она не смогла, одинокая слеза, скатившись по щеке совершенно незамеченной, упала малышу на щечку и покатила дальше, растаяв на подушке. Наверное, ему стало щекотно, потому что в ответ на извинения Фатимы малыш растянул рот в беззубой улыбке и захохотал, весело улыбаясь ей, как будто знал ее всю свою короткую жизнь. И вот тогда она окончательно поняла, что не только не сможет его убить, но и не оставит его. По крайней мере одного на этой яхте мертвецов.

Малыша надо вывезти с яхты, это было понятно, но как? Не может же он плыть вместе с ней, держась за буксир, а на лодке далеко не уплывешь, везя такого пассажира, да и лодки-то нет... хотя... Идея осенила ее внезапно и ярко, как будто тысяча прожекторов включилась в голове. Лодка, малыш и буксир сложились в неожиданно отличный план, правда вместо лодки она использует спасательную шлюпку, на любом судне они есть.

– Я вывезу тебя, маленький, – прошептала она, продолжая укачивать малыша. Он успокоился, почувствовав надежные руки взрослого, и теперь опять засыпал, тихонько посапывая и подергивая ручками. – Здесь я тебя не брошу.

А где брошу, тут же закрался вопрос, но она не разрешила себе отвечать на него, даже думать запретила, все, о чем она сейчас должна думать, так это о поиске надувной шлюпки и быстром уходе с яхты. Медленно и осторожно, чтобы не разбудить только что уснувшего малыша, она положила его на кровать вместе с подушкой и встала. Ребенок не проснулся, похоже, он снова уснул глубоко и сладко, как все дети, совершенно не подозревая, что только что лишился своей прежней жизни. Кем бы он ни был, но наследником империи его деда ему уже не быть. Другое имя, другие родители, другая жизнь, другое будущее, а пока он никто, пока он официально умер вместе с родителями. Пока он был в пограничье.

– А я там застряла. – Прошептала Фатима, задумчиво глядя на младенца далеким взглядом, – умерла и не воскресла. И кто я теперь? Мертвец, такой же, как и ты.

Не время для подобных мыслей, одернула она сама себя, не то станешь настоящим мертвецом. Ребенок спал, а она должна была быстро заняться поиском всего необходимого. Решительно отвернувшись от спящего малыша – почему-то сделать это было очень трудно – Фатима вышла из каюты и вошла в противоположную дверь. Там царил полный порядок, никакого разгрома, никаких разбросанных вещей. Вторая каюта использовалась как гостиная и столовая, эта комната соединялась с маленькой кухней. Здесь было уютно – на полу коричневый ковровое покрытие приятного теплого цвета, кремовые стены, до половины обитые светлым деревом, мягкая мебель. Возле стены прямо напротив дивана стояла детская кроватка, не переносная, а настоящая, возле нее Фатима увидела большую голубую сумку – там, видимо, хранились детские вещи. Это хорошо, но должна же быть у него переносная кроватка, ведь не на руках же они заносили его на борт. Не закрывая дверь, чтобы слышать, если малыш проснется, Фатима начала поиски необходимых вещей. Она заглянула в кроватку, на секунду испугавшись, что там может быть еще один ребенок, и прекрасно понимая, что это бред. Никого, кроме мягкого медвежонка, там, конечно же, не было, зато были еще мягкие ворсистые одеяла, это ей пригодится. Поскольку она уже стояла возле кроватки и сумки, Фатима решила сразу же в ней порыться, а уж потом искать эту чертову переносную кроватку, или как это там называется. Малышу нужны вещи, нужна еда, хотя бы на первое время, так что сумка может оказаться очень полезной.

Расстегивать молнию на детской сумке оказалось крайне неудобно в перчатках, но снять их она не посмела, что бы ни произошло, она еще на работе, а это крайне непрофессионально. После нескольких нервных секунд она справилась с замком и, открыв сумку, принялась быстро и аккуратно перебирать вещи – никто не должен заметить, что часть вещей пропала и что здесь вообще кто-то копался, это ведь полностью идет вразрез с ее легендой, которую она теперь воплощала в жизнь. Стопки крошечной одежды, соски, пара запасных бутылочек, упаковка подгузников – Боже, им же еще надо менять подгузники, с отвращением подумала Фатима – жестяная баночка с растворимым детским питанием, градусник для измерения температуры воды, какие-то бутылочки, наверное, с шампунями или чем-то подобным, детские крема и лосьоны и еще куча всего. А где же ванночка, задалась совершенно бесполезным вопросом Фатима, и тут вспомнила почти незаметную дверь в родительской каюте – там наверняка были ванна и туалет, там же они, наверное, поставили и детскую ванночку. Но это к делу не относи-

лось, а вот что относилось так это огромный выбор детских принадлежностей, из которого ей, совершенно не имеющей опыта в этом деле, надо что-то выбрать.

После секундного размышления она вытащила из сумки вязанную шапочку и теплый комбинезончик, чтобы малыш не замерз во время морской прогулки, при этом она не забыла тщательно осмотреть одежду – вдруг где-то были вышиты инициалы или что-то, что можно опознать. Она готовилась отдать малыша, еще даже не решив кому и когда, чисто рефлекторно она старалась предусмотреть все и замести следы. На одежде ничего не было, обычная детская одежда, тогда она снова погрузилась в сборы. Все, что было парного, она решила распаровать: взяла одну игрушку, одну соску, банка детского питания была всего одна, да и зачем ее брать, она не собиралась возиться с ним так долго, там, куда она его пристроит, его накормят, а она все равно не умеет это делать. Подгузники она тоже брать не стала, а вот одно мягкое одеяло взяла. Добавлю еще одно с кровати, и никто не заметит, что что-то не так, подумала она. Все это она сложила в кроватке, теперь оставалось только найти то, в чем она будет перевозить ребенка.

Под кроваткой ничего не было, за креслами и диваном тоже. Чертыхнувшись, Фатима чуть ли не бегом направилась в мини-кухню, время ночи уже было на исходе. Плита и баллон с газом составляли все оборудование, еще был маленький холодильник, заглянув в который, Фатима обнаружила бутылочки с молочной смесью. Не известно зачем, она прихватила одну, теперь-то она не перечила интуиции. Вместо стола в кухне была стойка и два высоких стула, и вот под этой стойкой она вдруг заметила то, что искала. Странная вещь, думала она, неся в комнату что-то похожее на большую пластиковую корзину с толстой ручкой. Внутри все было обито мягким материалом голубых оттенков, снаружи имелось крепление для бутылочки, очень кстати, как отметила Фатима, тут же воткнув в него найденную в холодильнике бутылочку со смесью. Теперь надо это гнездышко обустроить, найти шлюпку и – в путь.

– Это самая адская ночь за последние 8 с половиной лет, – объявила она пустой комнате и принялась складывать вещи в переносную кроватку.

Малыш по-прежнему сладко спал, когда она вошла в комнату с его будущим маленьким домом. Она решила собрать все сейчас, чтобы потом сразу погрузить ребенка на шлюпку и уплывать, пока рассвет не сделал это невозможным. С обустройством кроватки проблем не было, все же в детстве она хоть и редко, но играла в куклы, да и с бездомными котятками нянчилась, так что она быстро и уютно застелила постельку мягким одеялом, взятым из кроватки в каюте. Бутылочка уже была прикреплена, оставалось только переодеть малыша, завернуть во второе одеяло и положить ему туда соску и игрушку. Но это потом, зачем будить ребенка, когда шлюпка еще не готова и даже не найдена. А с другой стороны, подумала она, легче разбудить и успокоить его сейчас, вдруг потом он не уснет из-за того, что она будет переносить его кроватку, а с орущим младенцем она далеко не уплывет. Да, решено, она устроит его сейчас, а потом тихонько заберет с собой.

– Прости, маленький, – пробормотала она, осторожно беря ребенка на руки, – придется разбудить тебя еще раз. Надеюсь, последний.

Малыш проснулся и снова захныкал, но пока не голосил так, как тогда. Совершенно не представляя, как это делается, Фатима расстегнула комбинезончик и начала попытки надеть его на капризничавшего ребенка. Малышу все это очень не понравилось, ночь выдалась адской не только для остальных, но и для него, сначала он просто барахтался, дергал ручками и ножками и вяло хныкал, но потом ему окончательно надоели неумелые движения Фатимы, и он начал орать так же громко и недовольно, как и в первый раз.

– Да надевайся ты! Чертова штуковина! – Фатима и сама была на грани, – между прочим, я тоже могу орать, – сообщила она ребенку, – и тебе это точно не понравится, так что заткнись хоть на секунду и дай мне тебя одеть.

Не подействовало, малыш орал благим матом, вырываясь и высвобождая ручки, едва она успевала засунуть их в рукава.

– Слушай, – зловеще прошептала она, не оставляя попыток натянуть на него комбинезончик, – я тебя не тронула, но могу и передумать. Ты сам все для этого делаешь, понял?

Криком и выкручиваниями малыш сообщил, что не понял.

– Ладно, – ситуация и злила, и забавляла ее. Я препираюсь с младенцем, промелькнула в голове мысль, и Фатима поняла, что сейчас будет смеяться и плакать одновременно. И, что самое интересное, этот орущий комочек будет первым, кто довел ее до такого состояния. – Ладно, хочешь пойти на принцип? Я тоже пойду. Ты у меня оденешься! Еще как оденешься!

И уже не обращая внимания на его крики и попытки высвободиться из одежды, она быстро и решительно надела на него комбинезон, причем у нее даже получилось лучше, чем раньше, как будто злость открыла какой-то потаенный клапан, и она вдруг обрела умение одевать маленьких детей. Застегнув комбинезон так, чтобы он не спадал, но не до конца – она понимала, что так ему будет жарко, а потом, когда они поплывут, он может замерзнуть и заболеть, почему-то ее это беспокоило – она положила все еще орущего малыша на развернутое второе одеяло и завернула, как могла, оставляя голову и грудь пока открытыми – ей ведь еще надо было надеть на него шапочку и хорошенько застегнуть комбинезон. Теперь можно и успокаивать, подумала она, отметив тут же, что теперь, наверное, на это уйдет куча времени.

Она снова села на кровать и взяла его на руки, осторожно, как бомбу, готовую взорваться в любой момент. Надо поддерживать голову, или он уже достаточно большой? Она не знала, поэтому на всякий случай решила поддерживать. Ощущение было таким странным, что по ее телу даже пробежали мурашки, одно дело держать его на подушке, и совсем другое ощущать его вес, его маленькое тельце прямо у себя на руках.

– Ну вот, мы справились отлично, – успокаивающе проговорила она, укачивая ребенка, – и ты и я, мы оба были молодцами. Ты, правда, орал и выкручивался, как зверек в сети, но, надо отдать мне должное, я свое сделала.

Второй раз у нее получилось уже немного увереннее, хотя она понимала, что до материнских укачиваний ей далеко. Но, по крайней мере, она уже не пребывала в таком ужасе от того, что у нее на руках настоящий ребенок.

– И чего ты только орал, – удивленно сказала она, глядя на маленького человечка на своих руках, – разве так плохо быть одетым? Тепло и уютно, спорю, что не пройдет и пяти минут, как ты опять всюю засопишь, так что зря ты выпендривался.

Малыш перестал плакать и теперь смотрел на нее своими чистыми глубокими глазами. Они казались большими и грустными, хотя она понимала, что это просто игры ее воображения.

– Да ты у нас глазастик, – ласково прошептала она, продолжая укачивать кроху, – такие красивые глаза, такие невероятно голубые и большие. Твои глаза мне кое-кого напомнили.

Она замолчала, удивленная тем, что в такую ночь, в такой момент она вдруг подумала о Яне. И с чего это она вдруг беседует с малышом, который даже ходить еще не может? Может, просто ей не с кем поговорить, вот и выплескивается все на единственное человеческое существо, находящееся с ней рядом и не представляющее угрозы? И ведь так приятно просто говорить, просто озвучивать свои мысли, пусть даже собеседник не ответит и не выскажет свои. Такая простая и естественная потребность человека в общении стала для нее запретным плодом, и это ее жизнь.

– Да, малыш, – она вдруг осознала, что не знает его имени, – у мертвецов нет имен и нет друзей, нет любви, нет дома. У них вообще нет жизни, хотя при этом они, вроде, и живут. Здесь, в пограничье, есть только тени, такие же, как и ты, они вроде есть, а вроде и нет. Ты любишь, но не любим и никогда не прикоснешься к тому, кого любишь. У тебя есть друг, но ты даже не видишь его лица, вы никогда не встретитесь и не пойдете гулять, не подарите друг

другу подарки на Новый Год. У тебя есть жизнь, но ты не живешь, потому что тебя, вроде как, и нет на самом деле. Ты тень в мире теней. Ты плод собственного воображения.

Она вздохнула. Малыш уснул, но вряд ли ему будут сниться радостные сны от такой колыбельной, подумала Фатима, да и как ему видеть радугу во сне, когда его маленький мир сегодня рухнул. И горько было осознавать, что она виновата в этом ничуть не меньше, чем отец мальчика, притащивший вдруг всю семью на борт. Но у нее есть шанс если не полностью искупить, то хотя бы незначительно загладить вину – вывезти ребенка с яхты и подкинуть в какой-нибудь дом, а там уж путь судьба решает.

Она осторожно переложила несчастного малыша в переносную кроватку, которая на ближайшие неизвестно сколько часов станет его домом, он не проснулся, только дернулся и тихонько захрапел во сне. Фатима встала, попробовала поднять кроватку с малышом, ноша оказалась не такой уж тяжелой, да и ребенок спит, как ни в чем не бывало, похоже, проблем с транспортировкой не возникнет, это уже хорошо. Она поставила кроватку на середину кровати, где раньше спали его родители, чтобы малыш точно не упал, а потом, последний раз взглянув на спящего кроху, вышла из каюты. Пора искать шлюпку и уплывать с этого корабля призраков, и у нее имелась идея, где она может быть.

По лестнице Фатима взлетела как ветер и, едва оказавшись на палубе, подняла голову и посмотрела на небо, к счастью, оно еще было темным, но на востоке навстречу уже начинает светлеть первая узенькая полоска, скрытая за горами. На второй яхте все так же горели огни, вдалеке светился берег, ничего не изменилось за исключением того, что все у нее пошло кувырком, и теперь на ней висит крошечный сын убитого ею человека и его ни в чем не повинной жены.

– Сама виновата, – пробурчала она, вдыхая такой свежий после душных кают воздух, – меня предупреждали, но я не хотела слушать. Вот теперь и получаю.

Ей пришлось переступить через распростертое на палубе тело жены Ситко, и она еще раз сильно пожалела, что не повернула назад, когда была такая возможность. Она убила *мать*, мать этого малыша, а ведь и с ней когда-то поступили так же, и все воспоминания и совершенно новое для нее чувство вины нестерпимо тяжелым грузом навалились на сердце. Лучше бы я повернула и отказалась, потеряв очки, думала она, быстро идя по палубе к капитанскому помещению, лучше бы тут была засада, и мне пришлось туго, лучше всё что угодно, но не это терзающее тяжелое чувство. И самое ужасное – Фатима не знала, пройдет ли оно и до какой силы разрастется. В каком-то плане это и была засада, и она была намного более опасной и смертоносной, чем все те, которые могли устроить ей люди в погонах. Эту засаду ей устроила сама Судьба.

Небольшое капитанское помещение находилось возле кормы и представляло собой комнату с огромными окнами и множеством приборов, посреди комнатки торчал штурвал, огромный и сверкающий лаком в свете фонариков на мачтах. Если бы не все эти приборы и трещащая рация, подумала Фатима, здорово напоминало бы пиратский корабль из сказок. То, что она искала, висело на стенах этой комнатки – аккуратно сложенные квадратики красного цвета с белыми шнурами. Она сняла один с гвоздя, вытащила из прозрачного пакета и вынесла на палубу. Она решила убедиться в исправности шлюпки здесь, недалеко от капитанской, ведь в случае чего она может тут же взять другую.

Несколько секунд она вертела плотный прорезиненный материал в руках, а потом, разобравшись, дернула за один из белых шнуров. Что-то шелкнуло, и лодка стала надуваться, под ногами у себя она увидела нарисованную инструкцию на выброшенном пакете. Вот так всегда. Сначала думай, потом делай, строго сказала она себе, если бы делала так, не оказалась бы сейчас в таком дерьмовом положении.

Шлюпка надулась полностью буквально за пару секунд и приобрела круглую форму надувного бассейна для детей с белыми шнурами по бортам, для того, чтобы держаться при

качке, догадалась Фатима, ни разу в жизни не имевшая дел с такими вещами. Она подняла шлюпку, повертела, надавила на нее и внимательно прислушалась. Все было в полном порядке, однако она теперь отвечала не только за себя, поэтому все же вернулась и взяла со стены второй красный квадратик – мало ли что, а так у нее будет запасной вариант.

Обойдя капитанскую с другой стороны, она вышла на палубу, где ее ждали все те же два трупа. Интересно, где сейчас охранник, задалась вопросом Фатима, неизвестность действовала на нервы, она давно должна была убраться отсюда и быть на берегу. Хотя, если на то пошло, она вообще не должна была сегодня приходить сюда, так что поздно сверяться с графиком. Она оставила надутую шлюпку возле борта, где был открывающийся проем для мостика, когда яхта причаливала, что-то вроде дверцы, отсюда же спускалась длинная металлическая лесенка, если вдруг в открытом море хозяевам захочется поплавать. По этой лесенке она и собиралась спуститься, приставив ее к борту, сейчас она валялась возле капитанской, совершенно забытая и ненужная. Оставалось только взять свой буксир, поднять ребенка и наконец-то покинуть яхту.

По трем ступенькам, ведущим на заднюю часть яхты, она не поднялась, а буквально взлетела, с каждой секундой рассвет приближался, а она все еще была здесь, вместо того, чтобы выбираться из города ночным рейсом или, на крайний случай, утренним. Похоже, мне придется задержаться на день, подумала она, ныряя под диван, где оставила буксир, но не больше, за один день я должна пристроить маленького крикуна.

Возвращаясь, она заметила маленькое пятнышко крови там, где охранник упал за борт, и снова ощутила беспокойство, мертвый охранник был единственным, кто на данный момент покинул печальный борт «Калипсо». Она пробежала мимо ящиков, за которыми сидела, готовясь убить Ситко, и опять ужаснулась неожиданному повороту событий, кто же знал, что на яхте будут еще жена и ребенок?! И она, конечно же, не могла увидеть из этой точки мать малыша, безмолвно прислонившуюся к двери. Судьба, опять она сказала свое слово.

Буксир она положила возле надутой шлюпки, теперь оставалось только принести малыша, спустить шлюпку на воду и плыть. Но и тут возник вопрос: у нее всего две руки, одной из которых она должна держаться за лестницу, она ведь не человек-паук, значит, в другой она сможет нести только что-то одно, либо шлюпку, либо малыша. А если спустить шлюпку сначала, а потом вернуться за малышом, волны могут отнести ее от яхты, а плыть с корзиной она не может. Значит, надо чем-то привязать этот чертов надувной бассейн, надо еще найти чем, а это опять время.

– Черт! – Зло выкрикнула Фатима, ударив кулаком по раскрытой ладони, – Гребаное дерьмо! Дерьмо!

Она вернулась в каюту, малыш сладко спал в своей переносной кровати посреди хаоса раскиданных вещей. Вот тут-то она вполне может найти что-то, чтобы не дать шлюпке уплыть без пассажира, подойдет что-то типа пояса или ремня, лодка ведь легче перышка, и ждать будет всего-то пару секунд, пока Фатима поднимется за ребенком и спустится с ним. Чертыхаясь, она принялась носиться по комнате как ураган, раскидывая вещи и приводя каюту в еще более разгромленный вид. Наконец среди пижам и полотенец она нашла кожаный ремень Евгения с серебристой бляхой, на которой были выбиты его инициалы. Круто, подумала она, поднимая ремень из кучи тряпья, и как пафосно, все в лучших традициях. Ремень подходил как нельзя лучше – его удобно было застегивать, так что не надо было тратить время на связывание и развязывание узлов, а держал он прочно. Перебросив его через плечо, Фатима подошла к ребенку, теперь оставалось только собрать его. Осторожно, стараясь не разбудить, она надела на него шапочку, надвинув ее пониже, застегнула комбинезончик полностью, а потом закутала его в одеяло, в которое он уже был до половины завернут. Теперь, как ей показалось, он не замерзнет, толстое пушистое одеяло накрыло его, скрыв даже личико, оставались только отверстия

для воздуха. Малыш даже не проснулся, только сладко зачмокал во сне, не представляя, что ждет его впереди.

– Ну, кажется, все, – сообщила она пустой каюте, – пора в путь.

И у нее, и у малыша действительно начинался новый жизненный путь, и оба даже не подозревали об этом.

8

Она с некоторой опаской вытаскивала ребенка на свежий ночной воздух, но ее опасения не подтвердились, она и правда хорошо его закутала, так что прохладный воздух не разбудил его. Хорошо, что он еще такой маленький и не видит этого, подумала она, пронося корзину с малышом мимо его мертвых родителей, он даже не будет знать, что когда-то у него была совсем другая семья, и могла быть совсем другая жизнь. Может, это и к лучшему.

Она осторожно поставила корзинку на палубу и начала готовить шлюпку – сняла ремень и продела его в промежуток между канатом и бортиком шлюпки. Потом принесла лесенку, открыла «дверцу» в борте и приставила ее, подергав для надежности, но лесенка прочно крепилась своими металлическими дужками к железному порожку. Зажав в одной руке висящую на ремне шлюпку, Фатима начала спускаться к воде, по мере приближения к ней, чувствуя знакомую тягу, море опять почуяло добычу и старалось утянуть в свои черные глубины. На последней ступеньке она остановилась, присела, держась за перекладину согнутой в локте рукой и застегнула ремень, обмотав его вокруг последней ступеньки. До воды было всего полметра, шлюпка с легким плеском опустилась на волны, которые тут же попытались унести ее подальше, но ремень натянулся, как поводок, сдерживающий слишком резвую собачку, и шлюпка осталась на месте. Хорошо, что ремень такой короткий, отметила Фатима, шлюпка теперь стояла точно под последней ступенькой, не двигаясь никуда. Наклонившись, Фатима протянула руку и потрогала дно, оно было мягким, но достаточно плотным, чтобы поставить на него переносную кровать. Перед тем как подняться, она бросила в шлюпку запасную, аккуратный красный квадратик шлепнулся точно в центр, теперь наверх, за главным грузом. Оказавшись снова на палубе, она в последний раз посмотрела на настоящих родителей малыша, которых убила, вздохнула, опустила глаза.

– Прощайте, – едва слышно прошептала она, – я позабочусь о вашем сыне.

Договорив, она отвернулась, быстро накинула на плечи ляжку от буксира и, подхватив кровать, начала осторожно спускаться по лесенке, больше не взглянув на трупы. Перед ее лицом борт «Калипсо» уходил вверх, навсегда оставляя семью Ситко в прошлом. Море тянуло корзинку вниз, казалось, сильнее, чем прежде, наверное, чувствовало, что то, что несет в руках Фатима, гораздо ценнее любых сокровищ и богатств. Странно, но и сама Фатима чувствовала то же самое, она крепко сжимала пластиковую ручку и все время внимательно смотрела на голубое одеяльце, скрывавшее малыша. Нет, не дожدهшься, отвечала она мысленно воде, тянущей кровать у нее из рук, это сокровище не для тебя и тебе не достанется... По крайней мере в эту ночь.

Спустившись на последнюю перекладину, она медленно и осторожно присела, на долю секунды держась только ногами, а потом схватилась за предпоследнюю ступеньку и аккуратно поставила кровать точно в центр надувного плота. Кровать прочно стала на сложенную запасную шлюпку и теперь плавно покачивалась на волнах вместе с надувным плотом. Ну вот и все. Фатима задержалась на лесенке ровно на столько, чтобы надеть очки и поплотнее натянуть шапочку, потом отцепила ремень и плавно погрузилась в воду. Ремень она положила в шлюпку, здесь его выбрасывать было нельзя. Схватившись рукой за белый канатик, идущий по бокам шлюпки, она поплыла, таща ее за собой. Плыть с таким грузом получалось медленно, но все же она двигалась, а как только они обогнут яхту и отплывут от нее подальше, она сможет включить свой буксир. Время шло, поэтому Фатима гребла изо всех сил, стараясь как можно быстрее оставить злосчастную яхту позади, вот они медленно обогнули «Калипсо», и перед ней

замаячил открытый выход из бухты. Это придало сил, ощущение того, что она все же успешно выполнила это самое сумасшедшее дело в своей карьере, радостной волной захлестнуло ее, выбрасывая в кровь новую порцию адреналина.

– Мы плывем, маленький! – Прошептала она, энергично работая руками и ногами и таща шлюпку за собой, – и скоро будем уже далеко.

Трудность заключалась еще и в том, что яхту надо было не просто обогнуть, но сделать это так, чтобы не плыть в кружке света, отбрасываемом фонарем на мачте, спят на соседней яхте или нет, но рисковать нельзя, тем более, когда она покидает борт не в одиночку. Поэтому ей пришлось сделать петлю и плыть какое-то расстояние от яхты вдоль берега и только потом повернуть к выходу из бухты. Впрочем, как только они отплыли от яхты и растворились в темноте, Фатима остановилась, держась за шлюпку, она сняла с плеча свой буксир, обмотала ремешок вокруг руки, а потом нажала на большую желтую кнопку, держась за ручку на верхней части корпуса одной рукой, и второй за канатики шлюпки. Мотор тут же ожил и, радостно заурчав, потащил ее вперед.

Несмотря на соленые брызги, она не могла не улыбнуться, судьба совсем непредсказуема, но она справилась, она выполнила свою работу и теперь уходит, а в такие минуты она всегда испытывала радость и душевный подъем. И пусть сегодня все не так, и она впервые уходит не одна, а прихватив с собой того, кого не должна была оставлять в живых, это радовало ее еще больше. Отплеываясь, она повернула голову и посмотрела на ребенка, насколько позволяла разглядеть темнота, с малышом все было нормально. Кровать стояла на том же месте, одеяло не торчало, значит, оно не развернулось, и малыш спит, даже не подозревая, в каком приключении участвует. Уникальный малыш, подумала Фатима, отворачиваясь и держа курс на выход из бухты, должен был умереть, но жив, должен был быть богатым, и потерял все, а теперь вот плывет на надувном плоту под утро в компании известного киллера, не жизнь, а приключенческий роман! И как он будет жить дальше? Даже жаль, что он никогда не узнает, какие приключения пережил и кем был.

До выхода в море было всего 10 метров, 10 метров, и это дело навсегда останется в прошлом, как и жизнь этого малыша. С одной стороны воротами служили естественные скалы, выступающие в море, с другой – достроенная человеком стена, замаскированная под природную породу. Два прожектора освещали широкий проход между двумя скалами, но никакого сторожевого поста не было, да и зачем, это ведь не океан, где плавают суда разбойников и всякого другого сброда, это всего лишь Черное море, да и охраняют эти прожектора не военную базу, а обычный яхт-парк. И все же Фатима напряглась, проплывая в ослепительном потоке света, ей казалось, что этот коридор растянулся на сотни метров, хотя спустя 30 секунд свет остался позади, как и яхт-парк. Они вышли в открытое море.

Здесь качало сильнее, а вода была прохладнее, да и ветер совсем не понравился Фатиме, она-то не мерзла, но почему-то переживала за малыша. Такая заботливость удивляла ее и пугала, и она решила как можно скорее отделаться от этого маленького довеска, пока... Пока что? Она и сама не знала, но не хотела держать ребенка слишком долго рядом с собой.

Мотор буксира исправно урчал и тащил ее вперед, волны плескались о борта надувной шлюпки, Фатима подняла голову к небу, уже должен быть рассвет, она потеряла слишком много времени на все эти непредвиденные обстоятельства, но небо было все еще темным, хотя за горами уже светлеет, в этом она не сомневалась. Они продолжали двигаться прямо, надо было отплыть от парка подальше, сейчас поворачивать к берегу все равно не имело смысла – слишком близко, да и скалы все равно не дадут выйти на сушу. Лишь бы хватило энергии в буксире, молилась про себя Фатима, она-то не утонет, но скоро рассвет, а красная шлюпка очень заметна, тем более, учитывая шумиху, которая вот-вот поднимется. Хорошо хоть малыш пока спит и не доставляет хлопот, но она подозревала, что с первыми лучами солнца он откроет

глаза, и вот тогда проблем не оберешься. Надо выбраться на берег и сбегать мелкого до рассвета, подумала она, в глубине души прекрасно понимая, что никак не успеет.

Она снова оглянулась, на этот раз не только проверить ребенка, ей было интересно, насколько они уже отплыли от яхт-парка и как выглядит он с такого расстояния. Оказалось, они проделали уже приличное расстояние – вместо парка она увидела лишь две светящиеся яркие точки – прожектора у входа в бухту, и больше ничего, только темные скалы вдоль берега. Что ж, очень неплохо, отметила она, теперь можно и повернуть, плыть вдоль берега было сейчас гораздо разумнее. Черная гряда скал тянулась, казалось, на бесконечное расстояние, никаких фонарей или построек на них не было, только темный камень и редкие черные силуэты деревьев. Здесь на берег не выбраться, да и к парку они все еще близко, нет, надо плыть дальше. Она точно знала, что скоро скалы закончатся, и прямо за ними будет детский лагерь с прекрасным пляжем, а за ним – ничего, выезд из города, пустая плоская берега, постепенно снова переходящего в отвесные черные скалы.

Раньше она собиралась доплыть до пустынных мест и там выйти на берег... раньше, еще до того, как началось это безумие, и на ее шее повис младенец. Что ж, теперь придется в срочном порядке менять план и выходить на сушу где придется, то есть, докуда хватит энергии в буксире. Неприятные мысли, но действительность еще неприятнее, мало того, что ребенка надо еще куда-то пристроить, а это опять время и хлопоты, так еще его ведь будут искать и уже совсем скоро, а девушка с ребенком на руках в такой ситуации – как сигнальный огонек. Ситуация вышла из-под контроля, и это просто сводило ее с ума.

«Удовольствия» добавляли еще и затекшие руки, Фатима слишком долго держала одной рукой шлюпку, а другой свой буксир, холодная вода и неудобная поза сделали свое дело, руки у нее затекли и начали болеть. А в довершение ко всему, подняв в очередной раз голову к небу, она увидела то, что так боялась увидеть – светло-золотистую полоску над горами. Я как вампир из фильмов, мелькнула в голове мысль, боюсь рассвета, потому что он принесет мне смерть. Отчаяние вдруг накатило на нее темной тяжелой волной, все пошло наперекосяк, все разваливается. И зачем она только полезла на эту яхту, ведь предупреждал же ее голос внутри! Выхода было два: либо бросить малыша в шлюпку и уплыть побыстрее самой, либо испытывать терпение Судьбы до конца и надеяться, что батарея в буксире не сядет, пока она не доберется до подходящего места. И, как ни странно, прежде всего для нее самой выбор был очевиден, и впервые в жизни она сделала выбор не в свою пользу. Впервые она рискнула своей жизнью не просто ради жизни совершенно постороннего человека, но ради того, кого должна была убить. Таковы были правила, и она их нарушила.

– Ну и черт с ними. – Отплеываясь от соленой воды, пробормотала она, – к черту правила. В своей игре я сама устанавливаю правила.

И словно в ответ на ее бунт, судьба сделала свой ход – моторчик булькнул и начал глохнуть. Винт стал крутиться все медленнее, а через несколько секунд остановился совсем. Теперь вместо мотора была она. Ей вдруг захотелось плакать и смеяться одновременно или врезать кому-нибудь так сильно, чтобы башка отлетела... Но единственный, кто находился в зоне досягаемости – малыш, ради которого она и попала в такую передрягу. Да и истерика сейчас была неуместна, уже рассвет, а она все еще не доплыла до берега, а ведь эти скалы только со стороны моря такие безжизненные, город продолжается, вдоль острых краев идут парки и магазины. Правда ее утешал тот факт, что в такую рань вряд ли кто-то гуляет по всем этим красивым местам, да и рассвет только-только начался, везде еще темно, а на воде особенно. Надо спешить в тысячный раз за эту адскую ночь подумала она и начал грести.

Первые движения вызвали вспышку боли в руках, как будто миллиарды тончайших иголок разом вонзились в ее плоть, она поморщилась и судорожно уцепилась за надувной борт плота, чтобы не утонуть. Но к счастью вспышка быстро прошла, оставив после себя неприятную вибрацию, но это было вполне терпимо, так даже можно плыть. Медленные взмахи руками

снова вызвали покалывание, но на этот раз иголочек стало гораздо меньше, Фатима не останавливалась, и уже через минуту все прошло. Хоть какая-то польза, подумала она, отталкиваясь ногами и одной рукой от соленой воды, второй она крепко сжимала белый канатик...

Стоп. Так ведь очень неудобно плыть, да и медленно, и какая же она балда! Выход ведь есть, он лежит прямо перед ней в шлюпке, и почему она подумала об этом только сейчас! Она ведь так и не выбросила пояс, которым пристегивала шлюпку к лесенке, и что ей мешает теперь пристегнуть шлюпку к себе и плыть, работая всеми конечностями?! Какая же я дурная, корила она себя и радовалась одновременно, что хоть сейчас об этом подумала, вот так, будет мне уроком – нельзя распускать нюни, никаких эмоций, они только мешают думать. Да, буксир приказал долго жить, но ведь его можно использовать как подушку, да и соленая вода выталкивает, так что плыть будет легко, надо только освободить себе руки.

Она остановилась, поправила за спиной буксир, который закрепила там сразу же, как только он заглох, а потом достала из шлюпки ремень с серебряной бляхой и протянула его через канатик на шлюпке и через ремешок, на котором держался буксир, застегнула и проверила – все держалось крепко. Теперь она была пристегнута к плоту ремнем от буксира и поясом Ситко, стоило только снять с себя буксир, и она будет свободна. Но вместо этого она отвернулась от шлюпки и начала грести, радуясь тому, что обе руки наконец-то свободны. Так и вправду получалось гораздо быстрее, хотя плыть, таща на себе груз, было трудно, но как она и предполагала, часть трудностей на себя взяли воздушная подушка-буксир и соленая морская вода, тянущая к себе с непреодолимой силой, а потом выталкивающая тебя.

Фатима плыла, поднимая голову только для вдоха, она не смотрела по сторонам, не смотрела на небо, все это сейчас только отвлекало бы, а ей надо плыть, надо добраться хотя бы до пляжа детского лагеря. Скалы медленно проплывали мимо, оставаясь позади, но она этого не видела, она работала как машина, вдох – взмах рук – погружение в воду – взмах – выдох. Она устала, да, но она не имела права остановиться, нет, не сейчас, поэтому она отбросила все, кроме концентрации на том, что делает. Никакой усталости, никакого отчаяния, только вдохи, выдохи, энергичная работа рук и ног и ее железная воля, характер, гонящий вперед и не позволяющий сдаваться, даже когда кажется, что надежды нет.

Она позволила себе оторваться от своего занятия и поднять голову только тогда, когда легкие горели огнем, а руки стали весить тысячи тонн. Она остановилась, шлюпка ударила ее в спину, но Фатима даже не почувствовала этого толчка, она с радостью и неверием смотрела на уже почти светлое небо и серую в рассветном свете полосу пляжа. Еще чуть-чуть и она сможет выйти на берег, и пусть уже практически рассвело, она сможет затеряться от посторонних глаз. Надо только еще немного поднажать, собрать последние силы и – в последний бросок. Тяжело дыша, она оглянулась на ребенка, он по-прежнему спал, одеяльце не вылезло и ни звука не доносилось из кровати. Это хорошо, сейчас ему еще не время возвращаться в реальный мир, пока его тут никто не ждет.

Повиснув на борту шлюпки, Фатима с минуту восстанавливала дыхание, а когда почувствовала, что сможет продолжать, снова погрузилась в воду и начала плыть, правда теперь она смотрела по сторонам, все-таки они приближались к людям.

Детский пляж ограничивался скалами, черными и отвесными, рядом живописно валялись валуны, зато дальше шел чистый песок, уходя серой полоской в бесконечность – рассвет не позволял увидеть границу пляжа, поэтому казалось, что он тянется до самого горизонта, теряясь в утренней дымке. Фатима решила срезать путь и повернула к валунам, она отдавала себе отчет, что под водой скорее всего их тоже полно, и можно больно удариться и пораниться, но сил плыть дальше уже почти не было, и она решила рискнуть. На ее счастье ни одного подводного камня она не встретила, то ли везение по-прежнему сопровождало ее, то ли их тут действительно не было, все-таки детский пляж, может, их вытащили из воды от греха подальше.

Свет становился все более прозрачным и приобретал золотистый оттенок – вставало солнце, на небе тьма неохотно сдавала позиции, все больше уступая армии дня, вода из черной стала какой-то темно-серой, как расплавленное стекло, но Фатима этого не видела, все ее внимание сосредоточилось на том, чтобы волна не ударила ее или шлюпку о валуны. Теперь, когда она подплыла к берегу достаточно близко, уже не было необходимости так выкладываться, теперь она просто зацепилась за шлюпку и выставила ноги вперед, прощупывая ими воду. Волны медленно несли ее к берегу, она помогала им, слегка отталкиваясь ногами, а глаза ее тем временем внимательно сканировали берег. Если кто-то выйдет сейчас и увидит ее, этот человек умрет. Слишком велик риск, слишком уж шаткое у нее положение, спрятаться она не может, да и негде, значит, остается только одно. Но никто так и не появился, было еще слишком рано, и немногие обитатели лагеря спали, даже повара и кухонные рабочие еще видели сны в своих домиках, и в этом был плюс ранних рассветов – начало светового дня вовсе не означало начало дня рабочего.

Валуны все приближались, и Фатима снова немного повернула, ей надо было выйти на берег, а не на острую россыпь камней, по которой не пройти с таким грузом, какой несла она. Очередная волна подхватила ее и вынесла прямо к большому круглому камню, одиноко торчащему из воды, до берега оставалось всего 3 метра. Фатима уперлась ногами в скользкую поверхность валуна, а в следующую секунду уже обхватила его руками. Шлюпка билась у нее за спиной. Поэтому она поспешила вылезти из ремня и просто намотала его на руку. Прделав это, она забралась на валун и села, дальше плыть уже не нужно, тут слишком мелко, и она вполне дойдет пешком. Она понимала, что слишком опасно вот так сидеть, как вышедшая из воды русалка, но ей просто необходимо было немного передохнуть и просто насладиться моментом. К тому же, выйдя на берег она тоже сразу никуда не двинется, сначала надо осмотреться.

Повернув шлюпку за валун, чтобы волны не били ее, Фатима посмотрела на спящего малыша, теперь свет позволял разглядеть все. Корзинка немного съехала с центра шлюпки, но в остальном ничего не изменилось, всего несколько капель воды попало за борт, и больше ничего. Малыш, судя по всему, был сухой и не замерз. Вот и славно, подумала Фатима, потому что путешествие еще не закончилось.

Она глубоко дышала, глядя на светлеющее небо, просто поразительно, как быстро день вступал в свои права, только-только светлая полоска выползла из-за гор, как уже отгеснила темноту к самому краю моря, ночь теперь оставалась только там. Повернувшись к морю и приглядевшись, Фатима смогла увидеть даже последнюю прощальную звезду на сужающейся темной полоске. Она загадочно мигала, как будто дрожала от осознания того, что день неумолимо наступает, и ей придется погаснуть. Но ничего, через время ночь так же безжалостно опустится на этот яркий мир и вернет звездам небо и красоту. Как хорошо, думала Фатима, наслаждаясь этим коротким мигом, она полной грудью вдыхала свежий утренний воздух, вокруг разливалось золотистое сияние, солнце уже почти оторвалось от горизонта там, за горами. Она вспомнила о каменной русалке в гроте, точнее, о легенде и подумала, что именно в такие минуты ее ноги, должно быть, снова превращались в хвост. Может, она точно так сидела на валуне и ждала, когда первый золотой луч соединит две конечности в одну.

Рассвет – время волшебства, как и закат, подумала она, время пограничья, время, не принадлежащее никакой стороне, время чудес. И чудо действительно происходило, только сейчас рассвет соединял две жизни в одну.

Откуда-то вдруг пришла большая волна и, разбившись о камень, на котором сидела Фатима, плеснула ей в лицо холодными солеными брызгами. Это заставило ее очнуться от умиротворенности и понять, что пора двигаться дальше. Она повернулась к ребенку, но волна не достала его, валун и сидящая на нем Фатима заслонили его. Что ж, пора завершать это сумасшедшее дело, решила она, спрыгивая с камня прямо в воду, глубина была ей по шею, вполне

можно идти. Толкая шлюпку перед собой и периодически выглядывая из-за нее, вдруг кто-то появится, Фатима пошла к берегу, преодолевая сопротивление воды, немного помогли волны, но они то толкали ее вперед, то тянули назад с такой же силой. Если сейчас кто-то появится, она может просто нырнуть и доплыть под водой до валуна, а там спрятаться, ребенка заберут, и все будет кончено, за шлюпкой ее не видно, а вот красную лодочку не заметить невозможно. В таком случае хлопот больше не будет, а малыш даже имеет неплохие шансы вернуть свою жизнь – наверняка его быстро опознают и вернут дедушке и двум дядям.

Почему-то ей стало грустно, хотя умом она понимала, что лучшего развития событий и быть не может. Но что-то внутри противилось этому, что-то говорящее, что они так много пережили вместе и... нет, об этом она думать не будет. У нее есть план, его она и будет придерживаться, сейчас, если никто не появится, она выйдет на берег и быстренько подкинет этого крошечного человечка кому-нибудь... *Не кому-нибудь, а кому-то достойному*, шепнул тут же голосок. Да, согласилась она, кому-то, кто не выбросит его в море, само собой. *Этого мало, ты и сама это знаешь*, не унимался голос, *его должны любить, о нем должны заботиться. Ты отняла у него семью, ты должна дать ему новую*.

И разве она против?! Нет, она понаблюдает и отдаст его в хорошие руки. А вообще, это уже не ее проблемы, она сохранила ему жизнь, разве этого мало? У нее есть свои дела и совершенно нет времени возится с этим орущим монстром, так что она просто сдаст его первому, кто будет похож на нормального человека, какой-нибудь женщине средних лет. Да, так она и сделает.

Пока она шла к берегу, так никто и не появился, пляж детского лагеря оставался все таким же пустынным, только проснувшиеся уже чайки с криками носились над водой и приземлялись на берегу, чтобы тут же снова взмыть в чистое утреннее небо. Когда стало слишком мелко, чтобы продолжать прятаться за шлюпкой, Фатима просто встала впереди и потащила ее за собой, внимательно следя за берегом. Пляж был достаточно длинным и на всем его протяжении то тут, то там высились горки и смешные зонтики, раскрашенные под мухоморы, только вот этот лагерь давно не видел столько ребятишек, чтобы занять все эти горки и «мухоморы». Деревянные настилы-тропинки уходили вверх к самому лагерю через каждые 5 метров, скрываясь в густом кустарнике, отмечающем границу пляжа, а дальше среди деревьев прятались маленькие домики, раскрашенные во все цвета радуги. Выйдя на берег, Фатима сразу же обратила внимание на ярко-красный деревянный коттедж, смотрящий прямо на море своими законченными окнами, это подтверждало не самые лучшие времена детской турбазы. Кто-то здесь отдыхает, об этом говорили покрашенные горки и грибки, но маленьких постояльцев сейчас очень и очень мало. И это хорошо.

Когда глубина стала ей по щиколотку, Фатима наклонилась и просто потащила шлюпку за собой, двигаясь задом, как самый большой рак, выползающий на сушу. При переходе из воды на берег плот немного качнуло, камешки и маленькие ракушки зашуршали по днищу шлюпки, и она с опаской покосилась на малыша, но тот продолжал сладко посапывать, сжав крошечные кулачки, силуэты которых она видела под одеялом.

Утро уже полностью вступило в свои права, небо было ярко-голубым с тем неповторимым золотистым оттенком, который можно увидеть только ранним утром, море тоже окрасилось в изумрудный цвет, в ветвях высоких деревьев, скрывающих домики лагеря, радостно пели птицы. Райское утро, подумала Фатима, медленно и осторожно оттаскивая плот за ближайшую горку. От него надо было избавиться, не могла же она тащить его вместе с малышом до самых домиков, но выбрасывать его здесь она, конечно же, не собиралась. Скрывшись за горкой – плохое укрытие, но лучше, чем открытое пространство – она быстро скинула с плеч рюкзак и начала доставать свою одежду, разгуливать в таком виде тоже было невозможно. Пока она выгружала свои джинсы и майку, пред ней встал еще один вопрос: как быть с буксиром? Нести его прямо так, в чехле, было бы слишком заметно и памятно, оставить где-то? Черт, она

не рассчитывала на то, что будет ходить с ним при свете дня! Чемодан, в котором она привезла его, благополучно ждал в домике у моря вместе с остальными вещами, ведь она должна была еще до рассвета быть там и ... Хозяйка приедет за ключами в 8, а она все еще тут!

– Да что же за дерьмо! – Со злостью прошептала она.

Все пошло наперекосяк, все вышло из-под контроля, а теперь еще этот малыш. Из рюкзака она достала часы, сейчас было 5 минут 6-го, у нее почти 3 часа. За это время она должна пристроить бывшего наследника и добраться до своего домика. Она быстро начала переодеваться, первым делом сняв шапочку и очки, вот тут очень пригодилась расческа и набор резинок – ее распущенные волосы были слишком заметны, даже после длительного пребывания под тугой шапочкой, поэтому она собрала их в низкий хвост, перетянув по всей длине несколькими резинками. Дальше пошло быстрее, и уже через 5 минут она снова стала походить на обычную туристку, только красная шляпка с малышом служила напоминанием о прошедшей ночи. Свой костюм она затолкала в рюкзак, предварительно сложив – ей нужно было экономить место, ведь плот и его запаску она пока могла спрятать только там. Очень осторожно, чтобы не разбудить ребенка, она подняла его кроватку за ручку и поставила на песок, малыш не проснулся. Дальше в рюкзак отправилась сложенная запасная шляпка, правда ее пришлось сильно согнуть, но в итоге она влезла. Теперь надо было что-то делать с ремнем, места для него не было, но выход был – она просто надела его на себя, он очень хорошо подошел к ее джинсам. И наконец надутая шляпка. Фатима не стала мучиться и искать, как ее сдуть и возможно ли это, она просто достала небольшой нож, который всегда брала с собой на дело, и пропорола ярко-красный бок шляпки. Со свистом и шумом шляпка сдулась за пару секунд, теперь ее можно было сложить и попытаться затолкать в раздувшийся и уже бесформенный рюкзак. А дальше вперед, на базу, где она сможет подбросить малыша и спокойно ехать к себе, а через пару часов убраться из города. Она была твердо уверена, что сможет.

Когда на песке не осталось никаких следов их пребывания, Фатима встала, подхватила кроватку с малышом и быстро пошла к заколоченному домику. На базе по-прежнему было тихо и пусто, может, оттого, что все прибрежные коттеджи пустовали, а может, просто было еще слишком рано. Она не шла по деревянному настилу, слишком много было бы шума, она шла прямо по песку, который уже через пару шагов набился в мокрые босоножки и очень мешал. Но это маленькое неудобство меркло по сравнению с тем, что на нее свалилось, корзинка с малышом, казалось, весила тысячу тонн, хотя несла она ее легко и без усилий. Только не плач, мысленно умоляла она ребенка, только не сейчас, но она понимала, что ей итак сильно везло, что он до сих пор спит и не дает о себе знать, совсем скоро он проснется и заголосит, и вот тогда начнутся серьезные проблемы.

Не начнутся, если я сейчас его брошу под каким-нибудь обитаемым домиком, шепнул голосок, но сама Фатима слабо верила в то, что сумеет отделаться от этого маленького крикуна так быстро.

В полной тишине они дошли до красного домика, здесь деревья росли так высоко, что полностью скрывали строение как огромный зеленый зонтик, под которым было еще по-ночному холодно и темно. Потрескавшаяся бетонная дорожка вела от домика вглубь лагеря сквозь густые заросли кустарника. На всей территории деревья росли так густо, что казалось, маленькие домики стояли в сказочном лесу, а жили в них гномы или эльфы, а не простые человеческие дети. Хотя каждый ребенок считает себя немного волшебным существом, и, может, такими они и бывают, пока не вырастают и не стряхивают себя волшебную пыль. Мне бы здесь очень понравилось, когда я еще была сказочной принцессой, подумала Фатима, обходя домик в поисках не заколоченного окна. Впрочем, повзрослеть ей пришлось быстро, хотя к тому времени она уже не верила в эльфов и Деда Мороза, но еще верила в людей, а теперь вот потеряла и эту веру.

За домком тропинка расходилась и вела к другим таким же красивым и пустым постройкам, каждый домик стоял в отдельном пространстве, а все вокруг было заполнено растительностью, в зеленом куполе неумоимо пели птицы. Да здесь прямо райское место, подумала Фатима, оглядываясь по сторонам, красный домик ей не подошел, там все было крепко забито досками. Она могла бы их сломать и без труда, но это, во-первых, шум, а во-вторых – следы. Нет, лучше поискать что-то более подходящее. Она собиралась разбудить малыша, пока он не сделал это сам в неподходящее время, у нее есть для него бутылочка, а потом она просто пройдет вглубь лагеря и оставит его возле жилого коттеджа.

А еще она боялась, что с ним что-то не так, слишком уж долго он спит, может, так оно и должно быть, опыта в этом деле у нее не было, но почему-то она начала переживать. Разбужу, чтобы знать, что с ним все отлично, если не считать потерю семьи, решила она, печально улыбнувшись спящему крохе, а потом передам его в другие руки. Как бездомного котенка, шепнул голос в голове, тот самый, который всегда портил ей настроение своими замечаниями, отдам в хорошие руки славного голубоглазого малыша, так?

– Да, так, – зло шепнула она, – а какой у меня выбор?

Голос промолчал.

Следующий домик был небесно-голубым, и там явно шел ремонт, окна и двери не были заколочены, а вокруг стояли корыта с растворами и погнутые ведра с какими-то строительными смесями. Это хорошо, и ничего, если на двери висит замок, окна вполне подойдут. Она быстро пошла к домику, когда малыш в корзинке вдруг как будто ожил, он зашевелился, засопел, а потом разразился громким, просто оглушительно громким ревом. Вот этого она и боялась.

Вместо того, чтобы идти, она побежала, подгоняемая ужасом и неожиданностью. Враз пропали все те крохи знаний о детях, которые она так старательно выуживала из своего мозга всю ночь, она просто не знала, что ей делать, и первым порывом было просто бросить кроватку и бежать. Но руки не разжались, и она добежала до голубого домика, так и неся кроватку с орущим малышом. Дверь была бесполезной с таким замком, поэтому Фатима просто обошла, точнее, оббежала домик и сильно толкнула окно на задней его стороне. Оно поддалось с легкостью, свидетельствующей о том, что его уже открывали таким образом и не раз. Но сейчас не было времени думать об этом, она быстро сунула корзинку в это открытое окно и поставила ее на пол, покрытый солидным слоем окурков и использованных презервативов, а потом скользнула внутрь сама, благо окна были очень низко.

Интересно, сколько народу разбудила эта маленькая сирена, задалась вопросом она, может, пора бежать? Но сейчас даже это ушло на второй план, сначала надо его заткнуть, иначе она просто ничего не услышит. Фатима вытащила бутылочку с молочной смесью из крепления, она была холодной. Секунду поколебавшись, она все же наклонилась над ребенком и неумело начала его кормить. Плач тут же оборвался, а Фатима вспомнила, что надо следить, чтобы малыш не наглотался воздуха. Тишина помогает думать, отметила она, с ужасом вспоминая, что малыш, возможно, намочил подгузник, а запасного у нее нет. Неужели он так и будет орать?

Но он не орал, судьба и удача опять были на ее стороне, и вопреки всем известным ей законам о детях, употребив полбутылочки своей смеси, малыш просто гукнул и успокоился. Он тихо лежал в своей кроватке, делая какие-то бессмысленные жесты своими крохотными ручонками и корчил ей гримасы. За окном была полная тишина. Все еще не веря, что он не орет, и с ним все, похоже, нормально, Фатима ошарашено улыбнулась ему, зажимая наполовину пустую бутылочку в руке. Малыш беззубо улыбнулся в ответ.

– Солнышко, – нежно прошептала она, даже не осознавая, что говорит и каким тоном, – ты улыбаешься! Сладкий малыш.

Она протянула свободную руку и осторожно дотронулась до его крошечной ручки, малыш отдернул ее и снова улыбнулся. За этим занятием можно проводить часы, подумала она, медленно возвращаясь в реальный мир. Интересно, все дети такие или только мой? Он не

твой, тут же среагировал голос, и она с грустью согласилась. Да, не мой, но в каком-то смысле он всегда будет моим, я оставила ему жизнь и дам новую, сегодня его второй день рождения, а я его вторая мать. Голос не стал возражать.

9

Ровно в 8 утра в дверь ее домика на пляже постучали. Хозяйка оказалась до тошноты пунктуальной, но, с другой стороны, она ведь могла прийти и раньше, а вот это было бы совсем ни к чему. Буквально за пару минут до ее прихода Фатима вынесла два своих чемодана в крошечную прихожую и привела себя в порядок – смена подгузника несколько вывела ее из равновесия. И еще она очень нервничала, так, как не привыкла нервничать в свободное от работы время. Все по-прежнему шло не так, малыш все еще не обрел новую семью, а она застряла в этом, казалось бы, законченном деле как муха на клейкой ленте.

С детской базы отдыха они выбрались без проблем, кроме той, что она так и не отделалась от этого пищащего комочка, вокруг было слишком пусто, а подходить ближе к жилым коттеджам она не рискнула. Время поджимало, и она решила пока взять его с собой, а потом уже в спокойной обстановке выбрать ему новых родителей. Почему она это делала? Она и сама не знала, она ведь собиралась просто оставить его под первой же дверью, но теперь вдруг считала себя обязанной дать ему не просто новую жизнь, но и проследить, чтобы первые, кого он встретит, не оказались алкашами или садистами.

– Доброе утро, – удивленно протянула хозяйка, когда после первого же звонка Фатима открыла дверь, – вижу, вы уже не спали.

– Ну конечно нет, – улыбнулась в ответ Фатима, думая о том, что не спала уже очень давно, – мы ведь договорились.

Ухоженная пожилая дама явно была приятно удивлена такой ответственностью, она бросила быстрый взгляд на стоящие чемоданы и снова улыбнулась.

– Вообще-то я уверена, что дом в порядке, – ей явно было немного неловко, – но я хотела бы посмотреть. Всего пару минут, просто для проформы. Не поймите меня неправильно, вы такая чудная девушка...

– Все нормально, – перебила ее Фатима, думая совсем не о доме и этой старой карге, обожающей вычурные украшения из полудрагоценных камней, – я нисколько не обижаюсь, это нормально, только попрошу вас сделать это побыстрее, у меня самолет.

На самом деле, ее самолет улетит сегодня без нее, в этом она уже не сомневалась, до рейса всего два часа, а ребенок все еще с ней. И к тому же сейчас совсем один в своей корзинке в кустах рядом с домиком, который занимал писатель. Его тело еще не обнаружили, поэтому там было тихо и совсем безлюдно. Фатима, которая даже не подозревала, что он мертв, выбрала это место потому, что посчитала, что старый писака наверняка не проспится до обеда, а если кто и увидит, что из своего домика она пошла туда, не удивится, они ведь соседи.

Пока хозяйка перемещалась из одной комнаты в другую, проверяла краны и телевизор, Фатима стояла в прихожей, не находя себе места от волнения за малыша. А вдруг он разорется, и его заметят? Хорошо, тогда она от него и отделается... Но не будет знать, что у него все хорошо. Она представила себе, как она идет к тому месту, где оставила его, и видит пустоту, всего лишь след на песке, оставленный его корзинкой. От этой мысли ей стало дурно, и она даже не стала спрашивать себя почему.

– Похоже, все в порядке, – широко улыбнулась хозяйка своими прокуренными искусственными зубами, напоминающими огромные могильные камни, – в чем я и не сомневалась.

– Вот и отлично, – Фатима взяла с полочки под зеркалом ключи и протянула ей, беря в руки чемоданы, – с вами приятно было иметь дело. А теперь мне пора, всего доброго.

– Приезжайте к нам еще! – крикнула ей вслед хозяйка, когда Фатима уже вышла на крыльцо.

Как же подумала она, но кивнула и приветливо улыбнулась в ответ, оглядываясь на стоящую в дверях старую даму в побрекушках. Она собиралась пойти по пляжу к домику писателя и там незаметно свернуть к кустам, старуха ничего не заподозрит, чуть дальше там тоже есть выход с пляжа и остановка автобусов и маршрутных такси, но возле домика гуляли люди, и это остановило ее. Она еще не знала, но судьба снова вмешалась и спасла ее, ведь пойдя она к коттеджу мертвого писателя, старуха наверняка бы вспомнила этот факт, когда позже к ней заглянули следователи «просто побеседовать».

Позже они установили, что умер бывший литературный король от остановки сердца, но сначала задали всем кучу вопросов. И вот тогда могла бы всплыть постоянщица соседнего домика, а так старуха не сказала ничего, даже не стала говорить, что сдавала свой дом кому-то, за это надо было еще платить налог, а государство итак обдирало ее до нитки каждый месяц. Нет, раз девушка не делала ничего подозрительного, значит, не стоит и упоминать о ней. Она просто проводила взглядом стройную юную леди с двумя чемоданами, выходящую с пляжа на дорогу, и вернулась к своим делам, ей ведь еще нужно было подготовить дом для следующего клиента. Благо хоть эта красавица оказалась на редкость чистоплотной, а то ведь другие после себя оставляют настоящий разгром, а тут в доме как будто и не жили. Напевая, хозяйка закрыла дверь и погрузилась в свою рутину.

10

И откуда только взялись эти придурки, недоумевала Фатима, медленно тащась по песку к дороге. Этот пляж всегда принадлежал только ей и изредка этому старому алкашу, и все, никаких людей, тем более в такую рань. А теперь что?! Шляются целой группой и прямо возле того само места, где она оставила малыша. Стоит ему сейчас подать голос, и они его услышат и заберут. От этой мысли в ней поднималась черная волна протеста, ей хотелось убить их всех, и она понимала, что вполне может не сдержаться, если кто-то из этой четверки подойдет к ребенку. И она уже пресекла спрашивать себя почему. Потому, и точка.

Она все время оглядывалась на веселящихся молодых людей, две пары, явно только приехавшие к морю, бегали и дурачились как дети, брызгая друг на друга морской водой и валяясь на песке. Они уйдут, причем скоро, в этом она не сомневалась, но что делать, пока она не ушли? Она же просто изведется. Пойду по дороге до следующего выхода с пляжа, решила Фатима, стоя на месте она не могла, слишком заметно и слишком волнительно, а так она сможет наблюдать за ними и двигаться. Она всерьез рассчитывала, что к тому времени, как она дойдет до сбегавшей на пляж бетонной дорожки, эти идиоты отправятся дальше, все так же хихикая и обливаясь водой.

Она медленно двинулась по асфальту вдоль пляжа, делая вид, что чемоданы сильно замедляют ее движение, на самом же деле она могла хоть бежать с ними, но бежать сейчас было некуда. Деревья и кусты, отгораживающие пляж от цивилизованного мира, мешали ей рассмотреть все хорошо, но она видела достаточно, чтобы злиться все больше и больше – молодые люди и не собирались никуда уходить, парни растянулись на песке, а девушки пошли к воде и там застыли. И что прикажете делать, спросила себя Фатима, не могла же она вечно идти по этой дорожке, а вдруг малыш заплачет? А вдруг он заплачет именно тогда, когда она будет с ним в кустах или когда будет выносить его? Что тогда? Такие вещи очень хорошо запоминаются, а убить свидетелей среди бела дня на открытом месте – не вариант. Оставалось то, что она ненавидела больше всего – ждать.

Чтобы хоть как-то потянуть время, она остановилась, делая вид, что поправляет застежку на босоножках, потом можно будет еще достать зеркало и поправить несуществующий макияж, а дальше? Это начинало нервировать по-настоящему, вдруг они не уйдут, а забрать ребенка при них никак не получится. Но и оставить там нельзя, надо что-то делать. По части таких планов я не спец, подумала Фатима, терзая липучки на босоножках и поглядывая в сторону пляжа, вот если бы надо было кого-то убить... Она как могла долго возилась с обувью, но на

пляже все оставалось без изменений, парни валялись на песке, девушки мочили белые как брюхо дохлой рыбы ноги в морской воде, а всего в 5 метрах от них в зарослях находился ее малыш. Да-да, *ее* малыш. Пока он мой, решила она, а дальше видно будет.

Когда поправлять застежку на обуви стало уже невозможно, Фатима выпрямилась и снова медленно двинулась к писательскому домику, теперь, подойдя ближе, она уже смогла разглядеть опущенные шторы ярко-красного неприятного цвета. Небось опять накачался «вдохновением» и храпит, решила она, вспоминая неопрятный вид и давнюю щетину бывшего литературного короля. Оно и к лучшему, не хватало еще, чтобы этот алкаш выполз из своей конуры в самый ненужный момент, она даже не могла подумать, что из своей конуры он теперь без посторонней помощи не выберется, а когда это случится, покидать коттедж он будет вперед ногами.

Она уже подходила ко второму выходу с пляжа, бетонная дорожка была всего-то в паре метров от нее, а ведь она и не думала, что расстояние окажется таким маленьким, раньше вот оно казалось ей гораздо длиннее. Там, где бетонная дорожка вливалась в асфальтовую набережную, росли два роскошных куста жасмина, именно возле них Фатиме пришлось сделать вторую остановку. Растягивая время как можно сильнее, она не спеша стала рыться в сумочке, перекинутой через плечо, то и дело прерываясь и потирая правый глаз – в дамской сумочке итак сам черт ногу сломит, а когда еще и в глаз что-то попадет, искать становится совсем трудно. Мимо нее медленно прошла молодая женщина с малышом пяти лет, она равнодушно посмотрела на Фатиму и пошла дальше, теща ребенка, восхищенно тарачившегося на воду, за собой. Я не привлекаю внимания, сказал себе Фатима, такое со всеми случается, никто не станет выделять тебя из толпы, если ты останавливаешься, чтобы вытащить соринку из глаза. Воспользовавшись случаем, пока на набережной никто не шел, она быстренько затолкала чемоданы в переплетение жасминовых и неизвестных ей кустарниковых веток, служивших естественной оградой пляжа. Все, теперь, как только эти новоиспеченные курортники уйдут, она сможет достать ребенка. А пока нужно было срочно доставать вымышленную соринку из глаза.

– Смотрите! Корабль! – раздался полный восторга крик, – А-а-афигеть какой он огромный!

Фатима выглянула из-за куста жасмина, да, правда, большой военный корабль как будто застыл на волнах довольно далеко от берега, но все же он двигался. Молодые люди, только что лениво валяющиеся на песке, повскакивали с мест, радостно размахивая руками и побежали к воде. Неужели опять мое везение, невольно улыбаясь от радости, подумала Фатима, про соринку она и думать забыла, теперь все ее внимание сосредоточилось на этих орущих подростках, машущих громадному кораблю. Идиоты, подумала она, да вас же только в бинокль будет видно, но она уже почти любила их и этот корабль, все что угодно, лишь бы они наконец освободили ей путь. Она рискнула выйти из-за куста и даже немного спустилась по бетонной дорожке, дом писателя и те самые кусты теперь были в сводящей с ума близости. Она приложила руку козырьком к глазам и тоже стала с интересом наблюдать за медленным движением военного корабля, он выплывал из-за выступающего в море утеса и двигался в направлении Адлера. Больше зрителей, к счастью, не было.

– Вы видели когда-нибудь такой вблизи? – Неожиданно повернувшись к ней, спросил один из парней, – он где-нибудь причалит?

– Понятия не имею, – пожала плечами Фатима, понимая, что это ее шанс, – но, думаю, в Сочинском порту он станет на якорь, судя по направлению, туда он и идет.

– Я хочу его сфоткать! – Тут же заявила одна из девушек, тощая пигалица с комариными укусами вместо груди, – прикинь, такой снимок привезти!

– А до порта далеко? – Снова спросил Фатиму первый парень с широким тупым лицом и удивительно живыми глазами.

– По пляжу точно не добежите, – улыбнулась она, понимая, что рыбка клюнула, удочку снова забросила судьба, Фатиме же осталось только вытащить улов. – Но если пройдете вперед, сможете сесть на автобус, номер я и сама точно не знаю, я тут всего пару дней.

– Спросим, – кивнул парень, остальные как зачарованные таращились на проплывающего мимо гиганта, – нам сейчас выйти с пляжа, и куда?

Испытывая настоящий душевный подъем, Фатима подробно объяснила им дорогу.

– Джунгли зовут! – Неизвестно к чему прокричал второй парень, и вся компания ринулась по бетонной дорожке, едва ни сбив Фатиму.

И едва они скрылись из виду, она с не меньшей прытью устремилась к кустам. Бежать по песку было тяжело, но она этого не замечала, уже возле зарослей она споткнулась о торчащий из песка камень и рухнула на колени, больно ударившись пальцами на ногу, но и этого она не заметила, оказавшись на четвереньках, она стремительно поползла вперед, продираясь сквозь продолжение пляжной ограды. На какое-то мгновение она была уверена, что сейчас раздвинет ветки и не увидит ничего, кроме следа на песке, она опоздала, малыш расплакался, и кто-то его унес. Кто-то куда-то унес.

– Нет! – Почти прорычала она, с такой яростью раздирая ветки, что некоторые сломались.

За следующим переплетением веток оказалась не пустота, а знакомая голубая корзинка. Чуть не плача от облегчения, Фатима подползла к ней, все еще до конца не веря, что ребенок на месте, а вдруг там пусто? Но нет, малыш крепко спал под зеленым куполом веток, одеяльце он сбросил, и теперь оно свешивалось из корзинки на песок. Скоро его кормить, подумала Фатима, осторожно протягивая руку к его крошечному кулачку. Она улыбалась ему нежной улыбкой, такой новой и непривычной для ее лица, вдруг утратившего всю жестокость и хищность. Подобрал одеяльце, она заботливо укрыла его, поражаясь, как сильно он похож на ангела.

11

Когда она проснулась, было уже темно, в окна светил белым светом фонарь на стоянке. Прислушавшись к тишине, Фатима услышала тоскливую дробь капель по жестяному подоконнику, значит, дождь все-таки пошел. Судя по черным тяжелым тучам, которые начали стягиваться уже утром, с неба должно было пролиться что-то позначительнее, нежели этот моросящий дождик. Может, и пролилось, только она этого не услышала, устала и сбита с толку, она рухнула на кровать, едва оказалась в этом маленьком занюханном номере, и просыпалась только один раз – покормить малыша, а потом снова проваливалась в сон, больше похожий на кому.

Да, ребенок по-прежнему был с ней, и это нервировало ее больше всего. Утром она была слишком измотана, чтобы подыскивать ему семью, а бросить посреди улицы не могла, выход был один – найти укромное место и поспать, пока она не свалилась или не уснула на лавочке, а потом на свежую голову решать эту затянувшуюся проблему.

Сон еще полностью не отпустил ее, и она наслаждалась самым приятным состоянием, плавая в приятной теплой полудреме, когда уже начинаешь видеть сон, но еще не утрачиваешь связь с миром. И этой бодрствующей частью она прислушивалась к тишине и осознавала, что в комнате тихо, значит, малыш спит. Хорошо, можно понежиться в постели и не вскакивать, как солдат по тревоге. Сегодня она впервые в жизни вставала, прерывала свой отдых после дела для того, чтобы накормить этого орущего монстра, и ощущения были не из приятных. Она специально взяла номер с холодильником и маленькой электрической плитой, на ней она грела ему бутылочки, поместив их в погнутую алюминиевую кастрюлю, наполненную водой, которую нашла здесь же. Номер она снимала одна, малыш, как и раньше, дожидался ее в ближайших кустах, благо он был спокойный, пока не хотел есть.

В свои полупустые чемоданы она спрятала то, что накупила для этого маленького негодника, так усложняющего ей жизнь. Зачем она это сделала? Она и сама точно не знала, по край-

ней мере официальная версия все еще была в силе – на просто отдохнет и отдаст его, а пока надо умудриться не угробить его. Поэтому она и купила специальную книжку по уходу за детьми, молочную смесь и кучу подгузников, а еще парочку погремушек, детский шампунь и крем, чистящее средство для детских ванночек, пару бутылочек и даже соски. Она же не думала, что будет правда его купать, конечно нет... но купить все же стоит.

В номере была только одна полутороспальная кровать, хотя, будь она шире, малыша все равно нельзя было оставлять без присмотра на кровати, откуда он мог запросто упасть. Выход нашелся так же неожиданно и удачно, как она и привыкла – во дворе за кухней громоздились башней пустые картонные коробки всевозможных размеров, в них привозили овощи, напитки и Бог еще знает что. Фатима выбрала самую широкую, но не такую глубокую, как остальные, и самую чистую. Ей было немного не по себе, что малыш должен будет спать в коробке, как бездомный щенок, но другого выхода пока не было, не мог же он все время проводить в этой походной коляске. Его гордость не пострадает, сказала себе Фатима, неся коробку в номер, у него ее еще просто нет, а моя тут ни при чем.

И все же ей было как-то неудобно, когда она, застелив ее сначала своими вещами, которые все равно должны были оказаться на помойке – таково правило, после каждого дела она как змея меняла кожу, выкидывая все, чем пользовалась, кроме оружия – а потом его одеялами и новеньким покрывалом, тоже купленным в детском магазине, положила малыша в его новое укрытие. Но ему там очень понравилось, просторно и мягко, и он заулыбался, нанося еще один сокрушительный удар по ее сердцу. Устроив малыша в коробке, она стала думать, куда поставить ее, на полу было слишком холодно, да еще сквозняки. На кровать тоже нельзя, слишком узко, тогда она отодвинула дешевый пластиковый стол, стоящий у единственного окна в угол, где с одной стороны его ограничивала стена, с другой холодильник, вот теперь самое подходящее место было готово. Оттуда он точно не свалится, там его не продует, и солнце не будет светить в глаза. Покончив с устройством и кормежкой, она наконец добралась до кровати и вырубилась на долгие 9 часов, проснувшись лишь один раз, чтобы накормить орущего младенца и сменить ему подгузник. Что он делал после, она не знала, и это ее не волновало, он был сыт, был сухой и в полной безопасности, может, он играл с погремушками, может опять уснул, она не знала.

Как не знала, что как только ее глаза закрылись в первый раз, на город обрушился настоящий потоп с градом и шквальным ветром, не знала, что в городе все подняты на уши и ищут малыша, мирно спящего в картонной коробке в маленькой комнатке дешевого отеля для проезжающих. Одна часть уже похоронила его вместе с родителями, другая – и их пока было больше – верила, что ребенок жив, и его куда-то подбросили. В 12-часовых новостях уже был большой репортаж об убийстве Евгения Ситко и его жены, про малыша ничего не сообщалось, зато уже в час дня специальный выпуск призвал всех искать пропавшего Андрея Ситко, 4 месяцев от роду. Вот так Фатима узнала, как его зовут и какой у него возраст, имя для нее ничего не значило, но вот возраст был нужен, чтобы определить питание и уход. Естественно, пока она не найдет тех, кто будет это делать постоянно, так она себе сказала.

После бури, обрушившейся на город, он как будто приходил в себя, дождь из ливня перешел в морось и так и завис, улицы опустели, ветер стих, и теперь деревья стояли с поникшими после града и сильного ливня ветками. Когда зажглись фонари, город стал напоминать усталого и взъерошенного гиганта, вздыхающего и переводящего дух после хорошей трепки. Чувствуя себя в полной отдаленности и покое, Фатима потянулась и медленно открыла глаза. В номере, состоящем из крошечной прихожей, где стояла плита, крошечной ванной с ржавым душем и текущим туалетом и самой спальни со столом, холодильником и кроватью, было совершенно темно, только фонарь на стоянке проливал тоскливый голубой свет. Взгляд Фатимы тут же устремился на темный силуэт коробки на столе, она, конечно же, была на месте, хорошо. Хотя вообще-то, ничего хорошего в этом не было.

Его, наверное, надо уже кормить, подумала она, снова потягиваясь и ощущая приятную ломоту в теле, она выпалась, полностью отдохнула и теперь была полна сил. И они ей пригодятся, ей еще надо устроить этого знаменитого маленького монстра и наведаться в детский лагерь, чтобы утопить свой буксир, жаль, конечно, но перевозить его сейчас слишком большой риск. Да и куда она его повезет? У нее ведь нет дома, где можно хранить то, что пока тебе не нужно. Фатима быстро отогнала эту мысль, уж больно грустной она была и портила ей настроение, и без того не самое радужное. Да, она справилась блестяще, насколько позволили обстоятельства, выполнила дело, но все ведь пошло наперекосяк, и теперь вместо того, чтобы отдохнуть, она должна думать, куда пристроить несчастного сына Ситко. И хуже всего то, что она намеренно затягивала с этим и сама это прекрасно понимала, так с чего же радоваться? Ну, по крайней мере она хоть выпалась, а это уже немаленький повод для радости.

Она медленно села на кровати и выглянула в окно, сквозь сетчатые занавески ей было хорошо видно пустой блестящий асфальт стоянки и даже мелкие капельки, мельтешащие в голубом свете фонаря. Она была почти единственным постояльцем в этом отеле, состоящем из трех длинных одноэтажных строений, напоминающих ей конюшни – она выросла в аграрном крае и прекрасно знала, как выглядят коровники и прочие загоны для скота. Что ж, в такой дыре, как правило, только скот и останавливался, об этом свидетельствовали надписи, оставленные прежними гостями на стенах и обшарпанном кафеле в ванной. Стены ее номера были покрашены ядовитой зеленой краской, обои здесь не продержались бы и недели, мебель была изрядно попорчена, а кровать провалилась и воняла сыростью, хотя в самом номере сыро не было, по крайней мере пока. Хорошо хоть я здесь ненадолго, подумала она, и тут как раз заплакал ребенок. Фатима пулей вскочила с кровати, стены здесь были не толще картона, и хотя, когда она вселялась, соседние клоповники были свободны, все могло измениться за то время, что она спала. Она подошла к столу, где стояла коробка с ребенком, и осторожно взяла его на руки, ее глаза привыкли к темноте, поэтому света от фонаря на стоянке ей пока было вполне достаточно.

– Ну чего ты, а? – прошептала она, укачивая его неумело, но нежно, – кушать хочешь? Проголодался? Сейчас мы тебя накормим, потом помоем, а потом ты немного поиграешь и снова уснешь.

Ее успокаивающий голос подействовал, малыш тут же затих и только изредка недовольно похныкивал. А характер у него просто сахарный, отметила Фатима, вспоминая, как мама рассказывала ей, что младенцем она орала круглые сутки, день и ночь напролет, сводя с ума не только ее, но и соседей. Они часто смеялись, вспоминая старую историю, как однажды к маме посреди ночи пришел разъяренный сосед и начал кричать:

– Да что вы с ней делаете круглые сутки?! На части режете, что ли?! Чего она так орет, и орет, я уже с ума сошел от этих воплей!

– По его виду это было заметно, – всегда говорила мама, и они начинали хохотать.

Да, была бы мама здесь, она знала, кажется, все на свете, а про детей уж точно. Хотя, если бы она была жива, всего этого не было бы вообще.

С ребенком на руках, Фатима прошла в крошечную прихожую и, нащупав выключатель, зажгла свет в ванной, а потом открыла дверь. Штор в номер не было, поэтому зажигать свет она не могла, ребенка могли увидеть, а так света было вполне достаточно и в то же время безопасно. Не выпуская малыша, она села на краешек облупившейся ванны и открыла горячую воду. Пока бутылочка будет греться, решила она, я приготовлю ванну для этого маленького свиненка.

– Придется тебе еще чуть-чуть побыть в коробке, – проговорила она, устраивая ребенка, – мне надо подготовить все для тебя, так что лежи тихо и не мешай, если не можешь пока помогать.

Чтобы ему было не скучно, она дала ему одну из купленных погремушек, а потом поставила кастрюлю с водой и, захватив с собой книжку «Ваше чудо: все о детях от рождения и

до 7 лет», направилась в ванную. Там был выцветший пластиковый тазик, противного грязно-розового цвета, но по размерам он вполне годился для купания малыша. Конечно, только после того, как она его тщательно вымоет. Она уже было собралась намылить его, щедро полив антибактериальным чистящим средством для детских ванночек, купленном в том же самом магазине, как вспомнила про бутылочку, оставленную в кастрюле на плите.

– Черт! – Воскликнула она, бросая тазик обратно в ванну и стрелой кидаясь к плите.

Как же сложно обо всем помнить, ничего не упускать! Да, чтобы растить детей, двух рук и одной головы явно мало, подумала она, хватая полотенцем кастрюлю и ставя ее на поцарапанный узенький столик, на котором стояла плита. Ее работа тоже требовала сосредоточенности и дальновидности, и все же ей казалось, что быть киллером гораздо легче, чем матерью. Может, потому, что тогда она отвечала только за себя.

Как назло, тут снова захныкал малыш, явно уже успевший проголодаться и соскучиться по маме. Нет, я должна как можно скорее отделаться от этого ада, решила она, как можно скорее.

– Не ори ты так, – зашикала она на него, не зная, что делать сначала: вытаскивать бутылочку, взять его на руки или закончить наконец с тазиком. – Сейчас будешь и есть, и купаться, только соблюдай тишину, нас ведь могут услышать.

– Мы, знаешь ли, прячемся, – сообщила она малышу, как будто слова имели для него хоть какой-то смысл.

Что делать ей подсказал инстинкт, ведущий ее уже 9 лет – надо прежде всего восстановить тишину, иначе всему конец. Она снова взяла его на руки, только на этот раз он не перестал плакать, только немного сбавил громкость. Надо его накормить и вымыть, иначе он жизни не даст, подумала Фатима, хотя ей и самой уже было до боли в сердце жаль этого кроху, такого маленького и одинокого, находящегося в ее неумелых руках, а в чьих руках он окажется завтра? Я отняла у него семью, пришла мысль, я должна дать ему новую.

– Но прежде всего я дам ему бутылочку, – пробормотала она, идя с ребенком на руках в прихожую.

Кормила она его в ванной, сидя на бортике, а прямо под ней своего часа дожидался наполовину намыленный тазик. Малыш был явно очень голоден. Он так жадно сосал свою смесь и хватал бутылочку ручонками, что Фатима даже устыдилась, что довела его до такого состояния.

– Прости меня, – уже, наверное, в тысячный раз сказала она, – за все, и не только за то, что я сделала с твоими родителями. Не умею я следить за детьми, понимаешь, ты – первый младенец в моей жизни, так что извини, опыта у меня нет, но я стараюсь. Со временем все будет лучше, вот увидишь, я быстро учусь, я вот даже купила книжку, глупо, конечно, как будто я решила завести щенка, но, с другой стороны, это еще большая ответственность, а знаний у меня ноль.

Так здорово и ново было разговаривать с кем-то, пусть этот кто-то и не отвечал, и вряд ли понимал, о чем речь, но это был живой человек, а она уже много лет ни с кем не разговаривала без надобности. И она специально не стала говорить, что собирается отдать его, а вдруг он все-таки поймет, почувствует это? Она же собирается это сделать, не так ли?

И что тогда останется мне, спросил голос в ее голове, опять все та же пустая жизнь? Одиночество и тишина, длящаяся неделями, месяцами, а потом снова чья-то смерть?

И тут она поняла, что страшно устала от своей жизни и от себя. Она могла бы уйти на покой, но что тогда она будет делать? У нее ведь нет ничего и никого, тогда ей останется только лезть в петлю или сходить с ума от пустоты. Так она хоть что-то делает, она строит планы, она работает, но если отнять эту суету, у нее ведь больше ничего нет, совсем ничего.

Малыш поел, и она снова устроила его в коробке, на этот раз он не возражал и не поднимал крик, пока она готовила ему ванну. Купаться он, оказывается, очень любил, и пока ее руки работали, строго следуя инструкциям в книге, лежащей на полу и раскрытой на странице, где

подробные картинки и описания под ними помогали таким, как Фатима, выкупать малыша, ее голова была занята вопросами его и ее будущего. И самое страшное, что без одного она уже не видела другого.

12

Это была последняя попытка вернуть свою жизнь, оставить ее без изменений, такую привычную и знакомую. На что она, в самом деле, рассчитывает? Она – наемный убийца, ее разыскивают все структуры, ее жизнь – непрерывная гонка на выживание, ее место обитания – тень, она не может нести ответственность еще за кого-то, ей бы о себе позаботиться.

Все эти аргументы, а еще страх, что из-за малыша она станет уязвимой и, может быть, потеряет то, ради чего так много и трудно работала все эти годы, она боялась не быть больше номером 1. Не ври себе, холодно поправил ее голос в голове, не ради титула и славы ты убивала все эти 9 лет, нет, расскажешь это кому-нибудь другому, но не себе самой. Ну хорошо, пусть она делала это не из-за денег и славы. Но разве плохо, когда твой талант признают? А чтобы удержаться на вершине, нужно прежде всего не сбавлять обороты, и как прикажете это делать, если на тебе висит почти новорожденный малыш?

Да и вообще, оно ей не надо, она всегда ненавидела детей и считала, что только полный псих или полная никчемность может обречь себя на такие муки, а она – никогда. Но никогда не говори «никогда», верно? Нет, даже сами мысли о том, чтобы оставить маленького Ситко себе – опять я думаю о нем, как о бездомном щенке, отметила Фатима, глядя на спящего малыша – были верхом глупости для человека в ее положении. Это же просто смешно, киллерша – мамаша. Ой, извините, я могу убивать только до 9 вечера, потом мне надо укладывать ребенка спать. Так что ли?

– Бред какой-то. – Зло прошептала Фатима. Она злилась на себя за то, что сама себе не позволяла. Ну разве не бред?

Выбор всегда один, напомнила она себе, а уйти в отставку – да еще ради чего! – она не была готова, хоть это она признавала безоговорочно. Значит, есть только один выход, известный ей с самого начала, и чем дольше она будет тянуть, тем труднее будет это сделать. Это как вырвать зуб, сказала она себе, лучше делать это быстро и резко, иначе можно сойти с ума от боли и страха. А может, его лучше вообще не вырывать?

Опять эти дурацкие мысли.

– Хватит! – Взывала она, вскакивая с кровати и обхватывая голову руками. Сейчас она действительно походила на сумасшедшую. – Хватит! Хватит! Хватит!

Она ринулась в ванную, где все еще пахло детским шампунем, и резким движением руки протерла запотевшее зеркало, тусклое и с черными пятнышками по краям. То, что она увидела там, ей совсем не понравилось. Мука и сомнения исказили ее лицо, до этого всегда спокойное и демонически-красивое, волосы растрепались, потому что малыш нашел очень забавным запускать свои маленькие ручки в ее роскошные черные локоны. И это Фатима, сама опасная и самая высокооплачиваемая убийца. Позор. И такой ты хочешь быть всегда, спросила она себя, глядя на эту полубезумную в зеркале, такой загнанной и растерянной, оставленной не у дел, потому что на них всегда будет не хватать времени? К этому ты шла? Ради этого работала 9 лет?

– Нет, – ответила она своему отражению, – ради чего бы это ни делалось, но такой я стать не хочу. Нет, только не я.

Тогда ты знаешь, что делать. Так сделай это и вернись в нормальную жизнь.

Только вот ее жизнь вряд ли можно было считать нормальной.

– Нет, – снова прошептала она, приглаживая волосы.

Перед ее мысленным взором как слайды замелькали картинки: бессонные ночи, вечное бегство, вечная усталость, нехватка времени на себя, волнения за их будущее, и наконец самое страшное – отсутствие предложений, совсем пустой почтовый ящик и лишь редкие сочувственные письма от Пророка, высмеивающего ее жизнь. Да и не только он, все будут высмеивать ее,

конечно, что еще можно ждать от бабы, все они рано или поздно возвращаются на свое место, а мужские дела оставляют мужчинам.

– Нееееет! – Закричала она, и вцепилась себе в волосы, снова растрепывая их, – нет! Никогда! Слышите, никогда! Нет! Только не я! Никогда! Нееееет!

Вот теперь-то она решила, и решила совершенно точно. Твердым шагом она вышла из ванны, перевязала волосы резинкой, а потом подошла к столику, где в коробке спал ребенок, и, глядя на него с решимостью, которую выражала каждая черточка ее лица, подняла коробку. Все, сейчас она поставит точку и больше не будет возвращаться в это сумасшедшее дело. Есть только одно правильное решение, и она наконец-то его приняла. Она даже не будет перекладывать его в корзинку, промедление опасно, от нее она просто избавиться потом, как от очередной улики. И разве не так она сейчас избавляется от первого в своей жизни *невещественного* доказательства?

– Ты – не мой ребенок, – твердо прошептала она, – ты всего лишь досадная помеха, просто случайный свидетель, которому по возрасту положено жить. Будь ты старше, мы бы сейчас вообще не разговаривали.

Дождь все еще моросил, и может, поэтому, а может, из-за позднего часа на улице было совершенно пусто. Вернее, во внутреннем дворике отеля «Звезда», где три длинных строения образовывали букву П. Во всех зданиях горели только 5 окон и было три припаркованные машины, две древние «семерки» и один такой же древний «Мерседес», длинный, как сигара. Одно окно светилось в строении напротив, еще два на том, что образовывали крышку буквы П, и два в ее здании. Что ж, очень хорошо, она не хотела маячить по двору и привлекать внимание. Надвинув на лицо кепку, она наклонилась и взяла коробку, дожидаящуюся ее на полу прихожей. Как хорошо, что она не выбросила еще свои вещи, вот кепка очень пригодилась. Как и широкие штаны и бесформенная майка, волосы она спрятала под кепкой. Внимательно следя за окнами, а вдруг кто-то выглянет, Фатима двинулась к ближайшему светящемуся окну, на всю длину здания тянулся навес, так что она шла спокойно, совершенно не страдая от мороси. И ребенок не пострадает, когда я оставлю его у этой двери, подумала она и жестко подавила щемящее чувство в сердце. Она все решила, и нет смысла начинать все сначала. Сейчас она поставит коробку под дверь, а потом громко постучит шваброй, которую нашла в ванной, и что есть силы рванет в свой номер. И все будет кончено.

Подойдя к двери, такой же тонкой и выкрашенной в противный зеленый цвет, Фатима остановилась. Всего три двери, эта четвертая от ее номера, добежать будет несложно, сложно будет оставить малыша здесь, в ночном сыром воздухе, пропитанном моросью, оставить его под дверь, как котенка в коробке, оставить с совершенно незнакомыми людьми. Швабра, которую она зажимала под мышкой, выпала, издав громкий стук, он-то и привел Фатиму в чувство. Она ведь уже приняла решение, не время проявлять слабость.

Если она даст слабинку сейчас, на карьере можно будет смело ставить крест, прежде всего потому, что если она сейчас повернется и унесет ребенка обратно, будет сломано ее главное оружие – характер. Убивает не пистолет и не нож, убивает характер, а киллер без оружия – уже не киллер, выбор всегда один: либо ты охотник, либо жертва. И третьего не дано.

– Я не жертва. – Твердо прошептала Фатима и, стараясь не смотреть на ребенка, наклонилась и поставила коробку под дверь. – Я – охотник. Всегда им была и буду.

Она придвинула коробку к двери, малыш спал, сытый и наигравшийся погремушками, которые она ему купила, она все же не удержалась и посмотрела на него. Он спал, такой маленький и незащитный, доверчиво зажав в руке краешек одеяла. Он даже не знает, что его снова бросают на произвол судьбы, подумала она и снова разозлилась этим мыслям. Не ее это проблемы, если бы не она, этот орун был бы вообще мертв, а она итак с ним уже перевозилась, все, пора заканчивать играть в Мать Терезу и возвращаться на свое место. А ее место – место в тени и одиночестве, она несет смерть, поэтому жизни не место рядом с ней, особенно такой невин-

ной крошечной жизни. Мысль о том, что, если бы не она, он бы сейчас спал на материнских руках, Фатима безжалостно подавила. У каждого своя судьба, и их судьбы сейчас разойдутся.

– Прощай, малыш, – прошептала она, она не хотела прощаться, но... – береги себя и прости меня за все.

Больше затягивать это нельзя, поняла Фатима, когда слезы вдруг начали щипать ей глаза. Она в последний раз посмотрела на него, как будто хотела запомнить, укрыла его получше, а потом резко встала и, подобрав сою швабру отвернулась от него. Сейчас она уйдет, собственно, она уже уходит, а как только отойдет на расстояние, с которого сможет постучать в дверь шваброй, она сделает это и скроется в своем номере. Вот так просто она оставит его в прошлом.

Первый шаг, тяжелый как будто к ногам привязали гири, но она сделала его.

Второй шаг, уже решительней, но по-прежнему что-то тяжелое тянет, что-то не только привязанное к ногам, но и к душе.

Третий шаг. Сколько же шагов до ее комнаты? Она и не считала, а надо бы, тогда она бы точно знала, сколько еще терпеть.

Четвертый шаг. Ты совершаешь ошибку и знаешь это – голос в голове, в нем она уловила панические нотки.

Пятый шаг. Ничего подобного, я делаю то, что должна.

Шестой шаг. Картинки из ее прошлой жизни. Бесконечные ночи и длинные пустые дни, когда она могла часами сидеть неподвижно в номере отеля и смотреть на море, как верная жена моряка.

Седьмой шаг. Запах крови в ветре, адреналин, всегда полный почтовый ящик. Она – номер один. Она долго к этому шла, и она это сделала. Так хочет ли она все это потерять?

Восьмой шаг. *Ты моя маленькая принцесса* – глосс матери. Она помнит ее запах, ее руки, ее тепло. *Ты – мое сокровище.*

Девятый шаг. Мертвые глаза жены Ситко. Они голубые, как небо. Мертвые глаза ее матери. Они карие. Но выражение этих глаз одинаковое: *Кто же теперь позаботится о моем ребенке?* Вот что спрашивают эти глаза, вот какой страх застыл в них.

Десятый шаг. Прошлое и настоящее смешиваются, ураганом налетают на нее.

Позаботься о моем сыне, говорят ей мертвые глаза женщины, которую она убила на яхте.

Поздравляю, ты теперь номер 1, самый дорогой киллер в нашей необъятной родине – Пророк.

Ты рождена убивать, это твое призвание, не борись с ним, ты – хищник. А разве может хищник не проливать кровь? – Голос того, кого она уже почти не помнила, или старалась забыть.

Вкус крови и поцелуя под луной. Кошмарные секунды в морге, где она опознавала свою мать, стоя посреди этого холодного кафельного царства в своем нежно-розовом выпускном платье. Лица всех тех, кого она отправила на тот свет за свою долгую карьеру. Чувство триумфа, потери и раздирающее чувство вины, когда все эти лица, сливаясь, превращаются в крошечное улыбающееся лицо малыша.

«Единственный способ уничтожить чувство вины – искупить ее», – говорит голос в ее голове.

Все смешивается и налетает на ее рассудок, как торнадо из образов и картинок. В голове возникает громадный образ весов, где на одной чаше лежит все ее прошлое от 16 лет, все те надежды, что так и не сбылись, ее карьера, ее ценности, ее свобода, ее ненависть, ее эгоизм, ее злость и боль... А на другой – возможное будущее, чувство вины, одиночество, все то тепло, которое она когда-то получила, вся нежность и любовь, которые дарила ей мама, здесь лежала та ее часть, которая позволила красивому незнакомцу поцеловать себя под полной луной, верящая, что даже для нее найдется пара, здесь же все то, что она считала правильным, то, что люди

называли совестью, а она – **правдой**. И правда такова, что пришло время выбрать. Огромные веса пришли в равновесие, а потом...

Одиннадцатого шага не было. Крикнув, как раненный зверь, Фатима повернулась и побежала назад, забыв обо всем на свете. Плевать на прошлое и будущее, плевать, если кто-то видит ее сейчас, в эту секунду ей было плевать на все, кроме одного – ребенка.

– Я никогда не отдам тебя, – горячо зашептала она, рухнув на колени рядом с коробкой, – никогда, слышишь, никогда никому не отдам. Ты мой, только мой, мой малыш, мой сладкий маленький малыш. Никогда не отдам. Никому.

Даже не думая о последствиях, она вытащила его из коробки и прижала к себе, ощущая нечто вроде эмоционального цунами.

– Мы с тобой будем вместе, – шептала она, закрыв глаза и прижимая ребенка к себе, пока он только хныкал. – Вместе до самого конца, мы больше не расстанемся, я больше не буду такой душой, обещаю. Теперь только ты и я.

Сидя прямо на холодном асфальте, она покрывала поцелуями его уже начинающее кривиться личико и крепко прижимала к груди. Может, прошли бы часы, но малыш, разбуженный этим внезапным порывом нежности, громко заплакал, чего и следовало ожидать, уже вторую ночь с ним происходили странности.

Это действовало как ушат ледяной воды. Пора уходить, поняла Фатима и вдруг страшно устыдилась собственной беспечности, вот так придет конец если не ей самой, то уж ее карьере точно. В том мире, в каком она живет, стоит потерять хоть на секунду бдительность или поддаться эмоциям, и ты труп.

Значит, придется быть вдвойне осмотрительной, твердо ответила она голосу в голове, *потому что отныне нас двое.*

– Тише, малыш, – прошептала она, одной рукой прижимая его к груди, а второй поднимая коробку и швабру, – сейчас мы отсюда уберемся, если получится, по-тихому, а нет, так...

Она не закончила, решив, что не надо ему слышать про то, что его новая мама собирается делать, если из этой двери сейчас кто-нибудь выйдет. А ведь всего пару минут назад она всерьез рассчитывала, что кто-то появится из номера 18, более того, этот кто-то мог стать новой семьей ее малыша. Да-да, ее малыша. Теперь она без опаски и совершенно открыто могла называть его так, и это было бесконечно приятно.

Даже от себя прятаться – удовольствия мало, подумала она, отгоняя назойливые и пугающие мысли о будущем. Не сейчас, об этом она подумает позже, а пока надо как можно быстрее убраться с этого холодного сырого воздуха. Из номера 18 никто так и не появился, даже занавески не дрогнули, что позволяло думать о том, что обитатели либо смотрят телик, либо в душе, либо нашли себе более веселое занятие.

Как только дверь ее номера захлопнулась за ней, Фатима почувствовала такое облегчение, какого еще не испытывала, она чувствовала себя тигрицей, нашедшей укромную нору прямо под носом у браконьеров, чтобы укрыть там своего тигренка. Обшарпанный номер казался теперь уютным и родным. Так и не зажигая свет в спальне, она поставила коробку на место и села на кровать, ребенка надо было успокоить и снова уложить спать. А у нее еще дела на эту ночь, в детском лагере ее по-прежнему ждала ее «пуля», которую надо было утопить, пока та не утопила ее.

– Ну не плачь, – начала шептать она, залезая с ногами на кровать и укачивая малыша, – теперь уже все позади, теперь у тебя начнется новая жизнь, и у меня, кстати, тоже. Нам придется привыкать друг к другу, а у меня характер не сахар, предупреждаю заранее. Но одно могу тебе гарантировать: я буду любить тебя, заботиться и никому не дам в обиду, это я тебе обещаю. Теперь мы с тобой семья, семья, понимаешь? И я сделаю для тебя все, потому что *теперь я – твоя мама.*

Это слово резануло слух, и она еще раз повторила его, потрясенная и до конца еще не верящая, что все это происходит на самом деле. У нее не было слов, чтобы описать то, что творилось в ее душе, и она была твердо уверена, что ни в одном языке мира их тоже не будет. И еще она знала совершенно точно, что поступила правильно, и это испугало все.

– Я – твоя мама. – Медленно повторила потрясенная Фатима, словно привыкая к этому слову. – Твоя мама.

Да, жизнь поистине непредсказуема, думала она, глядя на уснувшего на ее руках малыша, то, что ты никогда не можешь предположить и даже считаешь невозможным, тем не менее случается. Мир – это скопище чудес, где наемный убийца может приютить осиротевшего по его вине малыша; это мир, где выпускной вечер может превратиться в похороны и явиться стартом в ту жизнь, о которой не было даже мыслей; это мир, где всего один поцелуй может лишить покоя навеки; это мир, где каменные сердца вдруг начинают кровоточить, где люди, общающиеся каждый день, даже не знают, кто их собеседник. Это удивительный, прекрасный и ужасный мир, но точно не скучный.

Малыш уснул почти сразу, сейчас было его время спать, а в детстве организм еще не расшатан настолько, чтобы не брать то, что положено ему, но Фатима не спешила класть его обратно в коробку. Причина была простой, и теперь она могла смело признаться себе в этом – ей было приятно держать его на руках, приятно осознавать, что в этой комнате, такой тихой и темной, все-таки есть жизнь. Приятно было знать, что она не одна, пусть этот комочек не мог еще говорить и понимать что-то, но он был живой, теплый и улыбался ей, и пока ни в чем другом она не нуждалась.

Стараясь не потревожить его, она потянулась за ноутбуком, лежавшим на подушке, пора бы и выйти на связь, клиенты, наверное, уже сошли с ума от желания знать, жива ли она, и стоит ли перечислять вторую половину гонорара.

– Еще как жива, – прошептала она, включая ноутбук, – и теперь деньги мне нужнее, чем всегда, теперь я мать, которой надо кормить ребенка.

Освещенное белым светом монитора, ее лицо походило на лицо каменной статуи, красивое и страшное одновременно. Денег у нее хватить на три жизни, но так ново и интересно было примерить на себя роль матери. Теперь эта роль к ней прирастет, что ж, она совсем не против.

Клиенты желали знать, что с ребенком, подумав, Фатима начала печатать ответ одной рукой, на другой покоилась головка того, о ком сейчас беспокоилась вся страна. Она ни сказала ни да, ни нет, она заметала следы, и ее ответ как всегда сводился к одному: не ваше дело, я профессионал и сама разберусь, как для меня лучше. Никто не должен знать о том, что у нее теперь есть слабое место. Она поняла, что испытывает огромную потребность защитить малыша, и это было самым приятным, она будет защищать его от всего этого грязного мира, да-да, теперь у нее есть что-то, что она будет защищать до последнего вздоха, до последней капли крови, и это чувство было по-настоящему лучшим.

Однако впереди много трудностей, и главная – кому-то придется сказать, малышу нужны документы, без них перемещаться будет невозможно, а сделать их может только один человек. И ох, как же трудно будет сказать ему об этом, вот и первая проблема. Так же она понимала, что не оставит малыша теперь, а с ним не уедет из города, а уезжать надо срочно. Но тут она уже кое-что придумала, надо только доработать детали. Новая личность как всегда покоилась в чемодане, а малыша можно одеть в розовые одежды, все ведь ищут мальчика, значит, он станет девочкой. Привыкай, дорогой, подумала она и улыбнулась, не отрывая глаза от монитора, с такой мамочкой начинаешь прятаться и маскироваться уже с пеленок, и это еще цветочки.

Закончив переписку и проверив свои счета, Фатима закрыла ноутбук и, довольная, уставилась в темное окно. Она стала богаче, и не только материально. Да, это дело она никогда не забудет, всё в конце концов обернулось лучше некуда. Новых заказов было полно, но она по обыкновению решила взять перерыв, так она делала всегда, поэтому никто ничего не заподо-

зрит. А потом надо будет возвращаться к работе, если она хочет сохранить свое место и по-прежнему быть номером 1.

– Я еще не готова уйти на пенсию, – сообщила она малышу, ей показалось, что в следующие годы она будет тысячи раз говорить ему это, может быть, не всегда так спокойно. – Но когда-нибудь это обязательно случится, ведь у меня теперь есть ты. Только не дави на меня, когда подрастешь, я уйду только тогда, когда посчитаю нужным.

Работать и растить его будет трудно, но не невозможно, теперь она понимала это, теперь, сидя с ним на руках, она вдруг подумала, что у нее получится. Нет, она была в этом уверена. Заказов она будет брать меньше, но ведь профессионалы такого уровня всегда не мелочатся и не частят, так что никаких подозрений, только редкие громкие дела и длинный отпуск, ведь у нее теперь есть семья, которой нужно уделять внимание.

Но было еще кое-что. Теперь, когда у нее есть сын, она должна дать ему имя. Это очень волновало, как будто какие-то ниточки щекотали ее изнутри. Все по-настоящему, все на самом деле и навсегда. Сейчас она назовет его, и старая жизнь, где она была одиночкой, навсегда останется в прошлом.

Как же его назвать? Но ответ она знала. Достаточно было вспомнить голубые глаза и поцелуй под луной, чтобы никакое другое мужское имя не приходило в голову и не казалось бы таким прекрасным. Да и глаза у малыша такие же большие и голубые, как небо.

– Ян, – нежно сказала она и улыбнулась, – теперь твое имя Ян, сынок.

Да, она понимала, что, скорее всего, оно ненастоящее, но это ее не волновало, она знала его как Яна, и запомнила его таким. И все это происходит на самом деле, подумала она и тихонечко рассмеялась. Она уже не помнила, когда чувствовала себя такой счастливой, такой живой, такой *настоящей*. Может, и никогда.

Медленно и осторожно, чтобы не разбудить малыша, она встала с кровати и отнесла его в коробку. Пока так, а потом она купит ему самую роскошную кроватку, но она не станет прививать ему любовь к роскоши, пусть знает все стороны жизни и научится ценить суть, а не внешние атрибуты. Боже, я ведь должна его воспитать, передать ему то, что считаю важным и правильным, подумала она, немного пугаясь от этой мысли, как будто она стояла на пороге огромного нового мира, который ей только предстоит исследовать. И я должна решить, как не испортить его, как вырастить сильным и смелым.

Но одно она решила прямо сейчас – никогда она не станет рассказывать ему о своей работе, то, что она делает – неправильно и недостойно подражания, у каждого свой путь, это ее дорога, но точно не его. Он никогда не узнает, как появился у нее, и никогда не будет убивать, по крайней мере с ее благословения.

Итак, новая жизнь началась, план на завтра у нее уже был, оставались лишь детали. Уехать ей помогут наивные и верящие во все обыватели, женщина с парой синяков, испуганным лицом и ребенком на руках всегда вызывает желание помочь, и это правильно, но иногда на этом можно сыграть, особенно, если спасаешь не только свою жизнь. Все гениальное просто, такой же будет и ее легенда, она сбегает от мужа-деспота в чем есть с маленькой дочкой на руках, не хочет, чтобы дочь видела, как ее мать летает по комнатам, а может, отец доберется и до нее, когда напьется слишком сильно. Она не сомневалась, что это сработает. Конечно, без документов на ребенка она далеко не уедет, но пока ей надо было просто убраться из этого гудящего города и найти тихое местечко. Значит, за работу.

– Спи, Ян, – нежно проговорила она, склоняясь над спящим малышом, – спи, а маме надо работать.

Через 5 минут она уже вышла из номера, переодевшись и захватив с собой пистолет. Ей нужно было спешить, детский лагерь не так близко, а буксир еще нужно утопить, да и поспать еще нужно, она ведь не робот, а впереди много трудностей.

– Маме надо работать. – Повторила она, чувствуя, что будет говорить эту фразу еще тысячи раз. Что ж, да будет так. Улыбнувшись, она быстро прошла через мокрый двор и растворилась в ночном воздухе.

Все прошло даже лучше, чем она могла ожидать. Не прошло и 15 минут, как возле молодой шатенки с бледным испуганным лицом остановился старенький «москвич», за рулем сидел загорелый мужчина 45 лет с грубыми руками и иссеченным ветром лицом. Всё в его облике и машине выдавало фермерского рабочего, а догадку подтверждали два брикета сена, привязанные к багажнику на крыше.

Фатима, правда сейчас ее звали Светлана, села в машину и рассказала свою легенду участливо кивающему мужику, тот так распереживался, что даже предложил отвезти ее домой и «набить рожу этому уроду», ее мужу, от которого она бежит. Она изобразила испуг и ответила, что возвращаться не собирается, нет, ни за что. Предложение пожить у них на ферме она тоже отвергла, сказав, что просто поедет к подруге, родителей у нее уже нет, а потом подаст на развод, как немного придет в себя. Нарисованный синяк и, на самом деле прокушенная, но якобы разбитая губа произвели впечатление.

– Вот мразь, – не унимаясь, причитал мужик, поглядывая на сидящую сзади с ребенком Фатиму в зеркало заднего обзора. – Легко женщину обидеть, меня бы попробовал!

Фатима хмыкнула, руки у этого фермера были как у культуриста, причем мышцы были наработанные, а не для красоты.

– Ничего, больше он меня и пальцем не тронет, – проговорила она, опуская глаза и потирая губу, – синяк уже почти сошел, да и губа – не смертельно. Лишь бы до Анечки не добрался.

«Анечка» весело агукала на руках матери, играя с новенькой красной погремушкой. С собой Фатима везла только одну сумку и в ней, помимо ее спецкостюма и оружия, было еще кое-что, что она так и не смогла выбросить, а потом решила оставить как напоминание о той ночи – пояс Ситко с серебряной бляхой с инициалами. Может, я и выброшу его когда-то, думала она, глядя, как мимо проносятся горы и мелькающее среди деревьев море, а может, не выброшу никогда.

– Славная у вас дочурка, – улыбнулся мужик, он уже успел рассказать ей обо всех своих детях и внуках, она делала вид, что слушала, и даже умудрилась улыбаться в нужных местах, – красавица вырастет, вся в маму.

– Ну что вы, – смутилась Фатима, прижимая к себе ребенка, это был уже неосознанный инстинкт, – надеюсь, она не будет жить как мама.

И это была одна из немногих фраз, сказанных от чистого сердца и не для роли.

– У вас даже глаза одинаковые, – умилялся мужик, – такие большие и голубые-голубые! А вот волосики у нее еще потемнеют.

Он помолчал, а потом серьезно сказал:

– Хорошо, что вы увезли ее от этого уroda, дети не должны видеть такое. Будет трудно, но я хочу, чтобы вы знали: вы поступили правильно. Дети должны расти в любви.

– Да, – согласилась Фатима, крепко прижимая сына к груди, – это точно, дети должны расти в любви.

Вот так в 26 лет Фатима стала матерью.

13

Дело Ситко и пропажа его маленького сына наделали столько шума, что Вадим боялся до конца своих дней слышать его в ушах. А если он в самое ближайшее время не найдет эту суку, которая называет себя Фатимой, то конец его жизни не заставит себя ждать. Почти так и сказал ему полковник Суханов: либо ты в самое ближайшее время дашь голодным людям тушу Фатимы, либо я скормлю им твою. Вот и прелести работы.

Дело Деревко так и осталось только делом на бумаге, хотя даже секретарше было понятно, что там поработала Фатима, было понятно всем, но Фатиму так и не поймали, и хотя на папках стояла большая печать «Секретно. 2-й уровень допуска», что в переводе означало: «Фатима», ни одного ареста так и не было произведено. Ни одной зацепки, эта паскуда как будто растворилась в воздухе. Ей просто невероятно везло, а им просто невероятно *не* везло, но ведь он не мог так сказать полковнику. Поэтому снова бессонные ночи, снова нервы, снова и снова допрос свидетелей, которых почти не было, а если и были, то ничего путного сказать не могли, поскольку ничего не видели. И они не врал, за годы службы Вадим не хуже детектора мог это определять.

И вот он опять оказался на берегу Черного моря, только теперь их поселили не на вилле, а в каком-то занюханном санатории, где краны текли, а из щелей лезли тараканы. Но его это не напрягало, все равно за все время командировки он провел в этом сарае не больше 5 часов, и это за две недели. Начальство и пресса нажимали, приходилось спать где и когда придется, а зачастую вообще не спать, и вот в эти сумасшедшие дни Вадим даже начал любить свою бессонницу. Иногда ему удавалось уснуть на час в машине или прямо за столом в штабе, который они развернули в местном отделении ФСБ, пару раз он даже ночевал в своем клоповнике, и тогда ему явно было не до текущего крана или тараканьих бегов. Все так, работа – вот единственное действенное лекарство от всего.

За эти две недели полковник каждый божий день спускал на него всех собак, напоминая ему ежесекундно то, что Вадим и сам прекрасно знал – он сидит в своем кресле только потому, что лучше других осведомлен о Фатиме, а если толку от него будет не больше, чем от остальных, он снова отправится в общий кабинет и будет бегать как гончая, а не раздавать приказы. Все это Вадим и сам предвидел, думал об этом каждую гребаную секунду своей жизни, видит Бог, меньше всего он хотел назад в общий кабинет, где сидят простые оперативники. Нет ничего хуже, чем вернуться с позором, и если такое произойдет, всем будет понятно, что за захлапленным столом общего кабинета он и останется до конца карьеры. Неудачникам повышения не дают, а в их организации – тем более.

Тиски сжимались со всех сторон: на них давила пресса – читай: на него, ведь он вел это дело – трубя во все трубы о несостоятельности правоохранительных органов, из-за малыша они просто озверели; с другой стороны, просто забодал старый козел, так Вадим называл Юрия Ситко, личность-легенду, который каждый проклятый день орал у него в кабинете и требовал разлепить задницу и найти убийцу сына, невестки и самое главное – обожаемого внука. А вот тут как раз и начинались самые большие вопросы. Убит ли мелкий Ситко или ...? По официальной версии малыш мертв, но это для журналистов, а вот в самом штабе в это пока не верили.

– Скорее всего ребенок найдется в каком-нибудь приюте, – почти сразу, как стало известно о пропаже, заявил полковник, – хотя, может, найдется и в каком-нибудь мусорном баке, или навеки останется в пучине морской. Но я думаю, живой или мертвый, он найдется.

И вот прошел уже месяц, а малыш так и не всплыл, ни в прямом, ни в переносном смысле. После возвращения из Сочи, Вадим и его команда во главе с этим надоедливым козлом Сухановым засели за работу. В самом городе ловить уже было нечего, свидетели опрошены, они как всегда ничего не видели, улики собраны, произвели даже один важный арест, но к Фатиме он опять-таки отношения не имел, зато имел к Ситко и причинам его смерти. Бессонные дни и ночи Вадима много принесли следствию, но не принесли главного – Фатиму. Но полковник, который теперь прилип к Вадиму, как банный лист к заднице, твердо верил, что рано или поздно они ее возьмут.

В Москве их команде выделили отдельный зал для совещаний, оборудованный всем, что только можно пожелать, и там-то Вадим теперь проводил свои дни, заходя туда утром и выходя вечером. Лишь иногда, когда полковник отлучался по делам или доложить начальству о ходе

расследования, они работали каждый в своем кабинете, собираясь в зале лишь на пару часов, чтобы обсудить новые данные или стратегию.

Четырнадцать адских дней в Сочи помогли Вадиму удержаться в кресле главного следователя. А выяснил он действительно немало, правда, ничего из этих шокирующих открытий в прессу так не попало и не попадет, и не только благодаря старшему Ситко и его деньгам, на всем деле стоял гриф «Секретно», а значит, то, что они узнали, не узнает больше никто. Даже Дед (одно из прозвищ Ситко-старшего, данное ему Вадимом) не знал всего, лишь то, что скрыть было невозможно: его сынок по-тихому выстроил за спиной отца свою пирамиду, а кирпичики воровал у папаши, вот вам и семейные узы. Но Вадим уже ничему не удивлялся, люди – грязь, самая что ни на есть грязная и вонючая, на такой работе понимаешь это глубже и быстрее, чем любой философ, и Вадим уже вдоволь в ней накопался, а в этом деле вообще увяз по самые уши.

Они работали совместно с другой командой, те парни занимались наркоканалом, с которым и был связан Евгений Ситко. Ожидались серьезные аресты, но все это пока не очень-то приближало Вадима к его золотому призу – Фатиме, заказчиков пока так и не нашли, а если бы и нашли, никто никогда не видел ее в лицо... Хотя, чем черт не шутит. Все, что они выяснили: наркотрафик из Афганистана успешно кормил Евгения, а в Афганистане этих накробаронов как тут бухгалтеров, там все этим занимаются, это, можно сказать, визитная карточка страны. Ребята из второй команды сокрушались, что Евгений преждевременно откинул копыта и ничем теперь не поможет, команда Вадима тоже переживала, но только совсем по другому поводу – Ситко подох от руки Фатимы, а значит, у них на одну головную боль прибавилось. И над всеми стоял этот крикливый полковник и погонял всех кнутом, поневоле завоешь.

Сегодняшнее утро ничем не отличалось от бесконечной вереницы подобных дней, Вадим собирался на работу, проведя очередную почти бессонную ночь в своей просторной, но совершенно необжитой квартире в новом районе Москвы. Там было тихо и зелено, но все это никак не помогало ему спать, а значит, было совершенно бесполезно. Он переехал в эту красивую многоэтажку уже год назад, но так и не разобрал вещи, на это у него просто не было времени. Он распаковал только самый минимум: кое-что из посуды, кое-что из белья, бритвенные принадлежности, и всё. Телевизор – большая ЖК панель – так и стоял на полу, собирая пыль, диван и кресла бесформенными грудями стояли абы как, все еще затянутые целлофаном, зато рабочий стол занял свое место в первый же день, как и большой шифоньер и гладильная доска – Вадим никогда не позволял себе выйти из дома в неопрятном виде.

Спальня с большим панорамным окном тоже походила на временное пристанище, а не на самое укромное место в квартире: никаких занавесок, из мебели лишь громадная кровать, на которой, как казалось Вадиму, – и как он не раз пробовал, – можно было спать и вдоль, и поперек, и при этом почти не заметить разницы; и тот самый шифоньер, хранящий все его дорогие костюмы, рубашки и несколько комплектов формы, один парадный и два повседневных. Постель представляла собой целое поле смятого тряпья, как будто на этой кровати не спали, а сражались за каждую секунду сна. И так оно и было, за эту долгую-долгую ночь Вадиму удалось отвоевать целых 3 часа сна, и это была большая победа, уж он-то это знал. Хоть сегодня не буду ощущать себя зомби, думал он, в 4 утра принимая душ и готовя себя к очередному «чудесному» дню в круглом зале центрального управления ФСБ.

К постоянной усталости он привык, как некоторые люди привыкают к несильной боли, но дни, когда ему не удавалось отвоевать ни секунды сна, казались ему сплошным серым кошмаром, ему казалось, что кто-то издевается над ним садистским изощренным способом, у него совершенно не было сил, но измученный организм никак не желал отключаться, и хуже всего здесь была отнюдь не физическая усталость, гораздо сильнее добивала усталость умственная. И что самое поразительное, его похожие на разжиженную кашу мозги в такие дни работали ничуть не хуже, он по-прежнему, даже против своей воли, фиксировал и замечал все, все ана-

лизировал и сопоставлял, чувствуя, как в голове ревет на последнем издыхании перегревшийся мотор. Ревет, но не отключается.

Порой в такие дни он мечтал о быстрой смерти, когда-нибудь его мозг все же перегреется, и что-то маленькое лопнет в нем, отправляя Вадима отсыпаться на тот свет. Но такие мысли приходили лишь тогда, когда у него появлялась свободная минутка, либо тогда, когда на совещаниях все снова и снова ходили по кругу, повторяя то, что он давно знал или уже решил для себя. В остальное же время его мозг постоянно работал, выдвигая идеи, прорабатывая их, отбрасывая и выдвигая новые. Он мыслил на четыре шага вперед, думая не только и не столько о конкретном деле, сколько о его последствиях и своем будущем. Ему было плевать на всех этих шишек и просто букашек, которых убила Фатима, но он маниакально охотился за ней, собирая данные по крупницам, потому что у него были свои жизненные планы, а без нее он может их и не осуществить. Это во-первых. А во-вторых, он не любил, когда кто-то превосходил его, не позволял этого никогда и никому. Рано или поздно он всегда брал верх, а в этом случае Фатима должна быть поймана или убита. Потому что никто, особенно баба, не может водить за нос Вадима Канаренко и одержать победу. Никогда.

– Не советую тягаться со мной, сука, – прошептал Вадим, стоя под ледяным душем, – сильно пожалеешь, уж поверь мне на слово.

После душа, чисто выбритый и свежий, Вадим прошел в комнату, служившую ему кабинетом в одних трусах – жара стояла такая, что, казалось, город плавится, как шоколадный домик на солнце. У него был кондиционер, но только в кабинете, нигде больше он не проводил столько времени, чтобы устать от жары. На рабочем столе лежали толстые тома всех дел Фатимы, на самом верху в папке с ярко-красной печатью «Секретно. 2-й уровень допуска» помещалось последнее дело, дело Ситко. Подойдя к столу, Вадим протянул к папке руку, а потом медленно убрал. Его уже тошнило от этих печатных листов, сегодня он опять повезет эту проклятую папку в штаб, где ее опять будут листать и мусолить каждое слово. Вадим уже успел выучить все наизусть, так зачем он опять тянет руку к этой мерзости?

– Рефлекс. – Пробормотал он, стоя перед столом и глядя далеким взглядом на ярко-красные кричащие слова.

Ему незачем было опять листать это дело, все необходимое он давно запомнил, многое внес туда сам, а к тому же, сегодня у него еще будет возможность поковыряться в ней вволю. Положу ее в кейс, решил он, пока не забыл, ведь она вообще не должна была покидать стены управления.

Часы на столе показывали 4:30 утра, у него еще полно времени и вся тишина этих пред рассветных часов, чтобы подумать. А подумать ему надо очень о многом, сегодня у них опять общая работа в этом сводящем с ума круглом зале, полковник опять будет доставать и орать весь день, ребята из наркогруппы в тысячный раз будут пережевывать имеющуюся информацию, так что подумать в тишине он может только сейчас. Не смотря на жару, царящую в квартире и наличие кондиционера только в кабинете, Вадим не захотел оставаться тут, слишком все это напоминало работу, а она итак уже достала его дальше некуда, так что сейчас он хотел просто подумать в спокойной и неофициальной обстановке. Все, что ему надо знать, он знает, все, что надо помнить – помнит, компьютер ему сейчас не нужен, так какой смысл сидеть опять за столом? У него впереди еще очень долгий день посиделок за столом, надо разнообразить свою жизнь.

Подхватив свой черный строгий кейс с электронным замком, Вадим вынес его в прихожую и поставил возле шкафчика для обуви. Все, теперь можно погрузиться в раздумья, потом позавтракать – если, конечно, возникнет желание, обычно после бессонной ночи есть ему не хотелось, но ведь сегодня он все-таки поспал – и ехать на работу. При мысли о предстоящем дне в шумном зале Вадим поморщился, но работа есть работа, и хоть он и предпочитает рабо-

тать в узком кругу, а не собирать толпу и гомонить целыми днями об одном и том же, его пока никто не спрашивает. Но это пока.

– Любая башня строится снизу, – пробормотал он, – даже самая высокая.

Не включая свет, он сначала прошел на кухню, налил себе стакан сока, такого сказочно ледяного в этом адском пекле, а потом неслышно прошел в спальню и встал возле панорамного окна. Оно выходило на восток, и на 18 этаже, где располагалась его квартира, уже было видно светлеющее небо и тысячи огоньков неспящего города. Этот город для таких же, как и он – никогда не спящих, находящихся всегда в движении, подумал Вадим, прислоняясь лбом к прохладному стеклу, похоже, я попал куда следует. Какое-то время он просто любовался видом темной громадины – зеленого массива, парк находился справа от дома Вадима, светлеющим небом и огоньками, а потом незаметно для себя снова погрузился в дело Ситко.

Итак, все началось рано утром, когда этот жирный debil, которого только такой же debil мог нанять охранником, наконец вылез из своей будки и подошел к морю. Вадим мог поставить последний рубль на то, что этот свин всю ночь не отрывал задницу от кресла и пялился в экран маленького телевизора, но тот, естественно, клялся, что как положено делал обход и при этом – поразительно! – ничего не заметил. В общем, жирный охранник, подойдя к причалу, увидел в воде какой-то темный предмет, в котором позже опознали приближенного охранника Евгения Ситко.

– Ну ты-то хоть понял, что это труп? – издевательски спросил Вадим толстяка. Издеваться у него было много причин. – Или решил, что это надувной матрас дрейфует?

Жирдяй ему не дерзил, и правильно делал, не в том настроении был Вадим, чтобы позволять таким недоделанным себе дерзить. Этот придурок даже сразу понял, что пред ним мертвый человек, и что у него теперь будут большие неприятности. И в том, и в другом он не ошибся.

Уже через 20 минут на место прибыла первая оперативная группа ментов, они-то и посетили яхту «Калипсо» первыми, тут же доложив, что она больше похожа не на яхту молодой семьи, а на корабль-призрак. Вот тут-то в дело и вступил Вадим, вылетевший сразу же со своей командой и этим козлом полковником на служебном самолете. Спустя 2 с половиной часа он уже сам ходил по причалу и задавал вопросы, а заодно и задавал жару этим медлительным местным полицейским.

Яхту так и оставили на якоре, добираться до нее пришлось на моторке, позже ее, конечно же, пригнали к причалу, но тогда важно было сохранить все нетронутым. С первых же минут после звонка из Сочи Вадим не сомневался в том, что там поработала его давняя «подруга» Фатима, а задав вопросы и, как обычно, не получив ни одного вразумительного ответа, убедился в этом. Это уже стало ее визитной карточкой, работать без свидетелей, не оставлять ни одной зацепки, ни намек на след, ничего. И снова никто ничего не видел, проверка членов и гостей яхт-парка тоже ничего не дала. Она попала сюда не через парадный вход, это было и ослу понятно, и персоналом, как в прошлый раз, она прикидываться тоже не стала. А зачем? Это место не так уж хорошо охраняется, любой пацан при желании может залезть сюда, просто перемахнув через забор. А камеры... их давно не бояться даже подростки. А она все же профессионал.

Но как она пришла было не так уж важно, важно было другое: как она сумела незамеченной снова по территории, доплыть до яхты, расправиться с целой семьей и – барабанная дробь – как она ушла? Впрочем, на последний вопрос ответ быстро нашелся. С борта «Калипсо» пропали две шлюпки, несомненно, на одной из них она и уплыла. И вот тут возник главный вопрос: уплыла ли она одна или с маленьким сыном Ситко.

И еще, если она ушла по морю, то, скорее всего, таким же путем и пришла, может, даже плыла сама или с помощью какого-то буксира, тогда что же помешало плыть обратно? Этим чем-то мог быть только груз, который она должна была увезти с яхты, это объясняло пропажу шлюпок. Но зачем две? Грузов было много? Или она просто страховалась?

Вадим даже не догадывался, как близок к истине, но предполагал, что пока его теория вполне логична. Одно было ясно, с семьей жертв она не отплывала, это видел и охранник, да и потом, телохранитель Ситко был отличным специалистом, а не каким-то лопухом, перед отплытием он, конечно же, тщательно осмотрел яхту и никого не нашел. Нет, на борту «Калипсо» отплыли четверо, один вскорости оказался в волнах с простреленным сердцем, еще двое валялись на палубе прямо как герои сказки про корабль мертвецов, только вот в отличие от сказки, ночью эти трупы уже не оживут. А вот где 4-й член экипажа, маленький сын Евгения, стало главной загадкой. Как и то, зачем, собственно, Ситко потащил на яхту 4-месячного малыша.

Однако и на это вопрос они вскоре узнали ответ: кто-то угрожал ему, может, даже заказчики, а может, еще кто-то. Там, где такие деньги, дорожки очень узкие, и невольно приходится многие переходить. А наркобизнес вообще сплошные джунгли, так что желать Евгению смерти могли многие люди. Они и не догадывались, что в ту ночь он, и правда, взял на борт жену и сына, потому что боялся их оставлять, не знали, что ссорились они именно потому, что Евгений вынужден был открыть всю правду жене ради ее же безопасности.

Для всех стало большим сюрпризом, когда при осмотре яхты в ящиках с мебелью и всяким хламом были найдены пакеты белого порошка. И никто почему-то не верил, что это сода или сахарная пудра. Может, Фатима увезла часть наркотиков? Хотя на вид, вроде, ничего не пропало, товара тут было столько, что, продав его, можно было запросто поднять экономику какой-нибудь небольшой страны. Следствие сошлось на том, что если это и была Фатима, то шлюпки она использовала для перевозки кокаина, побочный заработок, так сказать.

А может, это была и не она, а просто война наркокланов, кто-то знал о грузе и решил немного поживиться или просто сорвать поставку. Так или иначе, но пока кокаиновая ниточка – единственное, что крутилось в этом деле. Обнаружив груз, нетрудно было понять, что его везли в море для того, чтобы передать кому-то, вот тут-то в дело вступила вторая группа, работающая теперь с командой Вадима. Очень помогла местная база данных всех наркоторговцев, их принялись быстренько проверять, но никто с Ситко не связывался, хотя многие знали, что он вел такие дела.

Для его отца было настоящим откровением узнать, что в разлетающихся по всей стране стройматериалах его сынок успешно транспортирует кокаин, травку и опиаты. Вот вам и кирпичики, подумал тогда Вадим, с интересом и легким презрением глядя на выпученные глаза и напряженное лицо Юрия Ситко, настоящий сын строительного магната, и сам умеющий строить на крепком фундаменте.

Итак, некоторых особо осведомленных коллег Ситко-младшего пришлось хорошенько прижать, и вот тогда всплыло имя. Этого маленького толстячка с вечно засаленными кудряшками начали искать и объявили в розыск. Они не знали, что, включив утром телевизор, перед тем, как отплыть на встречу, этот гномик в новостях увидел своего партнера, он произвел настоящую сенсацию тем, что умер. Вернее, ему помогли умереть, а это серьезно меняло дело. Если бы Евгений умер во сне от инсульта или еще чего, Рамон – так называли этого смешного человечка – просто залег бы на дно, а потом нашел нового партнера, но его убили, значит, порвать когти, пока и за тобой не пришли. Он ведь понятия не имел, что дело тут совсем не в Сочинских делах Евгения, поэтому вместо того, чтобы сесть в свой маленький ржавый катер и плыть в открытое море на встречу, Рамон просто собрал вещички, достал из-под половицы свои накопления и пустился в бег. Жил он прямо на берегу в строжке смотрителя пляжа, эту должность он занимал уже 20 лет и все эти годы успешно совмещал два дела.

Беглого смотрителя задержали на границе с Абхазией с целой сумкой, набитой долларами и евро. Его арестовали, но ничего внятного по делу Фатимы не добились, бедный гномик даже понятия не имел, что он в этом деле вообще не фигурирует, и сильно расстроился, что со

страху подался в бега и попался, а не залег на дно. Но кто же мог знать, а в таком бизнесе надо бояться каждого шороха.

Дело по наркотикам крутилось, но Вадима это не особо интересовало, его заботой была Фатима и пропавший ребенок. По их версии охранника убили первым – это итак было ясно, как Божий день – потом, скорее всего, на борту началась настоящая драка, вероятнее всего, за малыша. В каюте, где жили Ситко с женой, царил настоящий разгром, но отпечатков не было, хотя Вадим и не сомневался, что она их не оставит.

Итак, они дрались. И неужели двое, в том числе, один мужчина, не смогли справиться с одной женщиной? Может, Евгения она убила сразу, а потом пошла внутрь, и началась драка с матерью малыша? Тут она, конечно, одержала верх и, наверное, схватила ребенка и выбежала на палубу. Зачем? Может, чтобы утопить его на глазах у матери? Полковник не исключал такую возможность:

– Фатима не человек. У нее нет жалости, – говорил он, – она сумасшедшая садистка, я таких повидал, они не просто убивают, они ловят кайф. Так что, может быть, она решила поразвлечься и устроить маленький концерт.

Может быть. Но Вадим в это не верил, психи неуравновешенны, поэтому рано или поздно губят сами себя, Фатима же уже много лет имеет их всех, и до сих пор даже не опознана. Нет, она не псих, хотя определенные отклонения, конечно же, есть, кто с этим спорит. Вадим промолчал, но для себя решил: что бы ни произошло на яхте, кайфа в этом не было... ну или было по минимуму. Во второй каюте они нашли детские вещи, ничего вроде не пропало, хотя кто теперь мог сказать, что там было, а чего не было. Бутылочки, подгузники, все вроде как всегда, кроме того, что пропал ребенок. Может, она выкинула его за борт, но тогда где же его труп? Скорее всего, она увезла его на шлюпке, используя буксир, на котором добралась сюда. Но зачем?

– Может, для того, чтобы утопить в море, – предположил полковник тогда, глядя ледяными голубыми глазами на волны, – а еще более вероятно, в качестве трофея. Как доказательство того, что семья мертва, у наркомафии такое вполне может быть. Так или иначе, я не верю, что бедный малыш жив.

А вот Вадим верил. И не потому, что ради спокойствия Юрия Ситко его искали по всем приютам и больницам. Нет, он чувствовал, что ребенок жив, как чувствовал иногда засаду или кого-то, подкрадывающегося сзади. Интуиция, без нее в органах делать нечего. И прогуливаясь по опустевшему борту «Калипсо», – трупы, конечно же, давно увезли – Вадим словно видел, как черная женская тень выносит из каюты малыша и, закутав его в одеяло, увозит на шлюпке. А это означало, что у нее теперь есть уязвимое место.

Конечно, Вадим не мог знать, отдаст она его, или утопит, или просто бросит в канаве. Как не мог знать и то, что в этой развороченной комнате Евгений кричал жене, что не жалеет о сделанном, что вкалывал с 18 лет на отца не для того, чтобы в один прекрасный день тот сказал: «Подвинься, Женя, братья подросли». Он не знал, что Евгений очень гордился империей, которую выстроил сам, империей, над которой не нависает ненавистная тень отца, империей, которую не придется делить. Он не знал, что в тот момент, произнося эти слова, он был так похож на чудовище, что его жена не выдержала и начала кидать в него всем, что попадалось под руку, совершенно забыв, что в соседней каюте спит их маленький сын, и что скандал разбудит его. Он не знал, что она боялась, боялась, как никогда, за себя и за сына, да и за мужа, которого все еще любила, поэтому она так кричала и швыряла в него все эти вещи, пока малыш в конце концов не проснулся и не начал орать. Детский плач отрезвил ее, она уложила малыша в развороченной комнате, убрать она могла и потом, и, придя в себя, вышла на палубу, чтобы продолжить разговор с мужем там, где они не смогут разбудить малыша.

Всего этого он не знал, и никто никогда не узнает, но одно он знал твердо – ребенок жив. И пусть сейчас, спустя месяц, сторонников у этой теории почти не осталось, Вадим своего

мнения не изменил. И было еще кое-что, чем он предпочитал не делиться – не убив ребенка сразу, Фатима не сделает этого потом, а если его не нашли в городе живого или мертвого, это означало только одно: на день или навсегда, но она оставила его при себе. Все эти разговоры про трофей и наркомафию он считал киношным бредом, хотя бы потому, что как бы она передавала ребенка, когда ее никогда никто не видел в лицо? Да, она могла его оставить в условленном месте, нанять курьера, да куча вариантов, но суть в другом – Фатима уже давно вышла из того статуса, когда работают на доказательства. Она ничего и никому не должна, она уже давно все доказала, поэтому работа всегда идет на ее условиях, а такое унижение с доказательством выполнения работы она бы и слушать не стала. Да никто и не стал бы предлагать *ей* такие условия. Нет, что бы она ни сделала с малышом, делала она это только по собственному желанию.

– И он все еще с тобой, – прошептал Вадим, глядя на прекрасный летний рассвет. Сок он давно выпил, и теперь в подтверждение своих слов дважды стукнул пустым стаканом по стеклу, – ты не смогла его убить, не сможешь и отдать. Я чую это. Я знаю.

Прокрутив в голове еще раз все это расследование, он снова убедился в своей правоте. И это принесло почти фантастическое облегчение. У него даже появилось желание поесть.

– Теперь ты не одна, – тихо проговорил Вадим, хищно улыбаясь восходящему солнцу, – а значит, теперь у тебя есть уязвимое место. И я ударю в него в самый неожиданный момент. Я достану тебя, паскуда, чего бы мне это ни стоило. Рано или поздно, но я тебя достану, клянусь.

Постояв еще немного, он достал из шкафа форму и начал одеваться, впервые за несколько дней думая о том, что он съест на завтрак. Ему нужны силы, впереди у него большая охота. И ничего, что сегодня будет просто очередной трудный день в этом чертовом зале, ничего, главное то, что у него есть уверенность и есть цель. Цель, которая хоть и не стала ближе, но стала достижимее.

А за окном вставало солнце, освещая золотым светом небо и парк возле дома, как будто предрекало восход и ему.

Глава 2

1

Боже, как она танцует! Какое идеально тело, гибкое, сильное, пластичное. Какой экзотически-красивый цвет кожи, и как же гармонируют с ним пепельно-золотистые волосы, летающие как шелковые нити за резкими поворотами головы их хозяйки. Да, эта девушка прекрасна, как богиня. Точеная фигурка извивалась и плавно перемещалась по сцене, освещенной софитами, каждая ее клеточка играла и вибрировала в такт музыке, завораживая всех присутствующих и погружая их в какой-то волшебный транс. Даже жаль уничтожать такую красоту, но, похоже, выбора не остается.

Фатима сидела в первом ряду столиков в одном из самых дорогих клубов Краснодара, сегодня она не таилась, не притворялась и не играла роль, сегодня она была собой, и практически все время, пока она не следила за танцем прекрасной девушки, ее мысли были заняты оставшимся дома маленьким Яном. Сейчас он, конечно же, спит, малыши 2-х лет уже не капризничают по ночам, но все еще спят много. Яну еще не исполнилось 2, но до этого дня оставалось совсем ничего, сейчас уже середина декабря, а 5 февраля малышу стукнет 2 годика. Золотое время, подумала Фатима, внимательно следя за всеми движениями и манерами танцовщицы, вот пройдет еще пара лет, и мне придется как-то объяснять ему, куда и почему уходит мама, и зачем нам так часто переезжать. Но до этого времени надо еще дожить, а пока у нее есть дело, впервые за полтора года такое серьезное, раньше она не могла себе позволить такие трудные дела. После того, как в ее жизни появился маленький Ян, ей надо было как-то к этому привыкнуть. А это оказалось очень непросто. Зато ее жизнь наконец наполнилась смыслом, и хотя профессию она не бросила, боль, двигавшая ею все эти годы, как-то поутихла и даже почти притупилась. А это стоило ночных пробуждений и постоянной усталости от растущего малыша. И еще она очень его полюбила, по-настоящему и сильно, как родная мать. Кто бы мог

подумать? Да она сама свято верила в то, что с детьми у нее ничего никогда не получится, они всегда раздражали ее, но только не Ян. Да, жизнь поистине непредсказуема.

Но с ребенком или нет, а она по-прежнему держалась номером 1 и не собиралась сдавать позиции, она могла совмещать две стороны своей жизни, по крайней мере пока. Первый крупный заказ после убийства Ситко она решила взять в ноябре, сразу после своего 28-летия, так сказать, сделала себе подарок. Дело было трудное и непростое, и кроме нее вряд ли кто смог бы его выполнить. А она могла. Конечно, она видела трудности, но также видела и пути их решения, поэтому дала согласие и уже в конце ноября переехала с сыном в Краснодар. Сейчас была уже середина декабря, и до Нового года она планировала закончить это дело, чтобы отметить второй Новый Год со своей семьей как положено.

И как же приятно было думать об этом! Сниму маленький домик где-нибудь в глуши, может, даже в горах, думала она по вечерам, укладывая сына спать или купая его, нарядим елку, накупим вкусностей. Конечно, пока Ян маленький ему все равно, где отмечать, он даже не понимает, что собственно они отмечают и почему, а вот потом придется пустить корни. Мысли о покупке дома преследовали ее все чаще, и это тоже было чертовски приятно. Главное, решить, где и когда пустить корни и как совмещать работу со своей новой жизнью. Раз смогла сейчас, смогу и потом, думала Фатима, возясь с сыном, в конце концов, у меня уже будет свой дом, куда я смогу вернуться, свой угол, где не будет больше казенных простыней и занавесок, все будет домашнее, мое, как мне нравится.

Да, впервые за долгие годы она мечтала и строила планы, впервые она чувствовала себя живой, и все благодаря этому малышу. Они часто переезжали, и всегда она находила для них уютное место и тихий район, а когда ей надо было идти по делам, всегда находилась сердобольная соседка, готовая посидеть с малышом бедной одинокой женщины, вынужденной работать почти круглые сутки, чтобы прокормить себя и сына. Эта история всегда действовала безотказно, и никто даже не мог подумать, чем эта милая молодая мама зарабатывает себе и сыну на жизнь.

О да, маскироваться она умела, некоторые пожилые няньки Яна даже пускали слезу, слушая о непростой судьбе такой молодой и сильной Светы, Вики, Оли, много имен и много образов сменила Фатима, но все они были похожи, и все работали четко, как часы. Ян тоже хлопот особо не доставлял, у него было железное здоровье и ангельский характер, он много смеялся, и почти всегда улыбка не сходила с его смешного пухлого личика. Он вырастет красавчиком, часто думала Фатима, глядя на большие небесно-голубые глаза сына, девчонки за ним толпой ходить будут, и, если характер у него не изменится, это будет идеальный мужчина. В такие минуты ее наполняла гордость, хотелось выйти и рассказать всему миру, какой замечательный у нее малыш, и это тоже было так ново и необычно и так приятно! Она души в нем не чаяла, у него всегда были самые лучшие игрушки, самая красивая одежда, тогда как сама Фатима могла ради очередной истории вырядиться в тряпье и придать лицу нездоровую бледность, ей было все равно, но ее малыш не мог носить абы что. И это тоже добавляло убедительности ее образу и вышибало слезу у сентиментальных тетенок.

В Краснодаре они снова поселились в тихом спальном районе, сняли квартиру в 16-этажке на 5 этаже, хотя обычно Фатима предпочитала дома. Но в этом деле прятать ей будет нечего, никакого оружия, никаких механизмов и приспособлений, вызывающих вопросы у обывателей – только она, ее костюмы и ее маленький сын. Здесь она была известна под именем Мариям, история как всегда печальная – она забеременела от русского парня, отец-армянин не вынес позора и выгнал ее из дома. Но это было не страшно, они любили друг друга как Ромео и Джульетта, а потом вдруг ее молодой муж умер, разбился, проведя за рулем почти сутки он, конечно же, уснул. А работал так много он, разумеется, для того, чтобы обеспечить семью. Деталей по обыкновению было много, Фатима знала, что живой историю делают именно мелочи, поэтому была так внимательна к ним. После смерти мужа она вынуждена была сама

заботиться о сыне, образования у нее, естественно, не было, но она с детства ходила на танцы и неплохо умела это делать, вот и решила зарабатывать тем, что у нее хорошо получается. Конечно, приходится часто переезжать, говорила она, ведь работа в клубах она такая, сегодня здесь, завтра там, зато она могла обеспечить себя и сына.

– Но я не стриптизерша, – всегда делала акцент она, – сын не простит, когда вырастет, а я хочу, чтобы он мной гордился.

История была безупречной, так Фатима позаботилась и о голубых глазах Яна, и о своих ночных вылазках, и о репетициях в пустой спальне снятой ею квартиры. Да и то, что они все равно скоро уедут, тоже не вызовет вопросов. Она как всегда все продумала, до мелочей.

– Вы такая красивая девушка, – говорила соседка, 57-летняя находка для Фатимы, – неужели у вас нет женихов?

– Нет желания, – отвечала Фатима, опустив глаза, – у малыша был и будет лишь один отец, которого я все еще люблю.

И это было чистой правдой, как и то, что малыш должен ею гордиться. Ну и, конечно же, это добавляло ей очков, тетя Паша, так представилась новая нянечка Яна, просто недоумевала, как такую добрую, порядочную и красивую девушку отец не пускает домой. Дикие племена, да и только!

Итак, обустроившись в Краснодаре, Фатима начала заниматься делом. И, детально изучив все возможные варианты, пришла к древнему как мир выводу: лучшие оружие то, в котором оружия не видят – женщина и ее красота. А уж это оружие в ее арсенале было. Изучив образ жизни объекта и получив данные на него, Фатима поняла, что подобраться к нему можно лишь в образе сексуальной красотки. Объект охраняли так, что никто не мог приблизиться и на 5 метров без того, чтобы его не обыскали. Глава кавказской мафии боялся за свою жизнь и тщательно ее охранял. Но у мужчины всегда есть слабое место – женщина, именно поэтому это дело могла выполнить только она.

И как это сделать, она тоже поняла очень быстро, поэтому и сидела сейчас в самом первом ряду, поближе к сцене, где танцевала и гипнотизировала красотой ее «волшебная палочка», ее пропуск за кордон охраны в интимную обстановку, туда, где она сможет убить похотливого мафиози чисто женским способом. Да, такого интересного дела у нее еще не было.

– У меня смертельные чары, дорогой Артур, – шептала она, танцую в пустой комнате, пока малыш спал или возился в манеже, – ты точно не устоишь.

И она заливалась смехом, в котором слышалась жажда крови и коварство, в пустой комнате за закрытыми дверями она могла себе это позволить.

Красотку Азию она увидела чисто случайно, болталась по Краснодарским клубам, приглядывалась, узнавала обстановку. Ей надо было как следует поразмыслить над тем, как и в каком образе подобраться к охраняемому объекту, она уже пару раз видела его, бывала в одних с ним клубах и ресторане, и всегда ее при входе, как и остальных гостей, независимо от статуса и положения в обществе, обыскивали с головы до ног. Ее тогда даже поразила настойчивость охраны, требующей расстегнуть даже крошечную дамскую сумочку. Да, о том, чтобы что-то пронести в помещение, где находился Артур Абрамян, и речи быть не могло. Вокруг него как живой щит постоянно стояли 4 охранника, ел он или сидел на диване в дорогом клубе, они ни на шаг не отходили от него, сопровождая хозяина даже в туалет. Может, они за него и ширинку расстегивают, раздраженно думала Фатима, понимая, что никак не пронесет оружие туда, где будет ее объект. И вариант с предварительным размещением оружия тоже не годился, во-первых, все тщательно обыскивали; во-вторых, открой она пальбу посреди клуба или ресторана, ее скорее всего убьют, все-таки 4 против 1, а подойти близко с оружием не получится. Значит, надо искать другие варианты, благо, с фантазией у нее все было в порядке.

Как подойти к нему она поняла сразу, так близко он может подпустить только женщину, но как его убить? Да и не всякую женщину такой старый опытный лис подпустит к себе на рас-

стояние удара, он слишком осторожен и не станет верить каждой незнакомке подряд. Значит, надо найти ту, которую он не побоится пригласить в интимную обстановку. О том, как лишить его жизни и при этом не лишиться ее самой, Фатима думала не переставая, но пока на первый план вышел поиск кандидатуры.

И вот однажды, сидя в центре зала в одном из дорогих клубов Краснодара, Фатима нашла то, что искала. Скучающим взглядом она провожала одну за другой ничем не примечательных красоток и танцовщиц, пока вдруг свет в зале не погас, оставив их в загадочной темноте, зажглись только две неоновые лампы на сцене-подиуме.

– Дамы и господа! – объявил повелительный и торжественный голос, – только сегодня в клубе «Арт-драйв» для вас танцует лучшая в своем деле. Несравненная. Гипнотическая. Убивающая красотой. Богиня танца-а А-а-азия! Встречайте!

Зал взорвался аплодисментами, а потом под вкрадчивую музыку на сцену выплыла точечная фигурка, закутанная в золотую ткань. Словно не прикасаясь ногами к сцене, она доплыла до середины и застыла. Музыка тоже смолкла. Несколько секунд стояла абсолютная тишина, никто даже не разговаривал, все наблюдали за сценой. Фигурка остановилась, свет погас полностью. И вдруг как громовой раскат зазвучал четкий медленный бит, резко зажегся прожектор напротив сцены, осветив закутанную в золото танцовщицу, и как только послышался первый удар и свет выхватил ее из темноты, она резким движением развела руки, словно выпрыгивая из своего золотого кокона. И это была поистине райская бабочка.

Завороженная Фатима следила вместе со всем залом за четкими волнующими движениями красавицы с кожей цвета молочного шоколада, длинными шелковыми волосами, выбеленными, как у эльфов из сказочных фильмов, и просто шикарной фигурой. Узкую талию подчеркивали низкие шаровары из той же золотой ткани, красивую грудь поддерживал золотой лиф с многочисленными украшениями, на шароварах тоже болтались и звенели побрякушки, а длинные ноги четко и грациозно двигались на высоченных каблуках. Азия танцевала с платком так, будто он был ее частью, извиваясь и грая своим идеальным телом, сводя с ума мужчин и вызывая зависть женщин. Никого красивее я не видела за всю жизнь, подумала Фатима, пораженная красотой и грацией танцовщицы, она действительно двигалась как богиня танца, простой смертный ни за что не смог бы так чувствовать музыку и словно пропускать ее через себя.

Восхищенная Фатима не знала, сколько времени прошло, но когда девушка на сцене в очередной раз замерла, свет погас, и в полной темноте раздались первые хлопки, превратившись в громовую овацию, когда свет в зале включили. Люди хлопали и кричали так, что Фатиме показалось, волна этих оваций сметет со сцены хрупкую фигурку, или стены здания не выдержат и треснут. Но Азию такое приветствие только радовало, она вытянулась стрункой и, раскинув руки в стороны, как будто впитывала энергию восхищенной толпы. Минуты три грохот аплодисментов не стихал, а потом вмешался конферансье и начал успокаивать толпу, расхваливая красавицу Азию. На прощание она изящно взмахнула платком, за движением руки последовало все тело, и скрылась за кулисами.

– Да, после такого сложно прийти в себя, – сообщил конферансье, вытирая несуществующий пот со лба белоснежным платком, – поэтому скажу коротко: медленный танец.

Люди стали разбиваться по парам, а Фатима просто сидела и улыбалась. Она нашла свой пропуск в закрытый мир Артура Абрамяна.

С той ночи она следовала за Азией как самый преданный поклонник, не пропуская ни одного выступления и тщательно следя за каждым ее движением и за манерой поведения. Конечно, стать ею будет непросто, но она никогда и не бралась за простые дела, и нет ничего невозможного для того, кто хочет и может работать. Одно оставалось выяснить: когда две дорожки пересекутся в ключевом месте, чтобы самой быть там. Это Фатима выяснила без труда. Заметив, что Азию на каждом выступлении сопровождает один и тот же мужчина, она как-то подошла к нему, пока Азия передевалась в гримерке, а этот тощий похожий на пародию

на гомосексуалиста стручок пил в баре. Она подсела к нему и, представившись арт-директором дорогого Ростовского клуба, спросила, когда Азия сможет выступить у них, и вообще, в какие дни в каком из клубов ее можно будет увидеть.

– Босс хочет ее сам увидеть, – пояснила она, – убедиться, так сказать, что она и правда так великолепна, как говорят, на открытии все должно быть по высшему разряду, сами понимаете.

– Я такого клуба не знаю, – удивился тощий мужичок, по его жестам и повадкам было невозможно представить, что в своей пестрой жизни он любил хоть одну женщину.

– Конечно, не знаете, – кивнула Фатима, ничуть не смутившись, – пока не знаете, но скоро о нас узнают все. Мы просто еще не открылись. Поэтому, собственно, я к вам и обращаюсь, клубу такого уровня нужен мощный старт. Азия – это то, что может его обеспечить. За ценой мы не постоим, хозяин готов платить, сколько скажете, только бы она танцевала на открытии. И не один танец, вы меня понимаете.

– Понимаю, – противным гнусавым голосом ответил он, – она восходящая звезда, она сейчас нарахват, нас и в Москву зовут, и в Питер, а танцует она столько, насколько у вас хватает денег. Все просто.

– И я об этом, – Фатима глубоко вдохнула, он начинал ее серьезно раздражать, – денег у нас много, и нам нужна звезда *такого* уровня. Не обижайтесь, но Азия пока не стоит хотя бы половину Тодеса...

– Это пока! – тут же взвизгнул мужичонка, поднимая наманикюренный палец и выстав-ляя его вперед.

– Короче, пока не пока, мое дело узнать, будет ли Азия танцевать на открытии, а ее статус или будущее меня, если честно, не сильно волнуют. На Киркорова у нас денег нет, да и молодежи он не нужен, но у нас выступают некоторые звезды, и Азия стала бы прекрасным украшением вечера. Но если вы так заняты, мне придется искать кого-то другого.

– А кто из звезд у вас будет? – тут же оживился тощий представитель Азии. Еще бы подумала Фатима, не такая уж звезда твоя Азия, чтобы так выдолбываться. Будь она и правда такой уж знаменитой, Фатима не смогла бы выдать себя за нее. Но она верила, что эта красотка может добиться славы, вполне может, но не судьба.

– Ну, достаточно громких имен, – снисходительно улыбнулась она, – начнем с группы «Фабрика», продолжим Димой Биланом и еще кое-кто. Ну и Азия, если, конечно, она не занята.

– Число, – тут же стал шелковым мужичок, – но вы ведь правила знаете: оплачиваете нам дорогу и проживание. Это я так, на всякий случай упомянул.

– Добираетесь сами, а мы вас встречаем и размещаем. – Безапелляционно заявила Фатима, – 27 декабря она должна выступить и взорвать «Эллизиум». Ну так как?

Мужичок поставил свой бокал на стойку и начал рыться в кармане обтягивающих его, как бабу, джинсов. На каждой тощей руке у него было навешано не меньше трех браслетов, дешевые перстни, подделка под золото и рубины с такими же фальшивыми бриллиантами украшали его ухоженные пальцы. Ничего, кроме отвращения он у Фатимы не вызывал, и она искренне поразилась, как такая на самом деле талантливая и красивая девушка как эта Азия могла спутаться с таким недоноском. Хотя, может, ее привлекло то, что спать с директором не надо, в этом случае бояться стоило парням.

– Итак, – прогнусавил он, вытащив из заднего кармана блокнот, принявший уже привычную ему форму задницы своего хозяина, – что мы имеем. Какого числа, вы говорите у вас открытие?

– 27-го.

– Ага, 27-ое. – Он начал листать страницы. Подвинув блокнот поближе к фонарям на стойке бара, разглядеть что-либо в красно-сине-зеленом свете было просто невозможно. – Так, с 15-го по 19-ое мы в Краснодаре и окрестностях, потом едем в Ростов, потом в Ставрополь.

Между прочим, 24 мы выступаем в Москве в «Метелице», а вы говорите: «...и половины Тодеса». Ага, вот и 27.

Он замолчал, скорчив ужасную гримасу сожаления. А вот Фатима напротив была очень рада, она сразу поняла, что значит это выражение лица.

– О, мне так жаль, – начал гнусавить директор Азии, – но на это число у нас уже запланировано выступление в «Трех Китах». Мне очень жаль, заманчивое было предложение.

– Ну так примите его, – для вида настаивала Фатима, прекрасно зная, что он никогда этого не сделает, – мы заплатим больше.

По напудренному лицу пробежала тень, мужичонка присел и, стрельнув глазами по сторонам, зашептал:

– Да я бы и сам рад, но не могу. Хозяин этого заведения очень крутой человек, ему отказывать нельзя, если хочешь потом и дальше работать. Так что дело тут даже не в деньгах, просто 27-го мы выступаем там и отменить выступление не можем.

– Что ж, понимаю, – закивала Фатима, изображая подлинное сожаление, – но, может, потом вы к нам все же приедете?

– О, с удовольствием!

– И у меня еще один вопрос, – глаза ее сверкнули, – танцует ли Азия приват-танцы?

Она, как и прежде, сослалась на своего босса, который хочет «увидеть ее во всей красе». Ответ ее очень устроил, за деньги Азия танцевала с клиентами, даже раздевалась, но без постели, и это не обсуждалось. Отлично, все складывалось просто отлично! Она узнала точное расписание ее выступлений, а кроме того, узнала, что 27-го Азия выступит в клубе, принадлежащем тому, кого Фатима должна убить. Пока все сходилась просто идеально, две линии пресеклись, а в центре как всегда стояла она. На такую красотку он, конечно же, не сможет не клюнуть, и не побоится подпустить ее к себе, ведь ее все знают, это же восходящая клубная звезда!

Эта часть дела решилась, но оставалось еще много вопросов: надо было еще решить, как проникнуть в клуб незамеченной, ведь там всюду камеры и охрана, как попасть в гримерку к Азии и наконец самое трудное, как убить этого престарелого Казанову и при этом не умереть самой. На все эти вопросы ответов пока не было, но это пока, она как всегда верила, что сумеет найти выход, всегда могла и в этот раз не останется без ответов. А пока у нее есть дело – следить за Азией и научиться хотя бы немного подражать ей, ведь иначе дело провалится.

Так Фатима начала свои походы по клубам, где сидела, скучая до полуночи, а потом жадно ловила каждое движение, каждый жест той, кем ей предстояло стать. В пустой спальне снятой квартиры она оборудовала нечто вроде танцзала, купила диски с песнями, под которые танцует Азия, и начала нелегкий путь превращения в «Богиню Танца». Проблему шоколадной кожи мог решить автозагар или специальный грим, благо Фатима тоже не была Белоснежкой, волосы тоже легко подделать, а вот движения и лицо – с этим могут возникнуть проблемы. Поэтому она и работала, как сумасшедшая вытанцовывая в пустой комнате, а потом снова идя в клуб, и снова наблюдая за прекрасной Азией, и понимая, что далека от нее как Сатурн от Солнца. И все же она не меняла план, лучшего способа приблизиться к Артуру не было, значит, не оставалось ничего другого, кроме как потеть в пустой комнате, раз за разом отрабатывая движения под надоевшую уже музыку и периодически навещать клуб «Три Кита», она ведь должна была хорошенько узнать его снаружи и изнутри. А кроме того, надо было еще растить ребенка, и это было труднее, чем следить за объектом или учиться танцевать.

Сейчас до того самого вечера оставалось всего 5 дней, времени мало, но зато у нее был план. Как всегда, вмещалась сама судьба и указала ей путь, видимо, Артур все же должен был умереть, а от смерти не спасут ни деньги, ни влияние.

Район, где поселилась Фатима с сыном, хоть и был тихим, зеленым и на первый взгляд чистым, но от крыс спасения нет нигде, эта серая эпидемия преследует человечество с сотво-

рения мира, наверное. И здесь тоже было полно хвостатых грызунов, в основном они паслись возле контейнеров с мусором, а особо наглые даже заходили в подъезды и рыскали возле мусоропроводов, причем кошек как на улице, так и в квартирах было предостаточно, но численность крыс от этого меньше не становилась. Фатиме до кошачьих войн дела не было, и она так бы и не заметила этого вечного противостояния, если бы не случай.

На лестничной площадке кроме ее квартиры располагались еще две, в одной жила та самая женщина, которая присматривала за Яном, в другой старик, державший у себя 15 кошек. Его жена очень любила котов и тащила домой каждого бездомного котенка, старик в свою очередь очень любил жену и ни в чем ей не перечил, тем более в таком благом деле. Так они вместе собирали и собирали котят, а потом его жена умерла, оставив ему все свое кошачье семейство. Поскольку это была единственная такая яркая память о любимой супруге и дело всей ее жизни, старик не стал раздавать вошек, а занялся ими сам, балуя их как детей. Все это рассказала Фатиме соседка, пока та собиралась «на работу» или наоборот, приходила домой и сменяла женщину на посту возле малыша. Никакого интереса данная информация не представляла, но Фатима слушала и запоминала чисто автоматически, она привыкла ничего не упускать из виду.

– А разве они не размножаются? – спросила она просто так, для поддержания разговора, – или он не выпускает их из дома?

– Нет, она все гуляют, когда захотят, – пояснила соседка, – просто все кошки у него оперированные, еще жена их всех обезопасила, а то там бы уже целая котоферма была бы!

На том они тему соседа и его кошек закрыли, а за две недели до назначенной даты Фатима поняла, как избавиться от Артура тихо и быстро, и помог ей в этом как раз старик и его коты.

Возвращаясь днем из магазина, – малышу ведь всегда нужны свежие фрукты и молоко – она заметила скопление людей возле подъезда. Подойдя ближе, она заметила среди незнакомых ей жильцов свою соседку, лицо у нее было бледное и печальное. Протолкавшись сквозь небольшую толпу, Фатима приблизилась к женщине и уже хотела спросить, в чем дело, как воздух прорезал душераздирающий крик. Сквозь людей проталкивался тот самый старик, выскочивший из дома в чем был, то есть в штопаных спортивных штанах и белой майке. Люди расступились, пропуская его, и когда пространство освободилось, Фатима наконец поняла, в чем дело. На земле возле мусорного бака валялись мертвые кошки, всего трое, одна лежала чуть подальше, все они лежали в лужах крови, резкий неприятный запах исходил от всего этого кошмара. Сначала Фатиме решила, что кто-то издевался над ними, а может, собака загрызла, но присмотревшись, поняла, что трупы кошек совершенно целые, а кровь у них только возле хвостов. И тут она поняла. Яд, вот что так зверски убило бедных животных, они же просто истекли кровью.

Что сейчас будет, подумала она, и в эту самую минуту старик наконец увидел, как именно умерли его любимцы. Издав нечеловеческий крик, он упал на колени и обхватил руками свою почти лысую голову.

– Боже мой! – рыдал он, причем Фатима видела, как слезы буквально лились из глаз, это напомнило ей клоунов в цирке, нажимающих на цветок на воротнике и вызывающих целую струю искусственных слез. Только теперь слезы были самыми настоящими. – Мои маленькие! Да что же это такое! Нет, как же это... ну... ну что же... как так... не-еет!

Все еще не веря глазам, он ошарашено смотрел на лежащие на земле тельца, а потом протянул руку и нежно погладил мертвую кошечку, лежавшую совсем рядом с ним.

– Мадмуазель, – ласково позвал он, голос его дрожал и срывался от слез, – милая, ну что же так... ну как это получилось....

Всхлипывая, он поднялся и подошел к другому коту, крупному рыжему, снова опустился на корточки погладил его.

– Васенька, мальчик мой, – слезы градом катились по морщинистым щекам, смотреть на это и не плакать было невозможно.

– Алиса, – старик добрался до третьей кошечки белоснежной, как вершины гор, лежавшей чуть дальше, – моя красавица. Как же так вышло? Как могло так случиться?

Люди молча смотрели на плачущего старика, многие плакали сами, кто-то тихо начал шептать, что не надо было его звать, мол, убрали бы все по-тихому, да и всё, незачем ему видеть такое. Другие тихонько шептались о том, что недавно ЖЭК рассыпал яд для крыс, вот бедные кошки и пострадали, съев отравленных грызунов. Молодая женщина с грудным ребенком на руках разрыдалась сама, и муж спешно увел ее домой. Двое мужчин и пожилая женщина подошли к старику и начали его утешать, но он лишь мотал головой на все их слова и просьбы успокоиться и подняться к ним выпить чаю или чего-то покрепче.

– Игорь Николаевич, – успокаивала его женщина, сама еле сдерживая слезы, – вам нельзя волноваться, я вашей жене обещала, что присмотрю за вами, ну что же вы так убиваетесь.

– А как мне иначе! – не поднимая головы ответил старик, нежно поглаживая то одного мертвого любимца, то другого, – они ведь мне как дети! Мы же их еще с Люсей подобрали, вырастили, а теперь...

Договорить он не смог, снова обхватил голову руками и заплакал так горько и безутешно, что сердце Фатимы, обычно глухое к человеческим горестям, дрогнуло. Уж она-то знала, каково терять тех, кого любишь. Она молча стояла и смотрела на этого старика, такого высокого и нескладного, с большими руками работяги и почти лысой головой с белоснежным венчиком волос, старика, такого одинокого и такого несчастного, живущего на мизерную пенсию и умудряющегося прокормить на нее еще 15 кошек. Недавно он потерял жену, а теперь еще и своих самых близких друзей, пусть они были всего лишь кошками. Она смотрела, как горько он плачет и как нежно гладит выпачканные в крови шкурки, и поняла, что и по ее щекам медленно текут тихие тяжелые слезы. Это все ребенок, подумала она, даже не пытаясь стереть их с лица, раньше я не была такой.

Не в силах больше смотреть на горе старика, Фатима повернулась и собралась уходить, Ян уже должен скоро проснуться, а ей надо было еще приготовить ему кашу, но ее окликнула соседка.

– Это ужасно, – покачала она головой, а потом кивнула на мокрое лицо Фатимы и хмыкнула, – только статуя могла бы удержаться от слез. Бедный старик, я же знаю, как он их любил. Да еще ладно бы они просто пропали, с котами такое бывает, но вот так... – она печально покачала головой.

– Яд – самый старый убийца, – кивнула в ответ Фатима, – и самый жестокий, он уж убивает без разбора и жалости.

И тут ее осенило, и хоть она ненавидела себя за эти мысли, но, поднимаясь на пятый этаж, она уже твердо знала, как покончить с Артуром Абрамяном.

2

Тем же вечером, уложив Яна спать, Фатима достала свой ноутбук – прежний она разбила и сожгла, его заменил более новый и мощный – и, заварив себе большую чашку зеленого чая, устроилась на застекленном балконе в плетеном кресле. Пока было не холодно, так что сидеть там было можно, но она была уверена, что первые же морозы положат конец ее ночным посиделкам, так что она пользовалась случаем. Занавески она обычно отодвигала и смотрела на звездное небо или просто на свет фонарей, но сегодня ей было не до того.

Набрав в поисковике «темного интернета» короткое слово «ЯД» она нажала «Найти» и стала ждать. В большинстве своем все сайты лишь давали характеристику или просто содержали истории ядов, попалась и пара объявлений, но ничего стоящего она не нашла. Зато узнала, что именно ей следует искать, а это уже немало, плюс она знала одного человека, который мог помочь найти надежного продавцов такого товара.

Она провела несколько часов, за временем она не следила, открывая страницу за страницей, и просто поражалась тому разнообразию ядов, какое предлагал интернет. За сотни лет

люди отлично преуспели в искусстве убивать друг друга, открывая все новые и новые виды смерти. Природные яды сменяли синтетические, растительные выходили из моды и сменялись ядами животного происхождения, и всему этому многообразию не было конца. Она даже не поленилась прочесть про самого великого отравителя Борджиа и его доченьку, переплюнувшую отца в этом смертоносном хобби. Особенно ее поразила история с микроскопической зазубриной на ключе, смазанной сильнейшим ядом. Прекрасная талантливая дочь Борджиа давала подержать такие ключики неугодным людям, они даже не замечали, как в крошечную ранку на коже проникал яд, а потом они умирали в муках, крича, извиваясь и выплевывая собственные внутренности. Вот так убийца, восхищенно думала Фатима, отпивая остывший уже чай и глядя на светящийся экран, изящно и совсем быстро. А главное – безотказно.

Но как бы интересны ни были истории прошлого, она не могла читать всю ночь, у нее есть дело, а времени как всегда не хватает. И самое смешное – она не могла позволить себе сидеть всю ночь за компьютером, потому что утром надо вставать и кормить ребенка, надо гулять с ним, а еще надо делать свои дела, так что время как никогда в цене. И вот, открыв очередную страничку, она прочитала про интереснейший яд, редкий и очень дорогой, но смертельно опасный и действующий быстро. А не таким ли ядом дочь Борджиа мазала свои ключи, задалась вопросом Фатима, вчитываясь в описание вещества.

Назывался яд «Поцелуй Амазонки», потому что делали его из сока деревьев, растущих в Бразильских джунглях. *Сельгава* (вымысл.), так называлось это растение, раньше индейцы охотились с этим ядом на диких зверей, смазывая наконечники своих копий и стрел смертельным соком *сельгавы*. Убитых животных они могли спокойно есть, потому что яд быстро распадался, всего два часа – и он растворялся в крови, образуя абсолютно безвредные соединения, если верить интернету, а сведения там часто бывали не совсем точными. И умирали жертвы не в конвульсиях, они просто отключались, причем всего за три секунды. Вот что мне нужно, сразу же поняла она, и хотя на сайте сообщалось, что растение это запрещено выращивать и что оно почти истреблено, она знала, что все можно достать, были бы деньги, а этого добра у нее хватало.

– Я тебя поцелую, Дорогой Артур, – промурлыкала она, уже набирая в поисковике совсем другие символы, – и это будет самый горячий поцелуй в твоей жизни.

Она засмеялась, тихо, чтобы не разбудить малыша, но даже приглушенный, ее смех был страшным.

С помощью своего старого партнера, все еще лучшего хакера в мире, она нашла людей, готовых за четверть миллиона долларов привезти ей в любую точку мира пузырек с «Поцелуем Амазонки». Она назначила встречу в Ростове, договорившись, что подробнее о месте сделки сообщит, когда прибудет туда, так же она потребовала, чтобы товар доставили за два дня, – больше ждать она не могла, – что, разумеется, увеличило стоимость. Таким образом, за крошечный пузырек яда она отдала 300 тыс. долларов, большие деньги, но этот яд того стоил. К тому же, убив Артура Абрамяна, она с лихвой окупит все свои затраты и неплохо заработает, сколько бы она ни попросила, ей заплатят, ведь она хороша так же, как и этот яд – если за дело взялась Фатима, клиент точно будет мертв.

Да, хорошо иметь репутацию, подумала она, собирая вещи, никто не станет играть с тобой в игры и не попытается обмануть, ведь если я добралась до такого защищенного клиента, что мне помешает добраться до заказчика, тем более, что никто не знает, как я выгляжу и какого я пола. А может, это сумасшедший мужик взял себе имя любимой или еще кого? Она улыбнулась, а потом вздохнула, придется оставить Яна одного, всего на сутки, но ведь он еще такой маленький.

– Дело есть дело, – строго сказала она себе, – если не можешь больше работать, уходи, но если работаешь, делай все, что должна.

В ту ночь она почти не спала, как и в последующую, гадала, как малыш будет без нее целые сутки, гадала, не окажется ли подделкой яд, хотя Пророк заверял, что люди надежные, продающие такой товар уже много лет. Если придется, испробую на самом курьере, решила она и заснула, а на утро поняла, что справится, ведь это она, она справлялась с вещами и потруднее. Весь день перед отъездом она посвятила ребенку, гуляла с ним и играла, не отлучаясь никуда, ведь все, что нужно она уже подготовила. Соседке она сказала, что подвернулась выгодная работа в Ставрополе, якобы директор заведения, где она выступала, предложил съездить с DJ-ями в Ставропольский клуб.

– Платят хорошо, – сказала она, опуская глаза, – а вы же знаете, нам с малышом деньги нужны. Это всего на одну ночь. Ну то есть, меня не будет примерно сутки, я так переживаю, но понимаю, что надо заработать, скоро ведь Новый Год, хочется устроить ему праздник.

И она с любовью посмотрела на спящего в манеже сына.

– Ни о чем не беспокойся, – заверила ее соседка, – я женщина одинокая, своих детей давно вырастила, так что мне совсем не трудно присмотреть за этим красавцем. – Она взяла руки Фатимы в свои и тепло ей улыбнулась, – ты самая заботливая мать на свете, так что поезжай со спокойным сердцем, с ним все будет отлично, у меня большой опыт. К тому же мы с ним подружились, он у тебя такой весельчак!

Фатима ей верила, но, уезжая, оставила в каждой комнате маленькие камеры, доверять она не могла никому. Все, что не нужно было видеть – таких вещей было немного: ноутбук, парик и паспорта, – она взяла с собой, а больше прятать ей было нечего, в этом деле оружие было бесполезно.

Итак, 13 декабря рыжеволосая и сероглазая красавица Лилия выехала на скоростном экспрессе из Краснодара и уже через 6 часов шагала по холодным улицам Ростова. Здесь, в отличие от Краснодара, зима пришла уже давно и крепко держала город своей ледяной рукой. Шагая по обледенелым улицам, уже украшенным гирляндами и новогодними рекламками, Фатима вспомнила то давнее дело банкира, тогда она тоже видела город украшенным, правда в тот раз праздник уже прошел. А вот ветер и серость улиц никуда не делись, сырость пробирала до костей, и она поплотнее закуталась в меховой воротник своей дубленки, радуясь тому, что купила перчатки такого же качества, иначе руки давно перестали бы ей служить. Она несла небольшую дорожную сумку и кейс, часть денег она сняла еще в Краснодаре, часть снимет здесь в разных банках – так легче остаться незамеченной. Она давно работала и знала, что все крупные денежные операции всегда оказываются под пристальным вниманием, так что рисковать она не хотела. Намного проще было перевести деньги на указанный счет, но продавец поставил одно твердое условие: только наличность. Что ж, зато остальные условия ставила она, подъезжая к Ростову, она сообщила, что уже в городе, продавец тоже уже прибыл, место встречи выбирала она, как и время, но об этом они решили договориться позже – сначала ей нужно было самой решить, где и как лучше провести сделку.

Быстро позавтракав в первом же кафе, она отправилась бродить по городу, попутно заходя в банки и снимая со счетов переведенные накануне деньги. Много времени это не заняло, но хождение по ветреным и холодным улицам сильно утомляло, от холода не спасало даже время, проведенное в теплых помещениях банков, а получив всю сумму, Фатима поняла, что разгуливать с целым чемоданом денег, да еще на таком холоде, по меньшей мере глупо.

Итак, вопреки первоначальному плану, она решила снять номер. Дорогие гостиницы отпадали сразу, слишком много народу, все любят пялиться и совать нос в чужие дела, нет, ей нужно что-то тихое и отдаленное. Она неплохо помнила город, но за три года многое могло измениться, да и потом, никто не знает изнанку города лучше, чем таксисты, именно поэтому она села в первое же частное такси, надвинув шапку пониже и придав лицу глуповатое выражение. Она сразу же попросила отвезти ее в самое дешевое, но не криминальное место, где можно снять номер на пару часов, а не платить за сутки. Ничего шикарного в ее облике не

было, обычная дубленка, простенькая вязаная шапка, вот только кейс мог вызвать вопросы, но она предусмотрительно объяснила его наличие как бы невзначай, просто упомянула в разговоре. Едва захлопнув дверцу, она начала болтать без умолку, на этот раз она была курьером от «крутой сигаретной фирмы», ее послали с пакетом документов из Ставрополя, дали командировочные, все как положено, вот только зарплата у нее не такая уж большая, поэтому она и решила сэкономить и остановиться в местечке подешевле, а разницу забрать себе.

– Умно, правда? – самодовольно сказала она небритому и хмурому таксисту, который явно перестал слушать на десятом слове, чего она и добивалась. – В наше время надо крутиться, вот я и кручусь. Мне-то без разницы откуда проклятые бумажки везти, а вот деньги сохранить – это уже значение имеет. Да и потом, мне-то всего на ночь, утром в офис и сразу на поезд, да и сегодня только с поезда и уже в офис, даже не присела ни разу, так на кой же черт мне платить за сутки, если я все эти долбаные сутки на ногах, разве что ночью посплю немного. Резон есть, как вы считаете?

Таксист буркнул что-то нечленораздельное, просто наобум, что в случае можно понять и как «да», и как «нет», он ведь совсем не слушал, его давно уже достали все эти тупые пассажиры со своими бесконечными тупыми проблемами и бесконечным трепом. Он знал такое место, куда попросила отвезти эта молодая жмотка, а остальное его нисколько не волновало. Одно он отметил – чаевых от такой курвы точно не дождешься, а значит, и нет смысла слушать ее бредни и участливо кивать.

На окраине города он высадил ее перед гостиницей «Млечный Путь», под красивым названием скрывался настоящий клоповник, но зато место было тихое, и постояльцев почти нет, как раз то, что она искала. Расплатившись с таксистом, – он была прав, ни копейки лишней она ему не оставила – Фатима осталась одна на холодной и грязной улице.

А город разросся, отметила она, в дни ее последнего пребывания в Ростове этого заведения точно не было, по крайней мере, в черте города, а этот участок вообще был полем. Она огляделась, вокруг в небо упирались новостройки, еще незаконченные серые громады, скоро здесь будет настоящий жилой район, а пока только пара магазинов и дешевые отели для работы. До центра небось ехать минут 40, и то если повезет, подумала она, направляясь к облезлому двухэтажному зданию с яркой неоновой вывеской, почти невидной днем. Было уже 2 часа дня, а поезд прибыл в 5 утра, так что на ногах она была уже 9 часов, да еще на таком холоде. Больше всего ей хотелось выпить громадную чашку чего-нибудь горячего и постоять под горячим душем, она плохо переносила холод и просто ненавидела снег. Южные корни, подумала она и вошла в гостиницу. Полумертвый старикан за стойкой молча дал ей ключ, вписав в толстую тетрадь время регистрации.

– У нас почасовая оплата, – промямлил он, глядя на нее пустыми глазами, – когда будете уезжать, тогда и расплатитесь. Оставьте что-нибудь в залог.

Все это он проговорил ровно и без эмоций, как запись на автоответчике кинотеатра или какой-нибудь горячей линии. Никаких документов он не потребовал, что вполне соответствовало духу таких мест, просто написал номер комнаты и время регистрации. Фатима оставила ему золотую цепочку, обычно она не носила украшений, но в этот раз просто забыла снять, в Краснодаре Мариям очень любила золото, как и положено настоящей армянке. Вот и снова Судьба, подумала Фатима, наблюдая, как цепочка исчезает в бумажном пакете, а потом в ячейке, где только что был ключ, моя удача со мной, значит, все идет по плану. Когда пакет с цепочкой занял свое место, старик тут же потерял к Фатиме всякий интерес и снова уставился на экран маленького телевизора, стоящего за стойкой. Отличное место, подумала Фатима, даже соседство с опорным пунктом полиции ее не огорчало, главное, не привлекать внимания и вести себя тихо, уж в этом углу у них явно есть чем заняться.

В номере на втором этаже было на удивление чисто и тепло, но стены и мебель были потрепанными и просто древними. Зато краны не текли, и на полу не было мусора и пыли.

Душа в комнате не было, только на этаже, но раковина была, и Фатима с удовольствием подставила озябшие руки под горячую воду. Сквозь старые, еще советского изготовления занавески она видела поле и новостройки, и тут ее осенило. Вот идеальное место, тихо и безлюдно, и далеко от чужих глаз. Да это просто подарок судьбы!

Она закрутила кран и подошла к окну, вытирая руки стареньким и больше похожим на марлю, но чистым полотенцем. Вот где она проведет сегодня встречу с продавцом, в одной из этих серых громадин, надо только прогуляться и решить, в какой именно. Выходить на холод опять не хотелось, но выбора не было, скоро стемнеет, а она должна все хорошенько рассмотреть и сообщить продавцу, где и когда будет ждать его. Сегодня в 1 ночи у нее поезд, значит, до этого времени она должна успеть купить яд и добраться до вокзала, и вот тут она была рада, что зимой темнеет рано.

Ее не будет чуть больше суток, как там малыш? Прежде чем снова окунуться в работу, она решила позвонить в Краснодар, благо теперь сотовые телефоны были уже у всех и не считались роскошью. Поразительно, как быстро меняется жизнь, подумала Фатима. Она уже звонила утром, малыш поел и играл, а что он делает теперь?

Присев на узкую кровать, она набрала номер и стала ждать. После третьего гудка в трубке раздался смеющийся голос Яна.

– Мамочка, алло! – радостно выкрикнул он, и на глаза Фатимы невольно навернулись слезы. Как же он сумел так ее изменить? Как она могла полюбить так сильно после того, что с ней случилось, после данного себе обещания никогда и ни к кому не привязываться? А может, просто такие вещи нельзя предугадать, как и нельзя контролировать, шепнул голос в голове, может, любовь, как и Бог, действует сама и не спрашивает нашего разрешения?

Она сумела взять себя в руки и ответить таким же веселым голосом, малыш лепетал что-то про «тетю Пашу», про игрушки, а потом трубку взяла сама соседка. Она участливо поинтересовалась, как там «Мариям», «Мариям» ответила, что все отлично, сегодня выступит и уже утром будет в Краснодаре, только вот сильно скучает по малышу.

– Не волнуйся, – успокоила ее соседка, – с ним все хорошо, ест, как маленький слоненок, и бесится сутки напролет. Уложить его спать просто проблема, играет, пока сам не отрубится в манеже. И еще постоянно спрашивает про тебя, но не плачет, характер у него такой же твердый, как и у мамы.

Еще бы, подумала Фатима, прощаясь и отключая телефон, этот малыш с первых дней жизни повидал столько, сколько другим и не снилось. Она немного успокоилась, насколько вообще может успокоиться мать, разлученная с ребенком, но все же от этого звонка на душе у нее полегчало, малыш был сыт, был веселым, и ничего ему не угрожало, а уже завтра она сможет прижать его к себе и заботиться о нем сама. Но это завтра, а пока ее ждет дело. Все еще сидя на кровати, она посмотрела в окно, еще не темнело, но свет уже изменился, стал каким-то вечерним, если она и правда хочет все успеть, ей надо немедленно выходить.

– А как не хочется, – вздохнула она и встала с кровати.

Деньги она не могла оставить в этом клоповнике, хоть рядом и находится участок, менты и сами вполне могут обчистить номера, от обычных бандитов их отличают только значки и ничего больше. Нет, никаких гарантий пункт полиции не дает, значит, придется нести их с собой. Или хотя бы вынести отсюда и спрятать где-то, пока она будет лазить по стройке. Кейс слишком заметен, тем более в таком районе, значит, надо переложить наличность в сумку и так вынести из гостиницы.

Не теряя времени, она открыла свою дорожную сумку и вывалила все ее содержимое на кровать, на покрывало упал, заблестев, один из ее костюмов, в которых она якобы выступала, она специально положила его сверху, если уж играть роль, то до конца, проколов быть не должно, особенно в мелочах. Она давно заметила, что большой промах бывает просто объяснить, а вот несостыковка в мелочах способна утопить любую легенду. В сумке она привезла

черную дутую куртку, черные штаны и свою маску от костюма, купленного еще для убийства посла – ей ведь предстояло провести на холоде неизвестное количество часов, а маска поможет скрыть лицо. Освободив сумку, она открыла кейс и быстро переместила перевязанные банковскими лентами пачки банкнот в сумку, сверху снова положила свой танцевальный костюм, а под него маску, ее нельзя было оставлять, и закрыла молнию.

Но было еще кое-что, что она привезла с собой – длинный нож с искривленным лезвием и кастетом на ручке, эту милую вещицу она купила в сувенирном магазине, пистолета у нее не было, доставать его слишком долго, а пойти совсем без оружия она не могла. Как хорошо, что многие люди любят дарить и получать в подарок красивое и при этом вполне рабочее оружие, вот еще пару лет назад таких магазинов не было, разве что в больших городах, подумала она, прикрепляя нож в чехле к поясу на джинсах. Жаль, если придется выбрасывать такую красоту, но если этот нож сегодня поработает, другого выхода у нее не будет. А если все пройдет успешно, и продавец не станет мудрить, она привезет его как сувенир, оружие в доме никогда не помешает, тем более таким, как она.

Собрав сумку, она снова надела свою дубленку, поправила рыжий парик и натянула на него шапку – носить в такой холод парик было очень даже приятно, не то что летом – потом повесила сумку на плечо и взяла перчатки. Проверила, не забыла ли телефон, ей ведь надо было сообщить о месте и времени встречи, а потом, бросив последний взгляд на видимые из окна новостройки, вышла.

В коридоре стояла полная тишина, и это учитывая толщину стен, видимо, и правда «Млечный Путь» переживал не лучшие времена, если вообще хоть когда-то у него были такие. Она прошла по истертому линолеуму и оказалась на лестничной площадке, все было серым и убогим, но чистым, нигде не валялись окурки или пустые банки, пыли тоже не было. Может, просто потому, что постояльцев тут тоже почти нет, подумала она, но отмела эту версию, пусть люди оставляют мусор, но там, гделюдно, пыли не бывает, а тут ни мусора, ни пыли. Видно, старикан следит за чистотой, подумала она, если это, конечно, его заведение, если нет – значит, хозяин любит порядок. Да, таксист правильно ее понял, именно такое место она и искала.

Старик все так же сидел за своей стойкой и лупился в телевизор, должно быть, смотрит все подряд от скуки, подумала Фатима, проходя мимо. Старик не обратил на нее никакого внимания. На улице ее снова окутал ледяной воздух, под вечер температура опускалась, а к ночи обещали метель. Просто чудный день, вздохнула Фатима и, постояв секунду под козырьком над входной дверью, решительно шагнула на тротуар.

Город здесь фактически заканчивался, кроме полей и новостроек практически ничего в этом районе не было, только оставшиеся придорожные кафе и отели, где раньше останавливались дальнбойщики или просто проезжающие. Еще три года назад тут только пролегала трасса, ведущая из города на север, теперь город захватывал и эти территории, еще три года – и тут будет полноценный спальный район. Она не спеша пошла по тому, что должно было быть тротуаром, но на самом деле было скопищем ям и булыжников, мерно гудели машины на трассе, которая находилась совсем рядом, и если проезжал высокий грузовик, его было видно за низким рядом магазинчиков и закусовых. Там-то и можно сесть на автобус или маршрутку, подумала Фатима, но на всякий случай решила сама все проверить.

Обшарпанные постройки располагались очень неравномерно, то тут, то там в улице зияли дыры, через которые просвечивала трасса с одной стороны и железная дорога с другой. А можно еще сесть на электричку, отметила Фатима, это даже надежнее, чем автобус или маршрутка, и опять-таки, попадет она прямо на вокзал, а ведь ей туда и надо. Пожалуй, сначала узнаю расписание электричек, решила она и свернула налево сразу за опорным пунктом полиции. Двое молодых сотрудников стояли на крыльце низкого, как и все здесь, здания и курили. Фатима спокойно прошла мимо них, скользнув по ним равнодушным взглядом обывателя, совсем не смотреть было бы подозрительно, как и пялиться, поэтому она выбрала золотую середину.

Молодые менты проводили ее презрительным настороженным взглядом, но она не волновалась, так они смотрели на всех, особенно в таком Богом забытом месте.

– Неужели еще кто-то живет в этой дыре, – мрачно прокомментировал один, тощий как жердь и рыжий, как парик на голове Фатимы.

– Отбросы и живут, – ответил второй и сплюнул, – а где им еще жить? Тут еще, можно сказать, приличные останавливаются, самое дерьмо вон в том «пятизвездочном» и, главное, бесплатном отеле ночует. – И он кивком указал на одну из новостроек.

Оба заржали, второй снова сплюнул, и разговор вернулся в прежнее русло. А вот Фатима узнала, что на стройке у нее могут быть незваные гости. Что ж, придется выбрать место не слишком удаленное от участка этих милых ребят, решила она, лишние свидетели как и лишние трупы мне не нужны.

Тропинка, ведущая к железной дороге, проходила как раз по краю поля, на дальнем конце которого уже высилась серая громада многоэтажки, забора вокруг стройки почти не было, – его давно свалили и большую часть растащили на дрова те, кто коротал холодные ночи в недостроенных домах, – и она видела технику, оставленную на ночь и укрытую какими-то чехлами. Нет, эта слишком близко, но за ней высилась еще одна, правда, не такая высокая, ее еще не закончили возводить, вот там, пожалуй, можно посмотреть. Главное, найти дорогу в обход, не пойдет же она через поле, прямо на глазах всех сотрудников участка. Но с этим проблем не будет, думала Фатима, вдоль железной дороги росли деревья, в них она сможет укрыться и просто пройти по шпалам до стройки. Надо только не назначать встречу поздно, чтобы ничего подозрительного в идущей к станции девушке не было. Как же хорошо, что зимой темнеет рано, снова подумала она и ускорила шаг, время поджимало.

За гостиницей и полицейским постом тоже ничего не было, только замусоренный пустырь и стоянка для полицейского транспорта. *Мусор* среди мусора, подумала Фатима и невольно улыбнулась, как же удачно они выбрали место для участка. Заодно она посмотрела и на окна, выходящие на эту сторону, просто так, на всякий случай. Фонарей вдоль тропинки не было. Только один возле участка и еще один там, где тропинка вливалась в лесополосу возле железной дороги, на станции наверняка фонари есть, но какая ей разница? Она ведь не делает ничего подозрительного, просто вечером пойдет на электричку и уедет. И все. А куда она свернет за деревьями, никто не увидит, да, таксист привез ее в очень хорошее место.

Фатима снова улыбнулась и подняла голову к небу, там уже собрались тяжелые свинцовые тучи, наверное, синоптики правы, будет метель, ветер усилился, а с поля дул прямо настоящий ледяной ураган, в городе, среди зданий все же было гораздо теплее. А в Краснодаре погода все еще не зимняя, подумала она, вспоминая о сыне, оставленном на целые сутки ради ее дел, хотя, может, этот циклон дойдет и до нас в ближайшие дни. Это и радовало, и расстраивало одновременно, с одной стороны, она ненавидела снег и холод, но с другой, в такую погоду легче всего остаться незамеченной и неузнанной – все ходят, заматавшись в шарфы и надвинув шапки на глаза. Но это уже планы на будущее. А пока надо узнать расписание и присмотреть место для встречи, время идет, и она должна позвонить, иначе человек с ядом уедет, и дело будет провалено.

Деревья вдоль железной дороги росли в три ряда, все они были высокими старыми тополями, между стволов разросся молодняк, пока имеющий форму кустарников. Листьев сейчас, конечно же, не было, но густые ветки вполне могли скрыть ее от посторонних глаз. Ну и плюс темнота, дело-то будет уже после захода. Пройдя по тропинке сквозь деревья, Фатима вышла к рельсам, здесь был даже сделан переход из плит, чего она не ожидала – в этом строящемся районе все казалось либо незаконченным и необжитым, либо разрушающимся и старым, до золотой середины этому месту было еще далеко.

Однако переход через рельсы имелся, а перейдя пути, Фатима увидела и станцию, она стояла всего в нескольких метрах. Она зашагала прямо по шпалам к возвышающемуся перрону,

само здание и кассы были на другой стороне, но она хотела пройти по маршруту, которым ей предстоит идти в темноте, а вдруг там есть ворота, которые закрывают после захода, надо было увидеть, есть ли другие пути попасть на перрон, и какие они.

Ворота действительно были, в этом она убедилась, подойдя к пологому спуску, ведущему на перрон, пока они были открыты, сам перрон как глыба возвышался над землей, за ним шел небольшой участок пустой земли, тоже огороженный железным забором, а дальше опять лесополоса. Она поднялась по склону и прошла через ворота, никаких табличек с объявлениями на них не было, на перроне было совершенно пусто, видимо, электричка ушла совсем недавно, а новых пассажиров в этом районе было немного, это ее порадовало. Она пошла через перрон к другому концу, там тоже был спуск, а вот ворот не было, и переход через пути был более цивилизным, не просто сваленные плиты, а выложенная плиткой тропинка. Фатима снова перешла через железную дорогу и пошла прямо к низкому старому зданию станции, зачем подниматься на перрон, все, что ей надо, она уже увидела.

Кассы выходили на улицу, но ей ведь нужно было расписание, поэтому она открыла тяжелую дверь и вошла в здание. Зал внутри была маленьким и плохо освещенным, там тоже было две кассы, закрытые за ненадобностью, и большие электронные часы на стене, посреди зала стояли ряды кресел, на одном сидел бомж и смотрел в пустоту, свалив все свои сумки себе под ноги. Расписания висели на левой стене между дверью, ведущей в служебные помещения, и первой кассой. Фатима подошла и стала внимательно изучать таблицы. А как же называется эта станция, забыла сначала Фатима, но в памяти быстро всплыл образ указателя, такие стояли сейчас на каждом перроне на каждой станции, зеленым стрелками там показывалось направление и конечные пункты, а посередине название своей станции. «Полевая», вот как называлась эта остановка, итак, последняя электричка отправляется отсюда в 23:15. Нет, это на крайний случай, слишком поздно. Фатима продолжала бегать глазами по строчкам, электрички ходили не так уж часто, но подходящий вариант она нашла – в 21:20, если верить расписанию, будет очередная электричка, и вот на нее она должна успеть. Теперь оставалось осмотреть стройку и звонить.

В зале ожидания было холодно, но по крайней мере не дул этот ужасный ледяной ветер, поэтому выходить очень не хотелось, но дела не ждут. Запомнив время, Фатима повернулась и пошла к выходу, бомж поднял голову и пробормотал что-то нечленораздельное, где-то под потолком захлопала крыльями птица, наверняка здесь гнездились не только воробьи, в работающем окне кассы женщина продолжала читать, так и не подняв ни разу головы. Фатиме это место показалось каким-то зловещим, похожим на параллельные миры из книг или фильмов, поэтому она все же с большей охотой вышла на улицу, несмотря на холод и ветер. Весь район какой-то заколдованный, думала она, шагая по правой стороне между деревьями и железной дорогой, серый, мрачный, пустой, а люди, те, что есть, какие-то странные. Низкое свинцовое небо только усиливало впечатление, а ветер, уже потихоньку начинающий завывать в ветках деревьев, завершал картину. Вот сейчас все они вдруг превратятся в чудовищ, подумала Фатима и улыбнулась, когда Ян станет постарше, такие истории наверняка вызовут у него интерес.

Между деревьями она видела поле, она как раз шла параллельно ему и прошла уже большую часть, еще немного, и она поравняется с новостройками. Пока никаких тропинок не было, но как только она прошла поле, из-за деревьев вынырнула тропка, ведущая мимо строек. Свернуть сейчас или пройти дальше и продирается потом через кусты? Не раздумывая, Фатима свернула и пошла с другой стороны поля, фактически она просто обошла его, сделав круг, но эта трата времени не была напрасной.

Справа от нее тянулось поле, пустое и замусоренное, ветер гулял по его открытому пространству и свистел, как разбойник, слева тянулся прерывистой линией деревянный забор, какие обычно ставят на стройках, за этим забором стояла первая недостроенная многоэтажка.

Фатима прошла, не останавливаясь, но успела рассмотреть технику, горы песка, камней и плиты, образующие целую башню. Этот дом был уже почти готов, да и слишком близко он к полю, нет, она с самого начала шла к его соседу. Проходя мимо, она задрала голову и посмотрела на верхние этажи, они еще не были закончены, а над самым домом возвышался кран, упираясь вершиной в тяжелое черное небо. Да, картинка зловещая, отметила она, не сбавляя шаг, может, если бы не погода, этот район выглядел бы не так отталкивающе. Ветер, гуляющий по этим пустым комнатам, окна без стекол и брошенная техника, недостроенные верхние этажи и нависающее над всем этим черное небо, были словно готовой декорацией к какому-нибудь фильму ужасов.

Даже ни одна собака не залает, отметила Фатима, а ведь обычно на стройках всегда живут бродячие животные, строители их кормят, а они худо-бедно охраняют территорию. Небось, вымерзли все в такой холод или просто попрятались, подумала она, с тоской вспоминая оставленный номер в дешевом придорожном отеле, там-то хоть было тепло, и была кровать. Дойдя до участка, где забор еще стоял, Фатима быстро оглянулась и свернула, огибать стройку ей не хотелось, а пройдя прямо она могла все хорошенько рассмотреть.

Забор, идущий вдоль тропинки, изгибался в форме буквы Г и продолжался по перпендикулярной улице уже без дыр, так что Фатима похвалила себя за то, что повернула, забор тянулся вперед и вперед, огораживая сразу несколько строек. Среди них была и та самая многоэтажка, которую отметила Фатима, она уже видела ее серую громаду, совсем еще далекую от завершения.

Ветер здесь дул не так, теряясь в недостроенных зданиях и натываясь на забор, но зато дул из щелей с такой ожесточенной силой, что, казалось, продувал до костей. В воздухе уже замелькали первые снежинки, ветер носил их по воздуху, как белоснежные лепестки, Фатима с грустью подумала о весне и о цветущих деревьях. Она шла, глядя себе под ноги не только потому, что ветер резал глаза, идти по стройке было все равно что пересекать полосу препятствий, то и дело она натывалась на кучи песка, гравия или просто мусора, земля была вся в ямах и рытвинах, да еще то тут, то там валялись брошенные сита для цемента, тачки, пустые ведра и миски, а засмотревшись на недостроенный дом, который она обходила, она едва не наткнулась на маленькую бетономешалку.

Сразу за первым домом стоял второй, тот самый, в котором она собиралась устроить сегодня встречу, никакого забора между двумя площадками не было, только длинный общий забор и лесополоса с противоположной стороны, место хорошее. Со временем здесь, наверное, будет детская площадка, подумала Фатима, пересекая границу одной стройки и попадая на другую, а на месте поля, должно быть, разобьют парк. А может, лет через 5 этот район станет самым уютным и престижным, предположила она, думая о том, что любое начало имеет такой непривлекательный и неуклюжий вид.

3

Когда она вернулась в гостиницу, было уже почти 4 часа, и снег все чаще срывался с темного неба, ветер завывал на пустом поле и норовил свалить с ног, зато место было найдено, осмотрено и подготовлено, встреча назначена, и все шло по плану. Теперь можно и немного отдохнуть. В соседнем с гостиницей магазинчике она купила спасение от холодного дня – целый пакетик чая, шоколадку и пачку ванильного печенья. Есть не хотелось, да и потом в этой дыре голодать было безопаснее – булочки на витрине производили впечатление ископаемых окаменелостей, а на бутерброды с ветчиной лучше было не смотреть на полный желудок, можно было запросто расстаться с обедом. Покупателей здесь было немного, товар залеживался, и, посмотрев на все эти древности, Фатима заключила, что безопаснее всего будет взять то, что не может разложиться, как ветчина на бутербродах или окаменеть, как булочки.

Когда она вошла в гостиницу, следом за ней в дверь ворвался ветер, внеся несколько крупных снежинок, он долетел до стойки, но там его силы иссякли и, перевернув страничку в

регистрационной книге, он растворился в теплом воздухе. Старик, все так же тарасившийся в телевизор, даже не пошевелился. Просто чудо, а не отель, подумала Фатима, направляясь к стойке, ей нужно было согреться, причем как можно быстрее.

– Эй, – позвала она, постучав по обшарпанной поверхности, старик опять не шелохнулся.

– Эй, вы меня слышите? – повысила голос она, опять постучав по стойке, – я из 24-го...

– Я не глухой, не надо орать и долбить по стойке. – Старик сказала это без всяких эмоций, как робот, но оторвался от экрана. Фатима посчитала, что эту уже немалое достижение.

Окинув ее безразличным взглядом, в котором тем не менее промелькнуло узнавание, он так же ровно спросил:

– И что вам нужно?

– Электрический чайник, кипятильник. – Ответила она. – Или что-нибудь, из чего можно получить кипяток.

Десять минут спустя она сидела на кровати, сжимая в руках большую чашку с отбитым краем, зато в ней был горячий чай, а на остальное Фатиме было наплевать. За дополнительную плату старик дал ей кипятильник и чашку с ложкой, так же можно было взять маленькую электрическую плиту, какие можно поставить на стол, а также кастрюли и сковородки. От всего прочего она отказалась, но чашку взяла, недовольно глядя на ее отбитый край, старик заметил ее недовольство, но ничего не сказал. Может, у них тут всё немножко убитое, подумала Фатима, она слишком замерзла и устала, чтобы требовать другую чашку, и не факт, что она будет целой. Зато кипятильник проверили прямо на месте, он работал исправно, и, забрав его и отбитую чашку, Фатима поспешила в свою комнату. Там она сначала вымыла ложку и кружку, а потом долго грела руки под горячей водой, это оживило ее, а после первой чашки горячего чая с печеньем и шоколадом, Фатима снова почувствовала себя человеком.

Она сидела, поджав ноги и глядя в окно на серые высотки, место для встречи она выбрала просто отличное, да и время хорошее 8 часов, уже темно, но еще рано. Ветер стучал в стекло, снегопад усиливался, и потемнело так, что казалось, уже наступила ночь, но в номере было тепло и тихо. Глаза у Фатимы начали слипаться, она допила чай, поставила кружку на стол и снова вернулась в кровать. У нее есть три часа, надо использовать их с пользой. Поставив будильник на телефоне на 18:50, она засунула его под подушку и легла. И, как только глаза ее закрылись, уснула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.